

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АЙЗЕК

АЗИМОВ

всемирная фантастическая сага

РОМАН

ОСНОВАНИЕ

РОМАН

**ОСНОВАНИЕ
И ИМПЕРИЯ**

РОМАН

**ВТОРОЕ
ОСНОВАНИЕ**

Annotation

...Империя с высочайшим уровнем цивилизации. Ее влияние и власть распространены на десятки миллионов звездных систем Галактики. Ничто не предрекает ее краха в обозримом будущем...

И вот однажды психоисторик Хари Сэлдон, создав математическую модель Империи, производит расчеты, которые неопровержимо доказывают, что через 500 лет Империя рухнет...

Великий распад будет продолжаться 30 тысяч лет и сопровождаться периодом застоя и

варварства. Однако Сэлдон создает План, в соответствии с которым появление новой Империи наступит всего через 1000 лет. Для этого на противоположных концах Галактики должны быть созданы два Основания. Основания — системы планет со своим населением, группами ученых, которые должны сохранить и умножить Знания. На одном Основании сконцентрируются естественные науки, в первую очередь — физика. Второе Основание должно дать миру психологов, готовых взять в свои руки управление новой Галактической Империей. И если первое Основание известно всей

Галактике, то второе создается в
строжайшей тайне.

...Проходят века. Рождаются
новые королевства. Звездные
системы освобождаются от влияния
Империи. С переменным успехом
происходят схватки между войсками
прогнившей Империи и Основания.
Постепенно растет влияние
Основания. И вот последняя битва
между темными силами Империи и
воинами Основания...

- [Айзек Азимов](#)
 - [От издателей](#)
 - [Часть первая. Конец власти
Мула](#)
 - [1. Двое и Мул](#)

- 2. Двое без Мула
- 3. Двое и крестьянин
- 4. Двое и старшины
- 5. Один и Мул
- 6. Один, Мул и еще один

○ Часть вторая. Поиск
Основания

- 1. Аркадия
- 2. План Сэлдона
- 3. Конспираторы
- 4. Приближающийся кризис
- 5. Заяц
- 6. Лорд
- 7. Леди
- 8. Волнения
- 9. Сквозь сеть

- 10. Начало войны
 - 11. Война
 - 12. Призрачный мир
 - 13. Конец войны
 - 14. Я знаю
 - 15. Ответ, который устроил всех
 - 16. Ответ, который был правдой
-

Айзек Азимов

Второе Основание

Роман

От издателей

Предлагаемая читателям трилогия А. Азимова «Основание, Основание и Империя, Второе Основание» впервые увидела свет в Америке в 1961–1967 гг. К настоящему времени в США и Англии вышли уже продолжения азимовской саги — романы «Край Основания» (1982) и «Основание и земля» (1984).

В СССР сага ни разу не издавалась. Лишь с начала 1993 года ее частично планирует печатать журнал «Аврора» (Санкт-Петербург).

Издатели намерены также в

текущем году опубликовать
отдельными книжками роман А.
Азимова «Камешек в небе», 5
малоизвестных повестей и сборник
из 20 рассказов, только однажды
промелькнувших на страницах
советских газет и журналов.

Часть первая. Конец власти Мула

1. Двое и Мул

Мул... только с
падением Первого
Основания стали
проясняться причины,
способствовавшие
появлению Мула на
исторической арене. После
распада Первой
Галактической Империи
именно он впервые в
истории стал властелином
всего космического
пространства Галактики.
Вопреки предсказаниям
психоистории, торговое
правление павшего

Основания никогда не достигало таких высот и не шло ни в какое сравнение с жестокой властью Мула над «Объединенным Миром», включавшим в себя одну десятую галактического пространства и одну пятнадцатую его населения. Это в особенности относится к той эре, которая вошла в историю под названием «Эры Поиска»...

*Галактическая
Энциклопедия.*

О Муле и его Империи можно рассказать значительно больше, чем дано в Энциклопедии, но на

сегодняшний день все это до такой степени устарело, что не представляет особого интереса.

Поэтому мы отложим в сторону Энциклопедию и продолжим наш рассказ, освещая период завершения Великого Промежутка, то есть период бездействия между Первой и Второй Галактическими Империями.

Политическая обстановка в Союзе Миров казалась спокойной. Экономика его процветала; Миры, еще пять лет назад чтившие Основание, может быть, и испытывали некоторое сожаление и ностальгию, но не более того. Беспольные лидеры Основания были уничтожены, а те, кто еще мог

пригодиться, обращены. И самым полезным из обращенных был Ган Притчер, ныне уже генерал-лейтенант.

Во времена Основания Ган Притчер, будучи еще в чине капитана, состоял членом подпольной демократической оппозиции. Когда Основание сдалось Мулу без сопротивления, Притчер продолжал бороться против него до тех пор, пока не стал обращенным. Это обращение заключалось не в том, что непокорного просто переубедили, доказав неправильность его суждений, и Ган Притчер достаточно хорошо это понимал. Его изменили потому, что

Мул-мутант обладал умственными способностями, позволявшими из обычных человеческих созданий лепить все, что ему заблагорассудится. Однако Гана Притчера это вполне устраивало, что, разумеется, также было следствием обращения, но над этим он уже не задумывался.

А сейчас Притчер возвращался из своей пятой по счету дальней Галактической экспедиции, из необозримых глубин, не принадлежащих Союзу. Космический ветеран, агент разведки, генерал-лейтенант, как мальчик, радовался тому, что скоро встретится с «Первым Гражданином Союза».

Притчер оставил свой аэролет в старом ангаре наместника и отправился на территорию дворца пешком, как того требовал этикет. Он знал, что на протяжении многих миль вокруг дворца нет ни одного охранника, ни одного вооруженного человека. Мул не нуждался в охране: он охранял себя лучше кого бы то ни было.

Шаги Притчера мягко отдавались в его ушах, а дворец перед ним сверкал и переливался матовым светом, поражая невиданными металлическими стенами, изогнутыми арками, характерными для поздней архитектуры бывшей Империи. В темноте это сооружение

казалось исполином, нависающим над перенаселенным городом на горизонте.

Во всем дворце жил лишь один человек, интеллекту которого были подчинены новая аристократия и вся система Союза.

Чанис был молод. И был он необращенным. То есть, говоря более простым языком, его эмоции не находились под контролем Мула, а оставались нетронутыми. И это Билла вполне удовлетворяло. Ему не исполнилось еще и тридцати лет, но он был на прекрасном счету в Столице. Обладая красотой и настойчивостью, Билл, естественно,

имел успех в обществе. Был он также умен и уверен в себе и, следовательно, пользовался доверием Мула. И еще Чанис испытывал удовольствие от своих постоянных успехов во всем. А теперь сам Мул впервые пригласил его на личную встречу.

Чанис не сомневался в причине этого приглашения. Конечно же, Второе Основание. Это вселенское пугало, из-за которого Мул отказался от политики бесконечной экспансии и выжидал, проявляя осторожность.

Повсюду ходили слухи, остановить которые представлялось невозможным. Мул скоро возобновит военные действия. Мул обнаружил

Второе Основание и начнет военные действия против него. Мул пришел к соглашению со Вторым Основанием и поделил с ним всю Галактику. Мул решил, что Второго Основания не существует и он завоюет всю Галактику сам.

Подобные слухи распространялись не в первый раз, и прислушиваться ко всем домыслам, наполнявшим гостинные, не имело никакого смысла. Но сейчас они стали более осторожными, и все искатели приключений, вояки и прожженные политики радовались, сами не зная чему.

Билл Чанис оказался одним из них. Он не боялся загадочного

Второго Основания. Но если уж на то пошло, Чанис не боялся даже самого Мула, причем не скрывал этого. Возможно, многие, в ком его молодость и богатство не вызывали добрых чувств, угрюмо ждали, когда же наконец расправятся с этим ловеласом, столь открыто говорящим о физическом уродстве Мула и его одинокой жизни. Никто не осмеливался поддержать Билла, и редко кто смеялся вместе с ним. Но время шло, а с Чанисом ничего не происходило, более того — репутация его значительно возросла.

Чанис напевал мелодию и на ходу придумывал к ней ничего не значащие слова с постоянным

рефреном:

— Второе Основание угрожает знанию, любому созиданию...

Он был уже во дворце.

Человек, не имевший иного имени, кроме как Мул, и иного титула, кроме как Первый Гражданин, смотрел сквозь прозрачную с одной стороны стену на светящийся вдалеке город. В сгущающихся сумерках стали появляться звезды. И все это было в его власти.

Мул с горечью улыбнулся при этой мысли. Он господствовал над ними, но редкие из них видели своего владыку.

Он, Мул, был человеком, на которого невозможно смотреть без отвращения. При росте в пять футов восемь дюймов Мул весил всего сто двадцать фунтов. Его костлявые конечности, подобные палкам, сгибались под любым углом, а худое лицо оставалось почти незаметным за огромным носом, напоминавшим птичий клюв.

Одни лишь глаза не соответствовали тому фарсу, который являла собой внешность Мула. В теплом взгляде Первого Гражданина — странно теплом для победителя и завоевателя Галактики — всегда светила грусть.

Все подчинялись ему, боялись и

даже уважали его — издалека. Но кто мог взглянуть на мутанта без презрения? Только те, кого он обратил. А какова цена их искусственной преданности? В ней не хватало души.

Внезапно Мул почувствовал сильное и жестокое желание: ни одной пяди Галактики не должно остаться вне его власти! Пять лет бездействовал он, похоронив себя здесь, на Калгане, из-за вечной смутной угрозы невидимого, неслышимого и неизвестного Второго Основания. Мулу было тридцать два года. Не так уж и много, но он чувствовал себя стариком. Тело мутанта, каким бы интеллектом он

ни обладал, оставалось слабым.

Каждая звезда! Каждая звезда, которую он видит и которую не видит, должна принадлежать ему.

Месть всем! Человечеству, частью которого он не был, Галактике, в которую не вписывался, — всем!

Мул следил за перемещением человека, вошедшего во дворец с такой легкостью, как будто его способности усилились в этих загадочных сумерках, и вдруг почувствовал, как эмоциональная волна гостя захлестнула его мозг.

Он распознал его без труда: это был Ган Притчер.

Капитан Притчер из бывшего

Основания. Притчер, на которого не обращали никакого внимания и которого обходили по службе бюрократы загнивающего правительства. Капитан Притчер, который шпионил за ними и в котором он угадал в свое время большой талант. Капитан Ган Притчер, которого он сделал полковником, а затем и генералом, предоставив ему свободу действий во всей Галактике.

Генерал Притчер, который сначала восстал против него, а сейчас был безоговорочно предан. И все же предан не потому, что выиграл от этого что-то, не из признательности, не в ответ на что-

либо, а только потому, что был обращен.

Дверь позади Мула открылась, и он повернулся.

Ган Притчер занял указанное ему место. Во время личных встреч с Мулом не требовалось ни поклонов, ни вычурных обращений. Мул был просто Первым Гражданином. К нему обращались, прибавляя слово «сэр». В присутствии Мула можно было сидеть и поворачиваться к нему спиной, если уж так получалось.

Для Гана Притчера все это являлось признаком силы и уверенности человека в себе, и генерал был приятно этим поражен.

— Ваш последний отчет я

получил вчера, — начал Мул. — Не стану скрывать, что меня он не очень порадовал, Притчер.

Генерал нахмурил брови.

— Да, я понимаю. Но я не мог сделать иных выводов. Второго Основания просто нет, сэр.

Мул основательно обдумал эти слова и покачал головой.

— У нас есть данные Эблинга Миса. Какие бы доказательства обратного мы ни получали, данные Миса исключают их.

Подобный разговор был не нов, и Притчер ответил не задумываясь:

— Мис, вероятно, и являлся величайшим психологом Основания, но он был ребенком по сравнению с

Хари Сэлдоном. Он изучал работы Сэлдона под искусственной стимуляцией со стороны вашего мозга. Вы могли слишком сильно надавить на него, поэтому возможна ошибка.

Мул вздохнул, и его уродливая голова закачалась на тонкой шее.

— Если бы он прожил хотя бы еще минуту. Он уже хотел сказать, где находится Второе Основание. Он знал, я вам повторяю. Я не должен был потворствовать, не должен был ждать, ждать и ждать. Столько времени потеряно! Пять лет впустую!

Притчер мог отнестись презрительно к той слабости, которую проявлял перед ним

начальник, если бы не эмоциональный контроль.

— Но возможно ли другое объяснение, сэр? — сказал он. — Пять раз я вылетал на поиски, и вы сами составляли мне маршруты. Я обыскал все, вплоть до астероидов. Прошло триста лет с тех пор, как Хари Сэлдон из старого мира якобы создал два Основания, чтобы они служили ядром нового мира, который придет на смену Первой Империи. Через сто лет после смерти Хари Сэлдона слава о небезызвестном Первом Основании гремела по всей периферии. Через сто пятьдесят лет после смерти Сэлдона, во времена последней битвы со Старой

Империей, это имя гремело уже по всей Галактике. А теперь Прошло уже триста лет — и где же это таинственное Второе Основание? Ни в одном закоулке космоса о нем и не слыхали.

— Эблинг сказал мне, что место его расположения держали в строжайшей тайне. Только секретность могла обернуть в силу его слабость.

— Сохранить такую тайну практически невозможно. Легче предположить, что Второго Основания просто не существует.

Мул поднял голову.

— Нет, оно существует, — костлявый палец владыки покачался

в воздухе. — Нам придется несколько изменить тактику.

Притчер нахмурился.

— Вы хотите лететь на поиски сами? Я бы этого не советовал.

— Нет, конечно же, нет. Вам придется полететь еще один раз, последний. Но с другим командиром.

Наступило молчание, затем Притчер осведомился:

— С кем же, сэр?

— Здесь, на Калгане, есть один молодой человек — Билл Чанис.

— Я никогда не слышал о нем, сэр.

— Знаю. Но у него живой ум, он тщеславен. И он необращенный.

На мгновение челюсть Притчера

задрожала.

— Я не вижу в этом особых преимуществ.

— Но они есть, Притчер. Вы обязательный и исполнительный человек. Вы хорошо мне служите. Но вы — обращенный, и все мотивы вашего поведения — это вынужденная и безнадежная преданность мне. С утратой своих естественных эмоций вы лишились чего-то очень тонкого, что я не в состоянии возместить.

— Я этого не чувствую, сэр, — хмуро ответил Притчер. — Я прекрасно помню те дни, когда был вашим врагом, но не чувствую, что теперь что-то потерял.

— Разумеется, нет, — рот Мула скривился в улыбке. — Вряд ли ваши суждения по этому вопросу могут быть объективными. А этот Чанис тщеславен и ищет выгоду только для себя, поэтому ему можно полностью доверять. Он знает, что целиком зависит от меня, и сделает все, чтобы продлить мою власть, а заодно и самому урвать клочок славы. Полет с вами будет для Чаниса дополнительным толчком к его стремлению взобраться по социальной лестнице еще выше.

— Но тогда, — продолжал настаивать Притчер, — почему бы не снять с меня контроль, раз уж вы считаете, что от этого я стану лучше?

Вряд ли мне теперь можно не доверять.

— А вот этого я пока не сделаю, Притчер. Пока вы находитесь на расстоянии вытянутой руки или выстрела от меня, вы навсегда останетесь обращенным. Если бы я вас освободил, то в следующий же миг был бы мертв.

Ноздри генерала раздулись.

— Мне больно слышать такое от вас.

— Я не хотел причинить вам боли, но вы даже представить себе не можете ваши чувства, будь они освобождены от контроля. Человеческий мозг отвергает всякое насилие, и именно по этой причине

невозможно загипнотизировать человека против его воли. Я могу это сделать, но не потому, что я гипнотизер. И поверьте мне, Притчер, то негодование, которое вы не можете продемонстрировать и о котором даже не догадываетесь, проявилось бы в таком виде, что я не хотел бы оказаться с вами лицом к лицу в тот момент.

Притчер склонил голову. В тщетной попытке разобраться во всем сказанном он почувствовал себя старым и измученным.

— Но как вы можете доверять этому человеку? — произнес он с трудом. — Я имею в виду: как доверяете обращенному?

— Что ж, полностью доверять, конечно, не могу. Вот поэтому вы и должны отправиться с ним. Видите ли, Притчер, — тут Мул поудобнее уселся в огромном кресле, на темном фоне которого он выглядел сломанной зубочисткой, — если Билл *наткнется* на Второе Основание и если ему в голову придет мысль, что *выгоднее* заключить соглашение с ним, чем со мной... Вы понимаете?

Глаза Притчера засветились от удовольствия.

— Вот это уже лучше, сэр.

— Прекрасно. Но помните, что ему должна быть предоставлена полная свобода действий во всех

направлениях.

— Естественно.

— И... э-э-э... Притчер.

Молодой человек чертовски красив, приятен — просто очарователен. Не дайте ему надуть себя. Это опасная и сильная личность. Не становитесь ему поперек дороги, пока не будете уверены в своей правоте. Это все.

Мул снова остался один.

Для чего ему все это нужно? Если он станет властелином всего, то что же дальше? Разве это помешает людям, подобным Притчеру, оставаться такими же высокими и сильными? Разве Билл Чанис станет от этого уродливей?

Мул проклял свои сомнения.
Чего он вообще хотел?

Холодный свет над его головой предупредительно замигал. Владыка следил за человеком, вошедшим во дворец, и почти против своей воли почувствовал, как эмоциональная волна визитера захлестнула его мозг. Это был Чанис.

Мул представил, как он может остановить этот поток, уничтожить мягкое спокойствие и направить течение в другое русло. Но что это даст? Если он заставит склониться в величайшем восхищении перед собой курчавую голову Чаниса, разве это изменит его собственное уродство, из-за которого владыка

прячется днем и не спит ночами, из-за которого он стал пленником своей собственной империи?

Дверь позади Мула отворилась, и он повернулся.

Билл Чанис уселся в кресло поудобнее и сказал:

— Это не совсем неожиданная честь для меня, сэр.

Мул потер кончиками пальцев щеки и ответил не без некоторого раздражения:

— Отчего же, молодой человек?

— Интуиция. Но если честно, то я просто поверил слухам.

— Слухам? Каким же именно из тех, что сотнями передаются из уст в уста уже столько времени?

— Тем, которые предвещают скорое начало войны за всю Галактику. И я надеюсь, что это так, и я смогу сыграть отведенную мне роль.

— Значит, вы думаете, что Второе Основание все же существует?

— А почему бы и нет? Это сделало бы жизнь только интереснее.

— Ах, вам даже и это интересно?

— Конечно. Одна таинственность чего стоит! Разве есть сейчас более интересный предмет для обсуждения? Все газеты последнее время ни о чем другом и не пишут, а это что-то да значит.

Журнал «Космос» напечатал чуть ли не целую повесть о планете, населенной людьми с «чистым разумом», — речь идет, конечно, о Втором Основании, жители которого развили в себе способность сдвигать горы одной лишь силой мысли. Они могут уничтожать звездолеты на расстоянии, смещать планеты с орбит.

— Да, очень интересно. Но вы-то сами имеете представление о предмете слухов? Или тоже верите в «силу мысли»?

— Ну уж нет! Великая Галактика, да неужели такие люди остались бы жить на одной планете! Нет, сэр, я думаю, что Второе

Основание скрывается только потому, что оно слабее, чем вы думаете.

— В таком случае мне будет легко объясниться. Как вы смотрите на то, чтобы возглавить экспедицию, которая отправится на поиски Второго Основания?

На мгновение Чанису показалось, что его застигли врасплох: события развернулись скорее, чем он ожидал. Билл долго молчал, словно не зная, что ответить.

— Ну? — сухо спросил Мул.

— Согласен. Но куда лететь? Вы дадите мне направление?

— С вами полетит генерал Притчер.

— Значит, *возглавляю* ее не я?

— Я все скажу, а вы судите сами.

Вы ведь не с Основания, не так ли?
Вы уроженец Калгана?

— Да.

— Ну что же, тогда вы имеете довольно смутное представление о Хари Сэлдоне. Когда Первая Галактическая Империя развалилась, Хари Сэлдон, анализируя с группой психоисториков ход будущей истории при помощи математических уравнений, никому уже не понятных в наши дни всеобщей дегенерации, создал два Основания — по одному в разных концах Галактики — таким образом, чтобы социальные и экономические силы, медленно

развиваясь, не привели к созданию новой Империи. Хари Сэлдон рассчитал, что на это уйдет не менее тысячи лет, а без Основания ушло бы в тридцать раз больше. Но он не мог вычислить *меня*. Я — мутант и непредсказуем психоисторией, которая оперирует лишь реакциями масс. Вы понимаете?

— Прекрасно понимаю, сэр. Но при чем здесь я?

— Скоро поймете. Я хочу объединить Галактику сейчас и закончить сэлдоновский План через триста лет. Одно Основание — мир ученых-физиков — процветает до сих пор, но уже под *моей* властью. Наш Союз может выстоять против

чего угодно в Галактике, кроме, возможно, Второго Основания. Поэтому я и должен знать о нем как можно больше. Генерал Притчер уверен, что его вообще не существует, но я знаю, что это не так.

— А откуда вы это знаете, сэр? — осторожно и вежливо спросил Чанис и внезапно услышал страстный ответ Мула:

— Потому что в умы, находящиеся под моим контролем, вмешиваются! Аккуратно! Тонко! Но не настолько тонко, чтобы я этого не заметил. И это вмешательство, все усиливаясь, затрагивает нужных мне людей и в нужное время. Теперь вас не удивляет, что все эти годы я чего-

то выжидал? Вот почему вы так важны. Генерал Притчер — лучший из всех, кто у меня остался, но и он больше не в безопасности. Он этого, естественно, не знает. Но вы — необращенный и, следовательно, менее заметны как человек Мула. Вы можете водить Второе Основание за нос дольше, чем мои люди. Возможно, достаточно долго, чтобы найти его. Теперь понимаете?

— М-м-м-да. Но простите меня, сэр, если я задам вам нетактичный вопрос. Как меняются эти ваши люди при вмешательстве Второго Основания? Я спрашиваю, чтобы быть в курсе на тот случай, если такое произойдет с генералом

Притчером. Он снова станет необращенным? Перестанет быть преданным вам?

— Нет. Я уже сказал, что вмешательство идет на очень высоком уровне. И это вредит мне даже больше, потому что часто я не могу разобраться, ведет ли человек себя нормально или с ним поработали люди Второго Основания. Они остаются такими же преданными, но их полностью лишают инициативы и способностей. За последний год такое произошло с шестью моими людьми, — он усмехнулся половиной рта. — Сейчас они командуют моими тренировочными базами, и

больше всего мне хочется, чтобы перед ними никогда не встала необходимость принимать быстрые решения.

— Предположим, сэр... Предположим, что это не Второе Основание. Что, если такой же, как вы... мутант?

— Слишком тщательно все продумано и слишком дальний прицел. Один человек постарался бы сделать все как можно скорее. Нет, это целый мир, и вы будете моим оружием против него.

Глаза Чаниса засияли, и он ответил:

— Я рад, что мне предоставляется такая возможность.

Но Мул уловил внезапный эмоциональный подъем.

— Да, очевидно, вам пришло в голову, что вы оказываете мне неоценимую услугу, достойную невообразимой награды, — сказал он. — Может быть, вы даже хотите стать моим преемником? Но не забывайте, что существуют и наказания, которые трудно себе вообразить. Мои возможности не ограничиваются тем, что я могу внушать людям преданность себе.

Тонкая улыбка на его губах стала угрюмой, и Чанис подпрыгнул в своем кресле. На какое-то едва уловимое мгновение он почувствовал, как все его существо

переполнила печаль. Она ударила с почти физической силой, невыносимо затуманив мозг, затем прошла. Все кончилось, но Чанис не ощущал теперь ничего, кроме естественной сильной злобы.

— Злость не поможет, — сказал Мул. — Да, да, вы пытаетесь сейчас скрыть ее от меня, верно? Но я вижу. И помните: то, что я с вами сейчас проделал, — пустяк. Подобные ощущения можно усиливать многократно и без искажения. Эмоциональным воздействием я убивал людей, а хуже этой смерти нет.

Чанис промолчал.

— Это все.

Мул остался один.

Все пространство вокруг было заполнено скоплением звезд, таким огромным, что они растворялись одна в другой, сливаясь в сплошное облако света. Все это будет принадлежать ему. А теперь оставалось лишь одно приготовление — и можно идти спать.

Первый антракт

*Заседал исполнительный
комитет Второго Основания. Для
нас это просто голоса. Ни место
встречи, ни личности*

присутствующих не имеют в данный момент никакого значения.

Мы имеем дело с психологами и даже не с психологами, а учеными с психологической ориентацией. То есть с людьми, чьи фундаментальные концепции научной философии коренным образом отличаются от любых концепций, которые только можно себе представить. Психология ученых, основанная на аксиомах обычной физической науки, имеет самое далекое отношение к ПСИХОЛОГИИ. Так что лучше мне не описывать цвета слепому, будучи таким же слепцом.

Отметим лишь, что

собравшиеся ученые мужи прекрасно понимали ход мыслей друг друга благодаря наличию общей теории, проверенной многолетней практикой. Как нам известно, в длинных речах не было особой необходимости: их мог заменить обрывок одной фразы. Жест, восклицание, мимика, даже пауза в нужный момент заключали в себе достаточный объем информации.

Таким образом, мы взяли на себя смелость сделать перевод небольшой части этой конференции на язык, привычный для людей, с детства ориентированных на простейшие категории научной философии, хотя и рискуем упустить некоторые

тонкости.

Из всех голосов выделялся один, принадлежащий личности, известной просто как Первый Оратор.

— Теперь уже нет сомнений, — произнес он, — что первый бешеный натиск Мула остановлен. Не могу сказать, что наша организация сыграла в этом эпизоде достойную роль. По-видимому, он уже практически обнаружил нас с помощью энергии мозга того человека с Первого Основания, которого звали «психологом» и который был убит за минуту до того, как сообщить Мулу свое открытие. События, завершением

которых явилось это убийство, полностью совпали с расчетами в Третьей Фазе. Кто продолжит?

Судя по тембру голоса, продолжил Пятый Оратор. Речь его была довольно мрачной:

— Теперь уже очевидно, что ситуация была неуправляемой. Мы слишком уязвимы для массового нападения, особенно если им руководит такой ментальный феномен, как Мул. Вскоре он завоевал Первое Основание и стал знаменитостью, а если быть точным, то ровно через полгода он был на Транторе. Еще через полгода он был бы здесь, и тогда его шансы против нас невероятно возросли бы

— до $96,3 \pm 0,05$ %. Мы потратили массу времени на анализ факторов, остановивших его, и, конечно, безуспешно. Следствия его физических отклонений и умственной уникальности очевидны. Однако, только просчитав Третью Фазу, мы смогли установить аномальность его действий в присутствии человека, чувствующего к нему привязанность. И коль скоро присутствие такого человека в нужный момент изменило его поведение, то можно считать, что именно это было нам на руку. Наши агенты уверены, что психолога Мула убила девушка, которой Мул доверял из

сентиментальных побуждений. Он не контролировал ее просто потому, что нравился ей.

С того самого дня, получив предупреждение, мы сдерживаем Мула неортодоксальными методами, рискуя всем историческим Планом Сэлдона.

Первый Оратор немного помолчал, давая всем возможность хорошо уяснить то, что сказал Пятый Оратор, затем подвел итоги:

— Таким образом, положение крайне нестабильно. Первоначальный План Сэлдона находится на грани краха, и я должен подчеркнуть, что мы проявили себя отнюдь не с лучшей

стороны в этом деле. Я имею в виду отсутствие всякого предвидения. Так что перед нами теперь стоит опасность окончательного срыва Плана Сэлдона. Время работает не на нас. Я считаю, что существует только одно решение проблемы, хотя и оно рискованно: мы должны позволить Мулу в определенном смысле найти нас.

Первый Оратор снова помолчал, прислушиваясь к реакции окружающих.

— Я повторяю: в определенном смысле.

2. Двое без Мула

Звездолет был почти готов, но никто не знал, куда лететь. Мул предложил вернуться на Трантор, планету, бывшую некогда галактической метрополией самой великой Империи из всех, что когда-либо знал мир.

Притчер возразил. Это был старый след, уже тысячу раз проверенный.

Он обнаружил Билла Чаниса в навигационной рубке звездолета. Вьющиеся волосы модно одетого молодого человека были причесаны довольно небрежно, и один локон падал на лоб, будто его поместили

туда намеренно. Даже обнаженные в улыбке зубы соответствовали его внешнему виду. Дежурный офицер застыл, вытянувшись перед своим командиром.

Чанис был явно возбужден.

— Притчер, такого совпадения просто не может быть.

Генерал холодно ответил:

— Я не осведомлен о содержании вашей беседы.

— М-да... Ну, да ладно, старина, несите сюда стул, и я вам кое-что покажу. Я просмотрел ваши записи и считаю, что они превосходны.

— Как это мило с вашей стороны.

— Но мне интересно, вы

пришли к тем же выводам, что и я? Пытались ли вы анализировать эту проблему с помощью дедуктивного метода? Я хочу сказать, что очень хорошо, конечно, проверять все звезды подряд, но за эти пять лет вы не узнали ничего. Вы рассчитывали, сколько времени у вас уйдет на все звезды в Галактике?

— Да. Несколько раз.

Притчеру не понравилась эта беседа, и ему захотелось прощупать молодого человека, обладающего неконтролируемым, а следовательно, живым умом.

— Тогда проанализируем эти расчеты и попытаемся понять, что же мы ищем, — продолжал Чанис.

— Второе Основание, — угрюмо ответил Притчер.

— Основание Психологов, — поправил его Чанис, — которое настолько же слабо в физической науке, насколько Первое Основание — в психологии. Впрочем, вы сами уроженец Первого Основания, в отличие от меня, и выводы должны быть очевидными для вас. Мы должны найти мир, управляемый интеллектом и крайне отсталый в области техники.

— Разве это обязательно? — спокойно произнес Притчер. — Наш собственный Союз отнюдь не отстает в науке и технике, хотя наш вождь обладает мощным

интеллектом.

— Потому что опирается на ресурсы Первого Основания, — последовал нетерпеливый ответ, — что позволяет говорить о единственном источнике знаний во всей Галактике.

Второе Основание должно было существовать в недрах разваливающейся Первой Империи, об этом нечего и спорить.

— Значит, вы полагаете, что одной лишь силой интеллекта можно управлять несколькими мирами, невзирая на беспомощность в другом отношении?

— *Относительную* беспомощность. Разумеется, они в

состоянии защититься от соседних миров, но против объединенных сил Мула с его интеллектом и атомной техникой Первого Основания им не устоять. Иначе с какой стати стали бы они скрывать свое местонахождение и во времена Сэлдона, и сейчас.

Гладкое загорелое лицо Притчера скривилось в иронической усмешке:

— А теперь, если вы закончили свой глубокий анализ, не хотите ли получить список всех королевств, республик, однопланетных государств и диктаторских режимов любого края Галактики, где царит полная анархия в политике, но

которые вполне подходят под представленную вами характеристику да еще включают и множество других факторов?

— Значит, все уже обсуждалось? — голос Чаниса вдруг потерял свою оживленность.

— Разумеется, вы не найдете этого в записях, но мы составили для себя политический указатель планет на другой стороне периферии. Неужели вы считаете, что Мул будет вести поиск вслепую?

— Ну ладно, — тут голос молодого человека стал бодрее. — А как насчет олигархии Тазенды?

Притчер задумчиво пощипал себя за ухо.

— Тазенда? О, я, кажется, знаю, где это. Но ведь это не на периферии, не так ли? По-моему, они на расстоянии двух третей от центра Галактики.

— Да. Ну и что?

— Во всех отчетах, которыми мы располагаем, говорится, что Второе Основание расположено на противоположном конце Галактики. И это единственное, чем мы можем руководствоваться. Да и при чем тут вообще Тазенда? Ее угловое отклонение от радиуса Первого Основания составляет от ста десяти до ста двадцати градусов, а отнюдь не сто восемьдесят.

— В отчетах существует еще

одна подсказка. Второе Основание было создано там, где кончаются звезды.

— Такой области в Галактике не зарегистрировано.

— Потому что она имела местное название, позднее выведенное из употребления в целях сохранения полной тайны. И, может быть, придуманное Сэлдоном и его группой с определенной целью. Скажите, вы были там когда-нибудь?

— Нет.

— И, тем не менее, это место упоминается в вашем бортовом журнале.

— Где? Ах, да! Но мы просто пополняли там запас продовольствия

и воды. Могу лишь сказать, что в этом мире не было ничего примечательного.

— Вы опускались на центральную планету? Правительственный центр?

— Право, не знаю.

Притчер задумался под испытующим взглядом Чаниса. Затем он произнес:

— Не глянете ли вы вместе со мной в Линзу?

— Конечно!

Линзы, возможно, были самым новым приспособлением, которым в те дни оснащались звездолеты. Это приспособление являло собой

сложную вычислительную машину, способную вычертить на экране изображение звездного неба с любой заданной точки Галактики.

Чанис ввел координаты — и свет в рубке пилота погас. В тусклом красном луче контрольной панели Линз лицо Чаниса казалось налитым кровью. Притчер сидел в пилотском кресле, скрестив руки на груди и заложив ногу за ногу.

Экран стал постепенно светлеть и наконец засверкал многочисленными звездными скоплениями центра Галактики.

— Это, — объяснил Чанис, — зимнее ночное небо, каким его можно видеть с Трантора. Это очень

важный пункт, который, насколько я знаю, не учтен в ваших изысканиях. Любой сознательный поиск должен начинаться с некой отправной точки, в данном случае — с Трантора. Он был столицей Галактической Империи, скорее научной и культурной, нежели политической. А следовательно, в девяти случаях из десяти значение каждого названия следует рассматривать с транторкой точки зрения. В этой связи можно вспомнить, что хотя Сэлдон был с Геликона, планеты галактической периферии, его группа работала на самом Транторе.

— Что вы пытаетесь мне показать?

Ледяной тон Притчера сильно контрастировал с воодушевленной речью молодого человека.

— Карта все объяснит. Видите это темное скопление? — Тень от его руки упала на экран, закрыв значительную часть Галактики. Указательный палец уперся в небольшое черное пространство, казавшееся дырой в необъятном море света. — В стенографических отчетах оно упоминается под названием «Скопление Пелот». А теперь смотрите — я увеличу изображение.

Притчер и раньше видел, как Линзы увеличивают изображение, но все же у него перехватило дыхание.

Создавалось впечатление, словно летишь быстрее мысли по ослепительной Галактике, не входя в гиперпространство. Звезды неслись навстречу из центра экрана, уходили в стороны и пропадали за его краем. Простые звезды становились двойными, затем превращались в слепящие шары; туманности рассыпались миллиардами отдельных звезд. И все время создавалась иллюзия движения. А Чанис тем временем продолжал:

— Заметьте, что мы движемся по прямой к Скоплению Пелот, так что можно считать, что наблюдение ведется с самого Трантора. Возможно, имеет место небольшая

ошибка из-за гравитационного отклонения света, которую я мог допустить при расчетах, но уверен, что это не так важно.

Весь экран заполнила темнота. С замедлением скорости увеличения звезды стали лететь медленнее и расположились по краям, словно не желая уходить из поля зрения. Чанис снова вытянул руку.

— Обитатели этого района космоса называют участок, который вы видите, «ртом». И это очень важная деталь, так как только со стороны Трантора он имеет такой вид. — Теперь он указывал на щель в скоплении, выглядевшую, как рот, очерченный звездным небом в

обрамлении экрана. — А теперь следите за «ртом», — сказал Чанис. — Вот за этой сужающейся световой полосой.

И вновь изображение слегка увеличилось, скопление ушло в стороны, и осталась только узкая полоска «рта», по которой бесшумно скользил палец Чаниса все ниже и ниже, туда, где сверкали последние звезды.

— Здесь звезды кончаются, — сказал молодой человек. — Скопление в данном месте имеет невысокую плотность, и свет этой одинокой звезды достигает Трантора.

— Вы хотите сказать этим...

Подозрительный голос генерала

вдруг оборвался.

— И не пытаюсь. Это Тазенда, место, где кончаются звезды.

Зажегся свет, и Линзы выключились. Три большими шагами Притчер подошел к Чанису.

— Почему это пришло вам в голову?

Чанис откинулся в кресле со странным выражением удивления на лице.

— Это произошло случайно. Мне хотелось бы сослаться на свой ум и находчивость, но, к сожалению, это произошло, судя по всему, случайно. В любом случае все совпадает. Согласно вашему списку Тазенда — это олигархия. Она

правит двадцатью семью населенными планетами. Кроме того, этот странный мир всегда выдерживает нейтралитет в политических махинациях данного звездного региона и не пытается расширить свои владения. Я считаю, что нам следует навестить его.

— Вы доложили об этом Мулу?

— Нет. И не будем докладывать.

Мы сейчас в космосе перед первым звездным прыжком.

Рука Притчера легла на удобную рукоятку бластера.

— По чьему приказанию?

— По моему, генерал, —

впервые Чанис обратился к нему по званию. — Пока я выкладывал вам

свои соображения, вы, возможно, не почувствовали ускорения, потому что я одновременно дал ускорение и на Линзы, а если и почувствовали, то решили, что это такая же иллюзия.

— Зачем? Что вы, в конце концов, задумали? К чему тогда было выдумывать все это насчет Тазенды?

— А вот тут я как раз ничего не выдумывал. Все было совершенно серьезно. Мы отправились именно туда и сегодня, хотя должны были лететь только дня через два. Генерал, вы не верите, что Второе Основание существует, а я верю. Вы просто следуете приказаниям Мула без веры, а я верю. Я признаю серьезную опасность. Второе Основание имело

пять лет на подготовку. Как они подготовились, я не знаю, знаю только, что у них есть агенты на Калгане. Если в моем мозгу будет информация об их местонахождении, они смогут прочитать это с легкостью. Тогда моя жизнь не будет более в безопасности, а я, как ни странно, ценю свою жизнь. Даже если такая вероятность ничтожно мала и даже практически невозможна, я предпочел бы перестраховаться. Поэтому никто не знает о Тазенде, кроме вас, а вы узнали об этом только в космосе. Остается еще команда звездолета.

Чанис снова иронически улыбнулся, понимая, что владеет

ситуацией. Рука Притчера упала с рукоятки бластера, и на мгновение на его лице промелькнуло что-то похожее на неудовольствие. Что не дало сделать это открытие ему? Что ему закрывало глаза? Было время, когда упрямый, не продвигающийся по службе капитан Первого Основания мог действовать так же смело и решительно, как сейчас Чанис. Значит, Мул был прав. Неужели его контролируемый мозг так привык к послушанию, что потерял всякую инициативу?

— Ловко проделано, — сказал он. — Ну да ладно, все в порядке. Но в будущем, прежде чем принимать подобные решения, консультируйтесь

со мной.

Внимание генерала привлекла вспыхнувшая сигнальная лампочка.

— Это машинное отделение, — небрежно сказал Чанис. — Им пришлось разогреть двигатели с пятиминутным упреждением, и я попросил доложить мне о возможных отклонениях от нормы. Останетесь в рубке?

Притчер рассеянно кивнул головой и внезапно почувствовал себя одиноким человеком, приближающимся к пятидесятилетнему рубежу.

В иллюминаторе сияли звезды. Центр Галактики с одной стороны затуманился. Что, если он

освободится когда-нибудь от влияния Мула?.. Но при одной только мысли он вздрогнул от смертельного ужаса.

Главный инженер Хукслани проницательно посмотрел на молодого человека без формы, который вел себя уверенно и, похоже, пользовался всей полнотой власти на звездолете.

Не говоря ни слова, он протянул Чанису маленький овальный предмет. Тот взвесил его на руке и улыбнулся.

— Вы ведь с Первого Основания, шеф?

— Да, сэр. Я прослужил во флоте Основания восемнадцать лет,

пока Первый Гражданин не стал править Союзом.

— И образование получили тоже на Основании?

— Квалифицированный техник первого класса — Центральная Школа на Анакреоне.

— Прекрасно. И вы нашли это в коммуникационном блоке, там, где я велел вам посмотреть?

— Да, сэр.

— Эта штука вообще оттуда?

— Нет, сэр.

— Что же это такое?

— Гипертрейсер, сэр.

— Мне это ни о чем не говорит

— я же не с Основания.

— Это прибор, с помощью

которого можно следить за курсом звездолета в гиперпространстве.

— Другими словами, за нами могут последовать куда угодно?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Это ведь недавнее изобретение? Оно было разработано одним из исследовательских институтов, учрежденных Первым Гражданином, не так ли?

— По-моему, да, сэр.

— И все же он оказался здесь. Странно.

Некоторое время Чанис перебрасывал гипертрейсер из одной руки в другую, затем резко, протянул его технику.

— Тогда возьмите его и положите на место точно там, где нашли. Понятно? А потом забудьте об этом случае напрочь!

Звездолет летел сквозь Галактику, и путь его отмечался точками и линиями.

Билл Чанис, сидя перед панелью управления Линзами, снова почувствовал, что перед таким изобретением можно только преклониться. Он был не с Основания и не привык к тому, что простым поворотом переключателя можно приводить в движение колоссальные силы. Что и говорить, Линзы могли поразить воображение

и человека с Основания. Этот невероятно компактный аппарат вмещал в свою память информацию о сотнях миллионов звезд и их взаимосвязях. Мало того, он мог вычислить любой отрезок галактического поля по всем трем осям и вращать любую часть поля вокруг центра.

Согласно расчетам ближайшей звездой в тот момент была Винсетори, и в центре экрана Линз горела яркая точка.

Чанис аккуратно набрал координаты Винсетори, нажал кнопку — и на экране вспыхнуло звездное поле. В центре тоже была яркая звезда, но сходства между

изображениями не было: Чанис включил Линзы и по осям расширил поле до тех пор, пока фотометр не показал одинаковую яркость обеих звезд, затем стал медленно приводить изображение на экране в нужное угловое положение. Посмотрев на результат, он недовольно скривил губы и снова стал вращать экран, пока не появилась еще одна звезда, а за ней третья. Наконец он улыбнулся. Все совпадало.

Чанис нашел генерала Притчера в его каюте. Тот явно собирался спать и недовольно поднял голову.

— Какие-нибудь новости?

— Не совсем. Мы будем на

Тазенде через один прыжок.

— Знаю.

— Я не побеспокоил бы вас, зная, что вы ложитесь спать, но я хотел лишь спросить, смотрели ли вы фильм, который мы захватили с собой на Киле.

Ган Притчер бросил взгляд на свернутую трубку фильмокниги, лежавшую на низкой полке.

— Да.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Я думаю, если история и была когда-то наукой, то об ом уже давно позабыли в данном районе Галактики.

Чанис широко улыбнулся.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Довольно скучно, не так ли?

— Если не просматривать персональные хроники правителей. Но это может не соответствовать действительности. Во многих случаях, если история касается личностей, все рисуется либо в черном, либо в белом цвете, в зависимости от интересов писателя. Я нахожу все это практически бесполезным.

— Но там речь идет о Тазенде. Именно об этом я и хотел с вами поговорить, предлагая посмотреть этот фильм. Единственный, который мне удалось найти, — в остальных Тазенда просто не упоминается.

— Ну хорошо. У них были и хорошие, и плохие правители. Они подчинили себе несколько планет, выиграли несколько битв, проиграв одну-две. Ничего определенного о них здесь не сообщается. Я не слишком полагаюсь на вашу теорию.

— Но вы не обратили внимания на некоторые пункты. Вы заметили, что они никогда не вступали в коалицию? Они всегда оставались в стороне от политической жизни этого уголка Галактики. Как вы сказали, они завоевали несколько планет и на этом остановились. Создается впечатление, что они расширили свои границы до пределов, достаточных для того,

чтобы суметь себя защитить, но не настолько больших, чтобы привлечь к себе внимание.

— Ну хорошо, — последовал бесстрастный ответ. — Я не возражаю против приземления. В худшем случае потеряем немного времени.

— О нет, в худшем случае — полное поражение. Если это Второе Основание. Не забывайте, что это будет мир черт знает скольких Мулов!

— Что вы собираетесь делать?

— Высадиться на какой-нибудь небольшой, подчиненной центру, планете и узнать о Тазенде все, что возможно, а там уж придется

импровизировать.

— Ну хорошо, я не возражаю. А теперь с вашего позволения я хотел бы выключить в каюте свет.

Чанис вышел, махнув на прощание рукой.

А генерал Ган Притчер так и не заснул в темноте своей небольшой каюты, обдумывая с самого начала то, что привело его к окончательному решению.

Если все, что он так тщательно анализировал, было верно — а факты совпадали, — значит, Тазенда была действительно Вторым Основанием. Но все-таки... Неужели Тазенда? Обычный мир! Трущобы, затерянные среди обломков Империи. Осколок

среди осколков. Перед Притчером словно в тумане всплыло вытянутое лицо Мула во время разговора о психологе старого Основания Эблинге Мисе — единственном человеке, может быть, который открыл секрет Второго Основания.

Притчер вспомнил тонкий, напряженный голос Мула: «Было такое впечатление, что Мис страшно удивлен. Словно то, что он узнал о Втором Основании, превзошло все его ожидания, указало ему совершенно отличное от предполагаемого направления. Если бы только я мог читать не эмоции, а мысли! Но эмоции его были понятны, и среди них — огромное

удивление совершенному открытию. Это был ключ. Нечто абсолютно невероятное!» А теперь пришел этот мальчишка, этот самодовольный выскочка, весело разглагольствующий о Тазенде и ее аномальности. И он должен быть прав. Должен! В противном случае все теряет смысл.

Последним осознанным ощущением Притчера была угрюмая уверенность. Гипертрейсер все еще находился в коммуникационной коробке. Генерал проверил это час назад, когда Чанис куда-то вышел.

Второй антракт

Это была обычная встреча в приемной зала Совета — всего несколько минут беседы перед тем, как отправиться в зал и заняться повседневными делами.

— Итак, Мул отправился в путь.

— Слышал. Рискованно! Очень рискованно!

— Риска никакого, если верны производные функции.

— Мул — не обычный человек, и его избранныками трудно манипулировать так, чтобы он этого не заметил. Подконтрольное сознание очень трудно изменить. Говорят, Мул уже обнаружил несколько случаев.

— Да, но я не представляю, как без этого обойтись.

— Неконтролируемые умы гораздо проще в обращении. Но таких людей, находящихся подле мутанта, чрезвычайно мало.

3. Двое и крестьянин

Россем был одним из тех пограничных миров, на которые обычно не обращает внимания галактическая история и которые сами не обращают на себя внимание людей на миллиардах счастливых планет.

В последние дни Галактической Империи его населяли несколько политических заключенных, а обсерватория и небольшой гарнизон уже едва спасали его от окончательного запустения. Позже, в дни голода, еще до появления Хари Сэлдона, уставшие от постоянного чувства опасности,

перенаселенности и вечной смены императоров люди предпочли жертвовать комфортом и жить спокойно на отдаленных планетах, нежели с сомнением смотреть в будущий день. В холодных пустынях Россема стали появляться деревеньки.

Торговые звездолеты изредка приносили новости, иногда прилетали новые поселенцы, как правило, сообщавшие все последние новости. А однажды прилетела и осталась большая группа людей.

Именно тогда крестьяне Россема узнали о бесконечных битвах и борьбе за власть тиранов и императоров с восставшими

наместниками. И они вздыхали и кивали головами, сидя под слабым солнышком на деревенской площади и философствуя о людской злобе.

Спустя некоторое время торговые звездолеты перестали прилетать вообще, и жить стало тяжелее. Поставки менее грубой пищи, табака и сельскохозяйственных машин прекратились, а туманные новости по телевидению стали еще туманнее. И, наконец, стало известно, что Трантор не устоял. Великий Трантор — галактическая столица, блистательный и непостижимый мир императоров — был разрушен и забыт.

Для многих крестьян Россема это представлялось чем-то невероятным, равносильным концу Галактики.

А еще позже, в обычный день, прилетел один звездолет. На его бортах не было видно сверкающей эмблемы с изображением звездолета и солнца. Это был неуклюжий корабль, собранный из деталей различных звездолетов, а команда его называла себя солдатами Тазенды.

Крестьяне были смущены. Они ничего не слышали о Тазенде, но тем не менее встретили солдат радушно.

Затем прилетели другие звездолеты, и было провозглашено,

что Тазенда столичная планета этой области, что налоговые станции расположатся в зоне экватора, что согласно каким-то выкладкам и цифрам будет собираться определенный процент зерна и мехов.

Со временем сборщиками налогов стали сами россемиты, поступившие на службу Тазенды и являвшиеся теперь представителями законной власти, а крестьяне научились прятать запасы и уводить скот в леса, стараясь жить в своих избушках как можно скромнее.

Налогов собиралось все меньше и меньше, словно сама Тазенда устала выколачивать гроши из этого

непрактичного мира.

Зато стала развиваться торговля, и, вероятно, Тазенде это показалось более выгодным делом.

Нарови вышел из дома, насвистывая себе в бороду. Первый снег покрывал землю, а небо над головой светилось тусклым розовым светом. Нарови всмотрелся в высь и решил, что сильного снегопада не предвидится, значит, он без особого труда доберется до Гентри и поменяет зерно на консервы, чтобы продержаться эту зиму.

Прикрыв дверь позади себя, Нарови крикнул в щель:

— Ты заправил машину, Юнкер?

Ему что-то ответили изнутри, и старший сын, заметно выше отца, с небольшой рыжей бородой, появился в дверях.

— Давно заправлена, — угрюмо ответил он. — Можно ехать. Только вот оси никуда не годятся, но я тут ни при чем. Я давно тебе говорил, что нужен хороший мастер.

Старик отступил на шаг и, нахмутив брови, осмотрел сына с головы до пят.

— Так что, я виноват, что ли? Где это я достану хорошего механика? Уже пять лет урожай никудышный, и мы еле сводим концы с концами.

— Нарови!

Голос из дома заставил замолчать старика на полуслове. Он проворчал себе под нос:

— Ну вот, твоя мать должна обязательно сунуться в дела отца и сына. Подгони сюда автомобиль и проследи, чтобы контейнеры были хорошо закреплены.

Нарови похлопал руками в перчатках и снова взглянул на небо. Там, наверху, собирались красные облака, и солнца не было видно. Старик хотел было отвести глаза, но его зоркий взгляд выхватил нечто такое, отчего челюсть его отвисла, а из горла вырвался крик, несмотря на морозный воздух.

— Жена! — закричал он в

смятении. — Старуха, выйди сюда!

В окно выглянула женщина с самоуверенным выражением лица. Посмотрев в направлении вытянутого пальца мужа, она вскрикнула, и глаза ее засверкали. Быстро сбегав вниз по деревянным ступеням, Женщина сорвала с вешалки тулуп, платок и выбежала на улицу, так ничего и не надев.

— Это корабль из космоса! — воскликнула она.

— А что ж еще, по-твоему? — нетерпеливо отметил Нарови. — У нас будут гости, старуха.

Звездолет медленно опускался на голое мерзлое поле в северной части фермы Нарови.

— Что ж нам делать? — испуганно выдохнула женщина. — Сможем ли мы принять их как следует? Неужели им придется спать на грязном полу нашей лачуги и есть засохший позавчерашний пирог?

— Может, ты считаешь, что им лучше пойти к нашим соседям?

Нарови схватил женщину за плечи.

— Жена моя, душенька, — вкрадчиво произнес он, — ты возьмешь два кресла из комнаты внизу, ты проследишь, чтобы был заколот жирный козленочек и зажарен в сухарях, ты испечешь свежий пирог. Я же пойду приветствовать этих могущественных

людей из космоса. И... и...

Он замолчал и неуклюже сдвинул шапку на затылок.

— Да, я принесу кувшин своего хлебного вина. Всегда кстати согревающий сердце напиток.

Все время, пока он говорил, рот женщины то открывался, то закрывался, но она не могла произнести ни слова. Когда же ее оцепенение прошло, она тонко взвизгнула. Нарови поднял палец.

— Ну-ка вспомни, старуха, что сказали старшины. А? Шевели мозгами! Старшины ходили из деревни в деревню. Представляешь, что это значит? И говорили, что если хоть один космический корабль

приземлится, следует немедленно сообщить об этом губернатору. А ты сейчас хочешь, чтобы я потерял единственную возможность выдвинуться и завоевать доверие власть имущих. Посмотри на этот корабль. Ты когда-нибудь такие видела? Эти инопланетяне богаты и могущественны.

Нарови даже подпрыгнул от волнения.

— Только бы хорошо их принять, а потом упомянуть мое имя губернатору — и тогда мы сможем просить все, чего только пожелаем.

Жене его вдруг стало холодно под наброшенным на плечи тулупом, и она бросилась к двери, крикнув

через плечо:

— Тогда иди скорее!

Но старик уже бежал в направлении приземлившегося звездолета.

Генерала Притчера не беспокоили ни холод пустынной планеты, ни нищета окружения, ни даже взволнованно хлопочущий крестьянин. Беспокоила его мысль о разумности принятого ими решения. Они с Чанисом были здесь одни. Оставленный в космосе звездолет мог в обычной ситуации обойтись и без них, но все-таки он чувствовал некоторую неуверенность. В том, что попали в такое положение, виноват,

конечно же, Чанис. Притчер посмотрел на молодого человека и увидел, как тот подмигивает ему, кивая на отодвинутую меховую штору, в щель которой высовывалась голова любопытной старухи.

Чанис, во всяком случае, чувствовал себя как дома. При этой мысли Притчер удовлетворенно хмыкнул про себя. Недолго оставалось ему играть в игры этого красавца.

Наконец хозяин дома улыбнулся и заговорил масляным от почтения голосом:

— Благородные господа, я осмелюсь доложить, что старшины скоро придут. Надеюсь, отдых ваш

был приятен, я постарался сделать все, что могли позволить мои скудные средства.

— Старшины? — весело переспросил Чанис. — Это вожди нашего района?

— Истинно так, благородный господин. Может быть, вы хоть словечком обмолвитесь старшинам о моем уважении и всех почестях, которые я вам оказал.

Сказав все, на что едва осмелился, крестьянин облегченно вздохнул, и Ган Притчер, следуя навязанной ему роли благородного господина, важно кивнул головой и ответил:

— Отчет о твоей

гостеприимности дойдет до ушей старшин.

Затем на несколько минут гостей оставили одних, и Притчер, пользуясь возможностью, обратился к полусонному Чанису:

— Я вовсе не в восторге от идеи встречаться со старшинами. У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

Чанис, казалось, удивился:

— Нет, а что вас беспокоит?

— По-моему, у нас достаточно своих забот, а мы еще и вызываем к себе подозрение.

Чанис быстро заговорил низким монотонным голосом:

— Возможно, нам это и

необходимо, чтобы провести исследование. Мы никогда не сможем обнаружить этих людей, если они представляют из себя совсем не то, что мы думаем. Те, кто обладает силой мысли, необязательно должны стоять у власти. Во-первых, количество психологов весьма невелико по отношению к общей массе населения. Как и на нашем Основании, техники и инженеры составляли подавляющее меньшинство. Обычные жители скорее всего просто... просто обычны. Психологи могут быть прекрасно замаскированы, а люди, стоящие у власти, с совершенно

чистой совестью полагают, что правят именно они. Решение нашей проблемы вполне может быть найдено на этой замерзшей планете.

— Что-то я вас не совсем понимаю.

— А что здесь непонятного? Тазенда, вероятно, — мир с населением в миллионы или даже сотни миллионов человек. Как сможем мы различить среди них психологов? Нельзя же без всяких аргументов докладывать Мулу, что мы нашли Второе Основание! А здесь, на крохотной аграрной планете, подданной Тазенде, все правители, как нам любезно сообщил хозяин, живут в деревне Гентри. Там,

вероятно, не больше сотни человек, Притчер, и среди них должны быть психологи. Рано или поздно мы отправимся туда, но сначала давайте повидаем старшин — это будет логичным шагом.

Когда чернобородый хозяин вошел в комнату, гости тут же замолчали. Старик был явно чем-то возбужден.

— Благородные господа, сейчас прибудут старшины. Я удаляюсь и прошу вас еще раз замолвить за меня словечко.

Кланяясь, Нарови почти согнулся пополам.

— Мы о тебе не забудем, — пообещал Чанис. — Это ваши

старшины?

Их было трое. Один из них, приблизившись, с достоинством поклонился и произнес:

— Вы оказываете нам большую честь, господа. Машины поданы, и мы надеемся увидеть вас в нашем Зале Приемов.

Третий антракт

Первый Оратор задумчиво смотрел на ночное небо, где сквозь легкие, быстро плывущие облака пробивался слабый звездный свет. Космос казался враждебным. Он всегда был холодным и страшным,

но сейчас в нем обитало это странное создание — Мул, и от этой космос представлялся еще более зловещим.

Заседание длилось недолго. Много было, конечно, сомнений и проблем, вызванных трудной математической задачей борьбы с ментальным мутантом и его неустойчивой психикой. Нужно было просчитать все возможные варианты, свести их к одной-единственной функции и решить ее.

Но насколько могли они быть уверены в правильности своих действий даже сейчас? Где-то в этом районе космоса, совсем близко по галактическим масштабам, был

Мул.

Что он предпримет?

Безусловно, с людьми мутанта легко иметь дело — они вели и ведут себя по плану. Но сам Мул?..

4. Двое и старшины

Старшины этого района были не такими, какими их ожидали увидеть гости. Это не были простые выходцы из крестьян. Их отличало достоинство, с которым они держали себя на первой же встрече с пришельцами. Старшины сидели вокруг овального стола с видом людей, которые долго думают, прежде чем принять какое-либо решение. Большинство были среднего возраста или постарше и если носили бороды, то коротко подстриженные. Многим было меньше сорока лет, так что слово «старшины» отражало скорее

уважительное к ним отношение, нежели возраст.

Оба гостя из космоса сидели во главе стола и в торжественном молчании ели. Обед был скромным и скорее церемониальным, чем предназначенным для утоления голода.

После обеда те из старшин, которые, очевидно, пользовались наибольшим уважением, произнесли несколько почтительных фраз, слишком коротких, чтобы считаться речами, и с формальностями было покончено. Атмосфера сразу же изменилась, и почтительная вежливость уступила место дружелюбию и обычному

любопытству. Старшины столпились вокруг пришельцев и засыпали их вопросами. Они интересовались, трудно ли управлять звездолетом, много ли требуется для этого народа, нельзя ли усовершенствовать моторы их автомобилей, правда ли, что на других планетах недавно шел снег, как это было на Тазенде, далеко ли находится мир пришельцев, как изготовлены их одежды и что придает им металлический блеск, почему гости не носят меха, бреются ли они каждый день, какой камень в кольце Притчера...

Вопросы текли непрерывным потоком и адресовались в основном Притчеру, словно он был

автоматически признан старшим. Притчер вынужден был отвечать и чувствовал, что вопросам этим не видно конца.

После каждого ответа среди старшин поднимался шепот, но было трудно понять, о чем они говорили, так как в этом случае они переходили на свой вариант галактического языка, ставший давно архаичным.

Наконец вмешался Чанис:

— Господа, а теперь и вы должны ответить на некоторые вопросы, так как мы чужеземцы и нас очень интересует Тазенда.

Тут же наступила мертвая тишина. Руки старшин, которые только что жестикулировали,

моментально опустились. Они уставились один на другого исподлобья, явно желая уступить роль рассказчика кому-нибудь, но только не себе.

Притчер быстро добавил:

— Мой спутник задал этот вопрос из чисто дружеских побуждений, так как слава о Тазенде гремит по всей Галактике. Мы, конечно, доложим губернатору о преданности и любви к нему старшин Россема.

Вздохов облегчения не последовало, но лица старшин посветлели. Один из них стал теревить свою бороду, поправляя большим пальцем и мизинцем ее

завитки.

— Мы — преданные слуги лордов Тазенды, — сказал он.

Раздражение Притчера от вопроса Чаниса улеглось. Было, по крайней мере, очевидно, что возраст пока еще не мешал ему исправлять ошибки других, ориентируясь в ситуации на ходу. Он продолжал:

— В нашем далеком уголке Галактики ничего не известно о славном прошлом лордов Тазенды. Мы лишь предполагаем, что они правят здесь благородно уже долгое время.

— Правление лордов можно назвать справедливым?

— Да... — Старшина

заколебался. — Губернатор — сильный и могущественный лорд. Он убивает предателей не колеблясь. Но среди нас таких нет, конечно.

— А в прошлом все наказания были заслуженными, я надеюсь?

— Никто из нас не был предателем: ни наши отцы, ни деды — никто. Но в других мирах они были, и смерть настигала их мгновенно. Об этом мы не любим думать, потому что мы простые люди и не интересуемся политикой.

Отвечавший явно волновался, и глаза его выдавали озабоченность чем-то. Притчер деликатно продолжал:

— Не могли бы вы сказать, как

нам попасть на аудиенцию к губернатору? — и тут же почувствовал, что старшины изумлены.

— Как, разве вы не знаете, что губернатор будет здесь завтра? Он вас ждал. Это большая честь для нас. Мы... мы надеемся, что вы доложите о нашей преданности.

Улыбка Притчера оставалась все такой же широкой, разве только слегка искривились уголки губ.

— Ожидал нас?

Старшины удивленно переглянулись:

— Но разве... Прошла уже неделя, как нас предупредили о вашем прибытии...

Помещение, в котором их разместили, было, конечно, фешенебельным для этого мира. Притчеру приходилось жить и в худших условиях. Что касается Чаниса, то по его лицу невозможно было что-либо прочесть.

Между спутниками постоянно ощущалась некоторая напряженность, но совсем иного рода, нежели раньше. Притчер чувствовал, что приближается время решительных действий, но, с другой стороны, осознавал необходимость немного подождать. Встречаться с губернатором сразу было очень рискованно, но это могло иметь и

огромный плюс. Бесполезная игра, притворство Чаниса бесили генерала, и он ждал скорейшей развязки.

— Кажется, нас ожидают, — сказал он.

— Да, — просто ответил Чанис.

— И это все, что вы можете сказать? Мы прилетаем сюда и узнаем, что губернатор ожидает нас... Может быть, от губернатора мы услышим, что нас ожидают и на самой Тазенде! Каков тогда смысл всей нашей странной миссии?

Чанис поднял голову и, даже не пытаясь скрыть нотки усталости в голосе, заявил:

— Ожидать нас — значит

понимать, кто мы такие. А это меняет дело.

— Вы что, надеетесь скрыть нашу цель от людей Второго Основания?

— Возможно. А почему бы и нет? Предположим, наш звездолет засекли еще в космосе. Разве это не нормально для любой области — иметь свои внешние космические посты? Даже если мы обычные космические гости, то представляем для них большой интерес.

— Достаточный для того, чтобы именно губернатор пришел к нам, не наоборот?

Чанис пожал плечами.

— Об этом нам придется

подумать позже, когда увидим, что представляет собой губернатор.

Притчер осклабился в недоброй усмешке.

Чанис продолжал все с тем же искусственным оживлением:

— По крайней мере одно мы знаем. Тазенда — Второе Основание. Миллионы мелких фактов указывают на это. Как еще можно объяснить страх местных жителей перед Тазендой! Я не вижу никаких признаков политического управления. Группы старшин, очевидно, распоряжаются всем свободно, в их дела никто не вмешивается. Налоги, о которых они упоминали, взимаются неаккуратно

или вообще не взимаются. Местные жители много рассказывают о бедности, но на самом деле выглядят обеспеченными и сытыми. Дома их примитивны, но в них можно жить. Честно говоря, этот мир меня восхищает. Я еще никогда не видел мира более неустроенного и поначалу думал, что население его страдает, но теперь вижу, что ошибался.

— Вы что, поклонник деревенского образа жизни?

— Упаси меня Галактика!

Чанис задумался над этими словами с некоторым удивлением.

— Я просто хочу подчеркнуть важность именно этого момента. По-

видимому, Тазенда — гениальный администратор, в корне отличный от старой Империи, Первого Основания и даже нашего Союза, потому что дает им то, что не может дать никто другой, — счастье. Неужели вы не видите, что природа их власти совершенно иная? Не физическая, а психологическая.

— Правда? — Притчер позволил себе иронию. — А ужас, с которым старшины говорили о наказании? Как это укладывается в вашу теорию?

— Но разве кто-либо из них был наказан? Они говорят только о наказании других. Создается впечатление, что в их мозги глубоко заложена мысль о возможной каре,

так что никакой надобности в ней просто не возникает. Они наверняка контролируются настолько хорошо, что, я уверен, на планете нет ни одного солдата с Тазенды. Неужели вы этого не понимаете?

— Может быть, пойму, — холодно ответил Притчер, — когда увижу губернатора. А что, между прочим, если и наши умы сейчас контролируются?

Чанис ответил с жестоким презрением в голосе:

— *Вам* к этому не привыкать!

Притчер побледнел, как полотно, и с усилием отвернулся. В этот день они больше не разговаривали.

Ночь была тихой, холодной и безветренной. Прислушиваясь к сонному посапыванию компаньона, Притчер спокойно настроил свой передатчик на волну, которой не было в передатчике Чаниса, и, нажав кнопку, связался со звездолетом. Последовал тихий, на пределе слышимости ответ. Дважды Притчер запрашивал:

— Никаких сообщений?

И дважды приходил ответ:

— Никаких. Мы постоянно настроены на волну.

Притчер встал с кровати. В комнате было холодно, и он, завернувшись в меховое одеяло, сел в кресло и посмотрел на звездное

небо, так не похожее своей яркостью на его родное.

На мгновение Притчер снова задумался, был ли прав Мул в том, что обращение отняло у него ту находчивость, которой он всегда гордился. Или просто давала себя знать усталость от всех лет, проведенных в космосе?

В конце концов, какая разница. Он устал.

Губернатор Россема прибыл без свиты. Единственным его спутником был человек в форме, который вел машину, по стандартам Россема, новейшей конструкции, но Притчер нашел ее устаревшей. Машина

неуклюже повернулась и несколько раз подпрыгнула на ухабах. Ясно было, что работала она не на атомной энергии, а на химическом горючем.

Губернатор вышел из машины и чинно проследовал между рядами почтительно выстроившихся старшин, на которых даже не взглянул. Он быстро открыл дверь, и свита поспешила за ним.

За всей этой церемонией наблюдали из окна предоставленного им помещения два человека из Союза Мула.

— Губернатор невысок и не производит особого впечатления.

— Ну и что?

Притчер почувствовал, что нервничает, и выругался про себя. Однако лицо его выражало ледяное спокойствие. Генерал не намеревался выдавать свои чувства Чанису, но давление его подскочило, а в горле пересохло. Это был не физический страх: Притчер не принадлежал к тому пушечному мясу, которое настолько тупо, что неспособно бояться, но физический страх он мог контролировать. Это было нечто другое, страх иного рода.

Генерал быстро взглянул на Чаниса. Тот лениво рассматривал ногти на руках и даже что-то ковырял. Притчер ощутил, как в нем поднимается волна негодования. Что

Чанису бояться ментального контроля?! Он вздохнул про себя и попытался вспомнить прошлое, когда он был твердолобым демократом, пока Мул не обратил его. Но генералу трудно было вспомнить свои ощущения в те времена и обнаружить нити, привязывающие его эмоционально к Мулу. Умом он понимал, что было время, когда он стремился убить Мула, но как ни напрягался, не мог воскресить в памяти и тени прежних эмоций. Возможно, срабатывала рефлекторная защита его мозга, потому что от одной мысли об этом Притчер покрывался холодным потом.

А что, если он вспомнит все до деталей? Что, если губернатор тоже вмешается в его мозг?

Когда это произошло в первый раз, Притчер не почувствовал ничего. Не было ни боли, ни даже ощущения неудобства.

Неужели при встрече с губернатором повторится то же самое?! Неужели все, что произошло с ним раньше, на службе у Мула, сгинет, как сон? И Мул станет сном, и только Тазенде он будет предан...

У Притчера возникли позывы к рвоте, и он резко отвернулся от окна. Внезапно голос Чаниса резанул по уху.

— Я думаю, пора, генерал.

Притчер снова повернулся. Дверь бесшумно открылась, и на пороге появился старшина.

— Его превосходительство губернатор Россема, — объявил он. — Лорд Тазенды дает разрешение на аудиенцию и просит вас предстать перед ним.

— Конечно. — Одним рывком Чанис натянул на голову капюшон и поправил пояс.

Челюсти Притчера непроизвольно сжались. Это было началом настоящей игры.

Губернатор Россема не производил особого впечатления своим внешним видом. Он был невысокого роста. Глаза, окруженные

сеткой морщин, казались приветливыми, а свежесбритый мягкий и маленький подбородок свидетельствовал о некоторой слабости этого человека.

Притчер избегал его взгляда и смотрел исключительно на подбородок. Он не знал, окажется ли подобная тактика эффективной и вообще поможет ли что-нибудь, если вновь захотят вмешаться в его сознание.

Высокий голос губернатора звучал бесстрастно:

— Мы приветствуем вас на Тазенде. Приветствуем с миром! Вы уже обедали?

Рука его с длинными пальцами и

выступающими венами почти по-королевски пригласила гостей к столу, имевшему подковообразную форму. Гости поклонились и сели с внутренней стороны, губернатор же устроился напротив. По бокам от них, с внешней стороны стола, расположились молчаливые старшины.

Губернатор восхвалял пищу, импортированную с Тазенды, выказывал недовольство погодой на Россеме, пытался завести разговор о трудностях космических путешествий.

Чанис изредка вставлял слово. Притчер вообще молчал.

Наконец обед закончился.

Губернатор откинулся в кресле. Глаза его блестели.

— Хочу спросить о вашем звездолете. Разумеется, необходимо обеспечить надлежащий присмотр за ним, но мне сказа ли, что его местонахождение неизвестно.

— Верно, — весело подтвердил Чанис. — Честно говоря, мы оставили его в космосе. Это большой звездолет, предназначенный для длительных космических путешествий, иногда во враждебно настроенные районы, и мы решили, что если приземлимся на нем здесь, то вы можете неправильно истолковать наши намерения, а они совершенно мирные. Так что мы

предпочли опуститься на вашу планету вдвоем и невооруженными.

— Дружеский акт, — неуверенно прокомментировал губернатор. — Так, говорите, большой звездолет?

— Не совсем военный корабль, ваше превосходительство.

— Хм, гм... Откуда, говорите, вы прилетели?

— С небольшой планеты сектора Сантани, ваше превосходительство. Возможно, вы и не слышали о ее существовании так как она совсем незначительна. Мы заинтересованы в развитии торговых отношений с вами.

— Вот как? Торговля? А что вы

можете предложить?

— Машины любого рода, ваше превосходительство. В обмен — дерево, пищу, руду.

— Да, гм... — Губернатор с сомнением покосился на пришельцев. — Я мало в этом понимаю. Может быть, нам удастся наладить взаимовыгодную торговлю, после того как я просмотрю ваши документы, — ведь наше правительство затребует определенные сведения, прежде чем мы сможем прийти к какому-либо соглашению. Вы понимаете? Я осматриваю ваш звездолет, затем придется проследовать на Тазенду.

Ответить на это было нечего, и

тон губернатора стал прохладнее.

— Мне просто необходимо осмотреть ваш звездолет.

Чанис уклончиво заявил:

— К сожалению, на звездолете в данный момент производится ремонт. Он будет к вашим услугам через сорок восемь часов, если ваше превосходительство согласится подождать.

— Я не привык ждать.

Впервые Притчер перехватил взгляд губернатора, и дыхание его сперло. На мгновение у генерала возникло чувство, что он тонет, но затем ему удалось отвести взгляд в сторону.

Чанис не уступал.

— Звездолет не может приземлиться раньше, чем через сорок восемь часов. Мы здесь, у вас, и мы совсем не вооружены. Неужели вы сомневаетесь в наших мирных намерениях?

Наступило долгое молчание, затем губернатор сурово сказал:

— Расскажите мне о вашем мире.

На этом неприятности кончились. Выполнив, по-видимому, свою миссию, губернатор потерял всякий интерес к беседе, и она быстро сошла на нет.

По окончании приема Притчер начал обследовать себя в комнате.

Сдерживая дыхание, он внимательно прислушивался к своим эмоциям. Нет, он не чувствовал себя другим, но должен ли был он чувствовать какую-нибудь разницу? Разве ощутил он что-либо после обращения Мула?

Притчер стал экспериментировать. С холодной уверенностью он прокричал про себя:

«Второе Основание должно быть уничтожено!» — И мысль эту сопровождала ненависть. Он не испытывал ни малейшего колебания. Затем генерал попытался мысленно заменить «Второе Основание» словом «Мул» — и дыхание его перехватило от одной только

попытки представить это, а язык присох к гортани.

Пока все шло хорошо. Но, может быть, в его мозг вмещивались по-иному, на более тонком уровне?

Ответа на свой вопрос Притчер не нашел, но все еще чувствовал абсолютную преданность Мулу! И если в нем что-то изменили, то это, в принципе, не имело значения.

И генерал перешел к мыслям о насущных проблемах.

Чанис был занят своими делами в другом конце комнаты. Притчер нажал кнопку на своем наручном передатчике. Последовал ответ, и волна облегчения прокатилась через все его существо. Генерала обуяла

мгновенная радость. Притчер подумал, что всему этому фарсу почти пришел конец.

Четвертый антракт

Два Оратора шли навстречу друг другу, и один из них, поравнявшись, сообщил:

— Я получил вести с Первого Основания.

Свет понимания блеснул в глазах другого.

— Пересечение путей?

— Да. Доживем до светлой зари!

5. Один и Мул

В поведении Чаниса не было и намека на то, что он осознал перемену своего отношения к Притчеру.

Он спокойно откинулся на спинку деревянного стула, скрестил ноги и посмотрел на Притчера.

— Что вы можете сказать о губернаторе?

Притчер пожал плечами.

— Ничего. Мне он не показался ментальным гением, это явно. Довольно слабый образчик человека со Второго Основания, если считать, что он оттуда.

— Честно говоря, я так не

думаю, — ответил Чанис. — Я сам не знаю, к каким выводам сейчас можно прийти. Допустим, вы со Второго Основания, — лицо его приняло задумчивое выражение. — Что бы вы сделали? Допустим, вы бы знали о цели нашего прилета сюда. Как бы вы поступили с нами?

— Несомненно, обратил бы.

— Как Мул? — Чанис бросил на него пронизательный взгляд. — Интересно, а мы бы знали, что это произошло? Или... А что, если они просто психологи, обладающие огромными знаниями, но не ментальными способностями?

— В таком случае я просто убил бы обоих на месте.

— А наш звездолет? Нет, — Чанис помахал в воздухе пальцем. — Мы крупно блефуем, старина Притчер. И они тоже. Это может быть только блеф. Если бы они даже взяли нас под эмоциональный контроль, это не решило бы ровным счетом ничего, так как мы, — разведчики. Они имеют дело с Мулом, поэтому относятся к нам осторожно, как и мы к ним. Я допускаю, что они не знают, кто мы на самом деле.

Притчер холодно посмотрел на него.

— И что же вы собираетесь делать?

— Ждать, — быстро ответил

Чанис. — Пусть они первыми раскроют карты. Их, возможно, беспокоит наш звездолет, но, скорее всего, в большей степени Мул. Сцена с губернатором — самый настоящий блеф, и им понятно, что она не сработала. Мы удачно выкрутились. Вот теперь человек, которого они подошлют, будет человеком Второго Основания, и он предложит нам какую-нибудь сделку.

— А затем?

— А затем мы пойдем на эту сделку.

— Я не думаю.

— Потому что считаете это обманом Мула? Не волнуйтесь, это не обман.

— Нет, конечно, Мул и сам в состоянии справиться со всеми этими обманами, чтобы вы ни придумали. И все же — нет.

Чанис бросил взгляд на предмет, который его компаньон держал в руке, и угрюмо спросил:

— Вы хотите сказать, по этой причине?

Притчер сильнее сжал рукоятку своего бластера.

— Именно. Вы арестованы.

— За что?

— За предательство Первого Гражданина Союза.

Губы Чаниса плотно сжались.

— Что все это значит?

— Я уже сказал: ваше

предательство. И поправка, внесенная мной в ситуацию.

— Ваши доказательства? Какие-нибудь улики, предположения? Или вам это просто приснилось? Или вы сошли с ума?

— Я — нет. А вы? Неужели вы решили, что Мул пошлет такого молокососа, как вы, на серьезное и ответственное дело не имея на то веских оснований? Еще тогда это показалось мне странным. Почему он выбрал именно вас? Потому что вы всегда улыбаетесь и хорошо одеты?

— Может быть, потому, что мне можно было доверять. Или вы уже не признаете логику? А может быть,

потому, что нам больше доверять нельзя. Как оказывается, это тоже достаточно логично.

— Мы что, состязаемся в умении наплести побольше слов о самом незначительном? — И бластер придвинулся к Чанису вместе с Притчером. Генерал стоял перед молодым человеком, выпрямившись во весь рост.

— Встать!

Чанис неторопливо встал, и мускулы его живота даже не напряглись, когда в него уткнулся ствол бластера.

— Мул хотел только одного — обнаружить Второе Основание, — сказал Притчер. — Ему это не

удалось, как и мне, и тайна, которую мы не смогли открыть, охраняется строго. Поэтому у нас оставалась лишь одна фантастическая возможность — открыть человека, знающего это место.

— И этот человек — я?!

— По-видимому, да. Тогда я этого еще не понимал, но, хотя и реакция моя уже не та, мозг работает в нужном направлении. Как легко вы нашли это место, где кончаются звезды! Глупец! Неужели вы так недооценили меня, что решили представить все ваши домыслы как простые совпадения, и думали, будто я проглочу все это, как рыба наживку?

— Вы хотите сказать, что мне слишком везло?

— Вам везло значительно больше, чем полагается верноподданному.

— Потому что, на ваш взгляд, лично мне так везти не может?

Бластер вдавился глубже в ткань одежды, но растущий гнев Притчера выдавал лишь холодный блеск глаз.

— Потому что вы подкуплены Вторым Основанием!

— Подкуплен! — в голосе Чаниса прозвучало бесконечное презрение. — Докажите!

— Или под их ментальным контролем.

— И Мул этого не заметил?!

Смешно!

— Мул это заметил, что я и пытаюсь вам втолковать, мой юный друг. Неужели вы считаете, что в противном случае могли бы играть, как вам заблагорассудится? Вы привели нас ко Второму Основанию, что и требовалось от вас.

— Ничего не понимаю из этого набора слов. Могу я спросить, с какой стати мне заниматься всем этим? Если бы я оказался предателем, то какой резон мне приводить вас ко Второму Основанию? Почему бы не мотаться по всей Галактике безо всякого успеха, как это делали вы?

— Дело в звездолете. Ведь

людям Второго Основания, несомненно, пригодится боевой корабль такого класса.

— Вам придется поискать объяснения получше. Один звездолет ничего для них не значит, и если они считают, что, изучив его, смогут построить атомные заводы и через год получают готовую продукцию, то они весьма наивны, эти люди со Второго Основания. Так же наивны, как и вы.

— Вам предоставляется великолепная возможность объяснить все это самому Мулу.

— Мы улетаем на Калган?

— Напротив, мы остаемся здесь.

А Мул присоединится к нам через

пятнадцать минут, минутой раньше или позже. Неужели вы, прозорливый самовлюбленный ягненочек, думаете, что он не следовал за нами? Вы были хорошей приманкой, но в несколько ином смысле. Вы не привлекли наших жертв, но, без сомнения, сами привели нас к ним.

— Могу я сесть, — спросил Чанис, — и объяснить вам все как дважды два? Пожалуйста.

— Вы будете стоять.

— Ну что ж, в таком случае я могу говорить и стоя. Вы полагаете, что Мул следовал за нами потому, что в коммуникационной системе был спрятан гипертрейсер?

Возможно, рука, державшая бластер, и дрогнула — Чанис не мог бы поклясться в этом. Он продолжал:

— Вы как будто не удивлены, и я не стану тратить времени на доказательство обратного. Да, я знал об этом. И, показав свою осведомленность кое в чем, о которой вы и предположить не могли, скажу вам то, чего не знаете вы.

— Вы слишком многословны, Чанис. Думаю, у вас было достаточно времени на выдумки, так что не стоит обдумывать очередную ложь снова.

— Мне нечего выдумывать. Предатели — если угодно, называйте

их вражескими агентами — были. Но Мул узнал об этом довольно странным образом. Видите ли, оказалось, что в умы нескольких обращенных, несомненно, вмещивались.

На сей раз рука с бластером явно дрогнула.

— Подчеркиваю это еще раз, Притчер. Вот почему нужен был я. Разве Мул не дал вам ясно понять, что ему нужен именно необращенный человек? А сказал ли он, в чем причина такого решения?

— Попробуйте что-нибудь другое, Чанис. Если бы Я был настроен против Мула, то знал бы это.

Быстро и нервно Притчер проверил свой ум: чувства оставались прежними. Этот человек явно лгал.

— Вы имеете в виду, что чувствуете преданность Мулу? Но в эту область и не вмешивались. Мул говорил, что это было бы слишком легко обнаружить. Но как вы себя чувствуете? Неуверенно? И чувствуете себя так постоянно с того момента, как начался полет? Или у вас иногда возникает чувство что вы — не вы, а кто-то другой? Послушайте, вы что, намерены провертеть во мне дырку бластером, не нажимая на триггер?

Притчер немного ослабил

давление.

— Что вы пытаетесь мне доказать?

— Я пытаюсь доказать, что в ваш мозг тоже вмешивались. Вы не видели, как Мул поместил гипертрейсер в коммуникационный блок. Вы вообще не видели, чтобы кто-то это делал, — вы просто нашли его там и пришли к своему выводу. Вы решили, что это затея Мула, и с тех пор полагали, будто он следует за нами. Я знаю — ваш передатчик поддерживает связь с кораблем на частоте, не предусмотренной в моем передатчике. А вы думали, это для меня открытие?

Чанис говорил уже быстро и

сердито. Маска безразличия упала с его лица, уступив место горячей настойчивости.

— Но за нами следует не Мул — отнюдь.

— Кто же, если не он?

— А как вы полагаете? Я обнаружил гипертрейсер в день нашего отлета, но тогда не подумал, что его поставили по приказу Мула. В то время у него не было никаких оснований не доверять мне. Неужели вы сами не осознаете эту чудовищную нелепость?! Если бы я был предателем и Мул это знал, я мог бы так же запросто стать обращенным, как и вы, и Мул проник бы в тайну Второго Основания через

меня, не прибегая к полету через всю Галактику. Вы способны держать что-нибудь в тайне от Мула? Но если я не знал, то как же я могу указать ему дорогу? В любом случае зачем посылать меня в подобную экспедицию?

Понятно, что гипертрейсер поместили на звездолете агенты Второго Основания. Вот кто может быть здесь через пятнадцать минут! Да и вы обмануты, если в ваш мозг вмещивались. Разве нормальный человек примет величайшую глупость за мудрость? Я привел на Второе Основание звездолет! Да к чему им ваш звездолет! Нет, Притчер, это вы им нужны. У вас сведений о

Союзе больше, чем у кого бы то ни было, за исключением, может быть, самого Мула. Вот почему они вложили в мой мозг направление, в котором нужно вести поиск. Я и сам, конечно, понимаю, что не смог бы обнаружить Тазенду, просто взглянув в Линзы. Я знал, что за этим стоит Второе Основание. Так почему бы не сыграть в их игру? Это была битва блефов. Им нужны были мы, а мне нужно было знать их местоположение в космосе — и погибнет тот, кому не удастся переблефовать другого.

Но проиграем именно мы, так как вы держите меня сейчас под прицелом своего бластера, и это явно

не ваша мысль — она вложена в ваш мозг ими. Отдайте мне бластер, Притер. Я знаю, что вам это кажется неправильным, но сейчас вами руководит не ваш ум, а повеление Второго Основания. Отдайте мне бластер, и мы вместе встретим то, что нас ждет.

Притчер с ужасом почувствовал, что его одолевают сомнения. Неужели он мог так ошибаться? Откуда эта постоянная неуверенность в себе? Почему слова Чаниса звучат так убедительно?

Убедительно? Может быть, его мозг, его измученный мозг борется со вторжением другого мозга? Не расколется ли он надвое?

Как сквозь туман Притчер видел стоящего перед ним Чаниса а с протянутой рукой и внезапно понял, что вот-вот отдаст ему бластер. И когда рука генерала разжалась, чтобы сделать это, дверь сзади медленно открылась, и он непроизвольно обернулся.

Несмотря на агонию ума, Притчер в ту же секунду почувствовал прилив холодной бодрости, окатившей его с головы до ног.

Внешний вид Мула никогда не позволял ему выглядеть хозяином положения. Так было и на сей раз. Мул имел нелепый вид в своих

многочисленных одеждах,
создававших иллюзию полноты.
Лицо его побелело от холода, а
огромный нос был иссиня-красным.

Нельзя даже представить себе
ничего более нелепого, чем то, что
такой человек может оказать какую-
либо помощь.

— Держите бластер при себе,
Притчер, — сказал он, затем
повернулся к Чанису, который, пожав
плечами, уселся на стул. — Я с
трудом пока читаю ваше
эмоциональное состояние, но здесь
пахнет конфликтом. Интересно, кто,
кроме меня, мог следовать за вами?

Притчер быстро вмешался,
перебив его:

— Гипертрейсер был помещен в звездолет по вашему приказу, сэр?

Мул холодно посмотрел на него.

— Конечно. Разве кто-нибудь, кроме Союза Миров, имеет такие приборы?

— Он сказал...

— Зачем цитировать, генерал, если он сам здесь. Так что вы говорили, Чанис?

— Да, но, очевидно, я ошибался. Я считал, что трейсер был подложен агентами Второго Основания, что нас вели сюда с какой-то целью, и намерен был против всего этого бороться. Более того, у меня сложилось впечатление, что генерал находится в определенной степени

ПОД ИХ КОНТРОЛЕМ.

— Вы говорите, словно уже так не думаете.

— Боюсь, нет. В противном случае в дверь вошли бы не вы.

— Ну что же, тогда давайте разбираться.

Мул сбросил с себя верхнюю
одежду, подогреваемую
электричеством.

— Вы не возражаете, если я тоже сяду? Мы в полной безопасности, и нам не грозит никакое вторжение. Ни один житель этой ледяной глыбы не испытывает даже малейшего желания приблизиться к данному месту, смею вас уверить.

В глазах Мула мелькнула угрюмая злоба.

Чанис, выказывая свое неудовольствие, съязвил:

— К чему такое уединение? Может, нас будут обслуживать танцовщицы?

— Вряд ли. Так что за версия у вас, молодой человек? Житель Второго Основания следил за вами с помощью прибора которого нет ни у кого, кроме меня, и... Как вам удалось обнаружить это место?

— Мне показалось, сэр, что в мой мозг вложили определенные соображения.

— Люди со Второго Основания?

— Я подумал, что никто другой

на это не способен.

— А вы не задавались вопросом: если человек со Второго Основания способен вложить такую мысль в вашу голову, то с какой стати ему понадобилось следить за вами с помощью гипертрейсера?

Чанис быстро поднял голову и, встретившись взглядом с огромными глазами своего монарха, неожиданно вздрогнул.

Притчер пробормотал что-то себе под нос, и тело его расслабилось.

— Нет, — ответил Чанис, — это мне в голову не пришло.

— Или, раз они решили следовать за вами, значит, поняли,

что их контроль ослаблен. Да и у вас не было практически никаких шансов найти дорогу сюда с такой легкостью. Это приходило вам в голову?

— Тоже нет.

— Почему? Неужели ваш интеллектуальный уровень настолько снизился?

— Я могу лишь ответить вопросом на вопрос, сэр. Вы присоединяетесь к обвинениям генерала Притчера в моем предательстве?

— А вы сможете защититься, если да?

— Могу лишь повторить то, что уже сказал генералу. Если бы я был

предателем и знал местонахождение Второго Основания, вы могли бы обратить меня и получить все необходимые сведения. Если же вы решили следить за мной, значит, я не обладал такими знаниями и, следовательно, не мог быть предателем.

— И каково же ваше заключение?

— Я не предатель.

— С чем я не могу не согласиться, так как ваша логика безупречна.

— Тогда могу ли я знать, почему вы следили за нами?

— Потому что всем имеющимся фактам существует третье

объяснение. Если вы уделите мне немного времени, я все расставлю на свои места, быстро, так что не успеете соскучиться. Садитесь, Притчер, и отдайте мне ваш бластер. Опасности нападения на нас больше не существует. Ниоткуда, благодаря вам, Чанис.

Освещение в комнате было таким же, как и во всех домах Россема, — тусклая лампочка на потолке горела электрическим светом, и каждая из трех фигур отбрасывала тень.

— Поскольку я счел необходимым следить за Чанисом, — начал Мул, — понятно, что я ожидал

от этого каких-то результатов. И поскольку он удивительно быстро направился ко Второму Основанию, нигде не блуждая, то нетрудно догадаться, что именно на это я и рассчитывал. Если я не получил нужных мне сведений непосредственно от Чаниса, значит, что-то меня удерживало от этого. Перед вами голые факты. Чанис, конечно же, знает ответы на все вопросы. А вы что-нибудь понимаете, Притчер?

— Нет, сэр.

— В таком случае я объясню. Только один тип человека может знать месторасположение Второго Основания и вместе с тем не

позволить узнать об этом мне. Боюсь, Чанис, что вы — человек со Второго Основания.

Чанис напряженно подался вперед, упершись руками в колени, и сердито спросил:

— У вас есть прямые доказательства?

— Есть и прямые доказательства, Чанис. Я ведь говорил вам, что в умы моих людей вмешиваются.

Человек, занимающийся этим, должен, вне всяких сомнений, а) быть необращенным; б) находиться в гуще событий. Довольно обширное поле для поиска, но не безнадежное. Вы имели слишком большой успех,

Чанис. Вы слишком нравились людям и слишком хорошо со всеми ладили. Я думал над этим.

А затем я предложил вам возглавить экспедицию, и это вас не удивило. Я наблюдал за вашими эмоциями. Вы приняли предложение как должное, и оно вас даже не насторожило.

Тут вы переиграли. Ни один человек, даже весьма компетентный, не мог не почувствовать хотя бы малейшую неуверенность, получив предложение подобного рода. Поскольку вы избежали этого чувства, то вы либо глупы, либо способны контролировать себя. Выбрать из этих предположений

одно не составило труда. В момент, когда вы расслабились, я захватил ваш мозг, наполнил его печалью, а затем ликвидировал эту эмоцию. Вы обозлились, причем так искусно, что я мог поклясться, что это была естественная реакция, если бы не одно обстоятельство. Когда я овладел вашими эмоциями, мозг ваш какую-то сотую долю секунды сопротивлялся, прежде чем вы спохватились. Больше мне ничего не было нужно. Никто не может мне сопротивляться даже в течение такого небольшого промежутка времени, если не умеет контролировать свой мозг, как я.

В низком голосе Чаниса

прозвучала горечь:

— Ну хорошо, и что же дальше?

— А дальше вы умрете. Как агент Второго Основания. И, я надеюсь, вы сами понимаете, что это просто необходимо.

Вновь Чанис смотрел в дуло бластера. Бластера, находящегося в руках человека, способного противостоять любым ментальным бурям лучше, чем он, Чанис.

Времени для внесения нужной поправки оставалось очень мало.

События, которые последовали далее, трудно описать человеку, обладающему обычными чувствами. Важно лишь то, что Чанис

предпринял за невероятно короткий промежуток времени, когда палец Мула уже стал давить на триггер. Эмоции Мула были совершенно определенны — без каких-либо примесей. Если бы впоследствии Чанису пришло в голову вычислить время, прошедшее с того момента, как у Мула возникало желание стрелять, до мгновения, когда были возбуждены другие эмоции, он понял бы, что смог предотвратить смерть лишь за одну пятую секунды.

Чанис сделал резкий рывок в сторону, и одновременно на Мула обрушился совершенно неожиданный, мощный поток неслыханной ненависти, и именно

это не позволило ему согнуть палец до конца.

Мул понял, что ситуация изменилась. Это был треугольник, причем гораздо более драматичный, нежели могло показаться постороннему наблюдателю.

Вот стоял Мул с пальцем на триггере, напряженно глядя на Чаниса. Вот застыл Чанис, не веря еще, что можно вздохнуть свободно. И вот Притчер, конвульсивно дергающийся в кресле и испытывающий одно-единственное желание — броситься вперед с перекошенным лицом, которое сбросило наконец свое деревянное выражение и превратилось в

воплощение дикой ненависти. Притчер не отрывал своего бешеного взгляда от Мула. Чанис перебросился несколькими словами со своим противником, но эти несколько слов заключили в себе целый поток эмоций, мгновенная передача которых является способом общения подобных им людей.

Нам же необходимо перевести значение этих слов на более понятный язык.

Чанис сказал:

— Вы между двумя огнями, Первый Гражданин, и не можете контролировать два мозга одновременно, если один из них — мой, поэтому находитесь перед

выбором. Я снял зажимы, и Притчер в данный момент свободен от вашего влияния. Перед вами — старый Притчер, который стремился когда-то убить вас и, кроме того, понимает сейчас, на что его обрекли и последние пять лет. Пока я сдерживаю этого человека, подавляя его волю, но, если вы меня убьете, связь нарушится, и вы не успеете сделать второй выстрел или возобновить свой контроль — он вас настигнет.

Мул явно оценил ситуацию правильно, но не пошевелился. Чанис продолжал:

— Если же вы попытаетесь взять его под контроль, или убить,

или еще что-нибудь в этом роде, вам уже не удастся остановить меня.

Мул не двинулся с места, лишь слабый вздох сорвался с его губ в подтверждение слов Чаниса.

— Итак, — сказал Чанис, — бросьте бластер и, когда мы с вами будем на равных, можете забирать обратно своего Притчера.

— Я допустил ошибку, — заговорил наконец Мул. — Нельзя было присутствовать третьему при нашем разборе. Я приобрел себе нового врага. Ну что же, за ошибки нужно платить, я полагаю.

Он небрежно бросил бластер на пол и подтолкнул его ногой. В тот же момент Притчер обмяк в кресле,

словно погрузившись в глубокий сон.

Он будет в порядке, когда проснется, — безразлично заметил Первый Гражданин.

С момента, когда Мул начал нажимать на триггер, до момента, когда он отбросил бластер, прошло всего полторы секунды. Но где-то в подсознании Чанис уловил эмоциональный всплеск в мозгу Мула. Это были все те же неукротимое торжество и уверенность в победе.

6. Один, Мул и еще один

Два непохожих друг на друга человека, внешне расслабленные и спокойные, напрягали каждый нерв своего тела, служившего дополнительным эмоциональным детектором. Впервые за долгие годы Мул столкнулся с сопротивлением и был озадачен: какую тактику избрать? Чанис понимал, что долго защищаться не сможет, и если противник атакует серьезно, ему не выдержать. Но даже думать об этом было смертельно опасно. Выдать Мулу свою слабость значило вложить в его руку оружие.

Выиграть время... Почему

задерживаются остальные? Может быть, в этом и кроется причина уверенности Мула? Что знал его противник такое, чего не знал он, Чанис? Наблюдения за эмоциями не помогли. Если бы только он умел читать мысли! И все же...

Чанис резко прервал свои размышления. Сейчас ему оставалось только одно — выиграть время. Он сказал:

— Раз уж сложилась такая ситуация — да и после нашей маленькой дуэли было бы смешно это скрывать, — признаю, что я человек Второго Основания. Может быть, и вы теперь скажете, зачем вам понадобилось отправляться на

Тазенду?

— О нет! — Мул самоуверенно рассмеялся своим высоким голосом. — Я не Притчер и не обязан ничего вам объяснять. Вы поступили так, как сочли нужным, и я не собираюсь больше задавать никаких вопросов.

— Однако вы, наверное, не все понимаете. Является ли Тазенда Вторым Основанием, которое вы рассчитывали найти? Притчер много рассказывал мне о вашей первой попытке и об этом психологе — Эблинге Мисе. Он все выболтал мне под моим... ГМ... видя мою заинтересованность. Подумайте об Эблинге Мисе, Первый Гражданин.

— С какой стати?

Чанис почувствовал, что Мул уже не скрывает самоуверенности, словно все заботы, которые могли его тревожить, с течением времени быстро исчезали. Он продолжал говорить, прогоняя из своих мыслей отчаяние.

— Значит, вы совсем не проявляете любопытства? Притчер рассказал мне, что Мис чему-то внезапно удивился. Так ведь он ужасно торопился предупредить Второе Основание. Почему? А почему он умер? Второе Основание так и не было предупреждено, но все же оно существует.

Первый Гражданин улыбнулся с

неподдельным удовольствием, и вдруг Чанис почувствовал, как Мул ощупал его поле, и быстро отступил.

— Но Второе Основание, очевидно, *было* предупреждено. Иначе как удалось бы Биллу Чанису прибыть на Калган и поработать с моими людьми, а кроме того, взять на себя неблагодарный труд обмануть меня самого? Но все дело в том, что предупреждение пришло слишком поздно.

— В таком случае, — Чанис вызвал в себе чувство жалости, распространяя его во все стороны, — вы даже не знаете, чем занимается Второе Основание и что сейчас вообще происходит.

Выиграть время!

Мул почувствовал жалость, и глаза его тут же враждебно сузились. Привычным движением он потер свой нос четырьмя пальцами и отрезал:

— Ну что ж, развлекайтесь. Что вы можете рассказать о Втором Основании?

Чанис намеренно говорил, стараясь не вступать в эмоциональный контакт.

— Из всего, что я слышал, — начал он, — я понял, что Эблинга Миса больше всего удивила таинственность, которой окутано Второе Основание. Хари Сэлдон создал два весьма различных союза.

Первое Основание за два столетия ослепило всю Галактику, Второе же оказалось скрытым во тьме за семью печатями.

Вы не поймете, почему все так произошло, если не почувствуете интеллектуальную атмосферу умирающей Империи тех дней. Это было время полнейшего прекращения развития всякой мысли. И Сэлдона сделало знаменитым именно то, что он восстал против этой деградации. На самом закате Империи он зажег искру молодого созидания, предвещавшую появление Второй Империи.

— Захватывающе. Ну и что?

— А то, что Сэлдон создал два

Основания в соответствии с законами психоистории, прекрасно понимая относительность этих законов. Он не признавал ничего завершенного. Завершенность удовлетворяет лишь ограниченные умы. Сэлдон же создал эволюционный механизм, Второе Основание было двигателем ожидаемой эволюции. Мы, Первый Гражданин Союза Миров, *мы* являемся хранителями Плана Сэлдона и никто иной. Только мы!

— Вы что, пытаетесь взвинтить себя? — презрительно спросил Мул. — Или напугать меня? Все эти Вторые Основания, План Сэлдона, Вторые Империи мне абсолютно

безразличны и не вызывают у меня ни чувства симпатии, ни чувства уважения. Да и никакого другого чувства, если вы пытаетесь вызвать его во мне. И вообще, бедный дурачок, говорите о Втором Основании в прошедшем времени, потому что оно уже уничтожено.

Мул встал с кресла, и Чанис почувствовал, что эмоциональное давление на его мозг возросло, когда тот стал приближаться. Чанис отчаянно боролся, ощущая, что внутри у него что-то происходит и его защита все слабеет и слабеет.

Вот он уже почувствовал спиной стену, и Мул стоит перед ним, раскинув костлявые руки, страшно

улыбаясь кривым ртом из-под огромного носа, похожего на клюв.

— Игра ваша окончена, Чанис, — сказал Мул. — И игра всех тех, кто называл себя Вторым Основанием. *Называл!*

Мои звездолеты были брошены против Тазенды двенадцать часов назад и вполне справились со своей задачей. От Тазенды остались одни руины, и ее населенных центров практически больше не существует. Никакого сопротивления не было. Второго Основания больше нет, и я — повелитель всей Галактики.

Чанис, зажатый, как в тисках, не мог ничего сделать и только слабо покачал головой:

— Нет... нет...

— Да, да, — передразнил его

Мул. — И если вы — последний, оставшийся в живых, то это ненадолго.

Последовала короткая пауза, и Чанис чуть не завыл от мгновенной резкой боли, которая, казалось, разрывала самые глубокие слои его мозга.

Мул ослабил давление и прошептал:

— Недостаточно. Все же что-то не так. Ваше отчаяние притворно. Ваш страх — это не страх человека, все идеалы которого рушатся, а лишь жалкая боязнь за свою жизнь. — Слабая рука Мула схватила Чаниса за

горло, и тот не смог даже сопротивляться.

— Вы — моя страховка, Чанис. Используя вас, я буду судить обо всех ошибках и просчетах, которые мог допустить.

Глаза Мула надвигались на Билла, настойчивые, требующие.

— Правильно ли я рассчитал, Чанис? Перехитрил ли я ваших людей? Тазенда разрушена, Чанис, разрушена до основания, но вы горюете притворно. Где правда? Я должен знать правду! Неужели я не до конца все понял? Неужели опасность все еще существует? Говорите, Чанис, где ошибка?

Чанис почувствовал, как помимо

воли с его губ слетают слова. Он пытался бороться с этим, сжимая зубы, напрягая каждый мускул своего тела, но ничего не мог поделать, и слова рвались наружу, раздирая на своем пути горло, язык, губы...

— Правду, — выдавил он из себя, — хорошо!

— Ну конечно! Что еще остается?!

— Сэлдон создал Второе Основание здесь. Психологи прибыли сюда и взяли под контроль местное население.

— На Тазенде?

Мул проник еще глубже в эмоциональные центры Чаниса и усилил давление, подвергая его

страшной пытке.

— Я уничтожил Тазенду. Вы знаете, что мне нужно. Говорите.

— Не Тазенда. Я уже сказал, что люди Второго Основания необязательно должны стоять у власти. Тазенда — лишь административный центр, — слова вылетали помимо воли.

— Россем... Россем... Россем... этот мир...

Мул ослабил давление, и Чанис обмяк, измученный пыткой.

— И вы думали обмануть меня? — мягко спросил Мул.

— Однако вы были обмануты! — Это говорили остатки умирающего сопротивления Чаниса.

— Совсем не долго. У меня прямая связь с флотом, и после Тазенды придет очередь Россема. Но сначала...

Чанис почувствовал, как на него начала медленно надвигаться темнота, и невольно поднял руку к измученным глазам, но это не помогло.

Все звуки пропали, и темнота обволокла Чаниса с похотливой любовью.

Закончилось все странным ощущением, быстрым, как вспышка молнии. Чанис вернулся на землю, его измученные болью и слезящиеся глаза начали смутно различать

окружающее. Голова болела невыносимо, и каждое движение причиняло страдания. Наверное, он остался в живых. Он почувствовал, как откуда-то извне подступает целебный покой. С трудом повернув измученную голову, Чанис испытал облегчение: дверь была открыта, и на пороге стоял Первый Оратор.

Чанис попытался заговорить, закричать, предупредить, но язык не слушался его, и он понял, что какая-то часть могущественного мозга Мула все еще держала его под контролем, не давая произнести ни слова. Чанис снова медленно повернул голову. Мул все еще был в комнате. Он злился, рот его

оскалился в зловещей гримасе.

Чанис чувствовал влияние Первого Оратора, мягко касающегося целебными потоками его израненного мозга. Спаситель дошел до участка, контролируемого Мулом, и после короткой борьбы контроль был снят.

С яркостью, выглядевшей гротескно на фоне его телосложения, Мул презрительно проговорил:

— Еще один пришел поприветствовать меня. — Его мозг стал быстро прощупывать пространство за хижинкой, все дальше и дальше.

— Вы пришли один? — спросил он.

Первый Оратор кивнул головой.

— Я совершенно один. В этом есть необходимость, так как именно я неправильно рассчитал ваше будущее пять лет назад. И мне доставит определенного рода удовлетворение ликвидация этой ошибки без посторонней помощи. К сожалению, я не рассчитал силу Поля Эмоционального Сопротивления, которое окружало это место. Пришлось повозиться. Поздравляю вас: оно было сооружено искусно.

— Спасибо за комплимент, — враждебно ответил Мул. — Но вы зря тратите время. Вы пришли, чтобы присоединиться к обломкам своих

владений?

Первый Оратор улыбнулся.

— Ну что вы! Человек, которого зовут Билл Чанис, выполнил свою миссию превосходно и даже более того, если учесть тот факт, что он вам далеко не ровня в ментальном отношении. Я, конечно, вижу, как вы повлияли на него, но нам, быть может, еще удастся сделать его точно таким, каким он был прежде. Чанис. храбрый человек, сэр. Он добровольно вызвался на это задание, хотя мы довольно точно рассчитали процент вероятного разрушения его мозга. Это куда более страшно, нежели любое физическое уродство.

Чанис старался изо всех сил вырваться из сдерживающих его оков, чтобы предупредить как можно скорее, но не мог. Он был способен лишь передавать этот бесконечный поток страха.

Мул быстро успокоился.

— Вы, конечно, знаете, что Тазенда уничтожена?

— Конечно. Жаль, но это было предвидено заранее.

Мул хмуро ответил:

— Да, я понимаю. Но вы ведь этого не предотвратили?

— Не предотвратили.

Эмоциональное состояние Первого Оратора было понятно: тут присутствовали и ужас перед тем,

что произошло, и недовольство самим собой.

— Моей вины здесь значительно больше, чем вашей. Кто мог правильно оценить ваши силы пять лет назад? Мы с самого начала заподозрили, что вы владеете способностью контролировать эмоции. Но мы не учли два фактора.

Первый — ваша слишком высокая чувствительность. Мы можем входить в эмоциональный контакт, только будучи в поле зрения друг друга, поэтому мы так беспомощны перед физическим оружием, что вы не могли себе представить. О вас же было совершенно достоверно известно,

что вы держите людей под контролем и, более того, входите в контакт с ними даже тогда, когда они значительно удалены от вас, то есть находятся вне пределов видимости и слышимости. Но это было обнаружено слишком поздно.

Второй фактор — ваши физические данные, о которых мы ничего не знали и которые оказались настолько важными, что вы стали называть себя Мулом. Мы не предполагали, что вы не просто мутант, а стерильный мутант, и дополнительная психическая переменная в вашем комплексе неполноценности нами не была учтена. Мы рассчитывали только

мегаломанию, а не психопатическую паранойю.

И ответственность за эти промахи падает только на меня, потому что когда вы захватили Калган, Второе Основание возглавил я. Мы слишком поздно обнаружили, что вы захватили Первое Основание, и в результате на Тазенде погибли миллионы людей.

— А сейчас вы все исправите? — тонкие губы Мула скривились, мозг его учащенно пульсировал от ненависти. — Что же вы предпримете? Поправите мое здоровье? Вернете мне мужское достоинство? Уберете из моего прошлого долгое детство, в котором

надо мной все смеялись и издевались? Сочувствуете ли вы моим страданиям? Лично я не сожалею о том, что сделал по необходимости. Пусть Галактика защищает себя, как умеет, раз отказалась защищать в свое время меня.

— Ваши эмоции, конечно, дети вашего прошлого, — сказал Первый Оратор, — и их нельзя проклинать, а нужно только изменить. Уничтожение Тазенды стало неизбежным. Альтернативой было бы разрушение планет во всей Галактике на протяжении столетий. Так или иначе, мы сделали все, что было в наших слабых силах. Мы

увезли с Тазенды столько людей, сколько смогли, все остальное население было максимально децентрализовано. К сожалению, наши усилия оказались не совсем эффективными, и миллионы людей все-таки погибли. Неужели вам не жаль их?

— Ничуть не больше, чем сотни тысяч, которые через шесть часов должны погибнуть на Россеме.

— На Россеме? — быстро переспросил Первый Оратор.

Он повернулся к Чанису, который с огромным трудом принял полусидячее положение, и излучение его мозга усилилось. Чанис почувствовал дуэль умов,

сражающихся за его мозг. Вдруг путы, сковывающие его, разорвались, и он с трудом проговорил:

— Сэр, мне ничего не удалось сделать. Он заставил меня во всем сознаться за десять минут до вашего прибытия. Я не мог сопротивляться, и мне нет прощения. Он знает, что Второе Основание — не Тазенда. Он знает, что это Россем, — и путы снова сомкнулись вокруг измученного мозга Чаниса.

Первый Оратор нахмурился.

— Понимаю. И что вы собираетесь делать теперь?

— Вы в самом деле не знаете? Неужели это так трудно предсказать? Я связался со своим флотом и отдал

приказания. Через шесть часов, если я не отменю их, бомбардировке подвергнется весь Россем, за исключением этой одинокой деревни и сотни миль в окружности.

Мул раскинул руки и снова рассмеялся, в то время как Первый Оратор, казалось, задумался над создавшейся обстановкой.

— Какая есть альтернатива? — спросил он.

— А какая может быть альтернатива? Разве я могу получить больше того, что уже имею? Какое оружие вы выберете против моего мозга, который по меньшей мере настолько же силен, насколько и ваш, и против моих звездолетов, которые

сильнее всего, что вы можете себе представить?

— Какое оружие? — медленно произнес Первый Оратор. — Да никакого, разве что обыкновенное зернышко знания, которым даже вы не обладаете.

— Говорите быстрее, — засмеялся Мул, — говорите изобретательнее. Но как бы вы ни были умны, вам не выкрутиться из этого положения.

— Бедный мутант, — ответил Первый Оратор. — Мне ведь не надо выкручиваться. Спросите себя, почему в качестве приманки на Калган был послан Билл Чанис, молодой и храбрый, но в ментальном

отношении такой же младенец по сравнению с вами, как и этот спящий офицер Ган Притчер. Почему не отправился я или кто-нибудь другой из нашего руководства, равный вам?

— Возможно, — самоуверенно заявил Мул, — вы не настолько глупы, чтобы не понимать, что мне нет ровни.

— В истине куда больше логики. Вы знали, что Чанис со Второго Основания. У него не было достаточной силы ума, чтобы скрыть это от вас. И вы понимали также, что гораздо сильнее Чаниса, поэтому не побоялись предоставить ему свободу действий, с тем чтобы потом последовать за ним и раскрыть свои

карты. Если бы на Калган отправился я, вы убили бы меня на месте, так как я опасен, а если бы мне удалось остаться в живых и скрыть свою истинную сущность, я не смог бы вытянуть вас в космос. Только слабость Чаниса подтолкнула вас на дальнейшие действия. Оставайтесь вы на Калгане — никакие усилия Второго Основания не смогли бы причинить вам вреда со всей вашей техникой, ментальными силами и вашими людьми.

— Мои ментальные силы все еще при мне, — сказал Мул. — Что касается техники и людей, то они тоже недалеко.

— Это верно, но вы больше не

на Калгане. Вы на королевстве Тазенда, представленном вам как Второе Основание. Очень логично представленном. Так сделать было необходимо, потому что вы мудрый человек, Первый Гражданин, и подчиняетесь только логике.

— Согласен, но победа ваша оказалась недолгой. Я вырвал правду из вашего Чаниса, когда понял, что истина лежит глубже.

— А мы, со своей стороны, подготовились к тому, что вы сделаете такой шаг, и подготовили к нему Чаниса.

— А вот это уже неверно, потому что я обнажил его мозг, который был у меня как на ладони, и

когда Чанис сказал, что Второе Основание — это Россем, он сказал истинную правду, ибо в его мозгу не осталось и тени других мыслей, так что обмана не могло таиться даже в микроскопической его извилине.

— Вы правы. Следует отдать должное такому предвидению. Но ведь я говорил уже, что Билл Чанис был добровольцем. А знаете ли вы, какого рода добровольцем? Прежде чем лететь на Калган, ему пришлось пройти через процедуру эмоциональной хирургии, процедуру довольно суровую по природе. Неужели вы думаете, что неизменный Билл Чанис смог бы обмануть вас? Нет, он сам был

обманут. Причем пошел на это добровольно. Всем своим существом Билл Чанис верит, что Россем — это Второе Основание. И вот уже три года, как мы поддерживаем эту иллюзию в королевстве Тазенда, ожидая вас. И ведь добились успеха, вы не находите? Сначала вы решили, что Второе Основание — это Тазенда, затем — Россем, но дальше вы пойти не смогли.

Мул вскочил на ноги.

— Вы осмеливаетесь заявить мне, что Россем тоже не Второе Основание?

Лежавший на полу Чанис почувствовал, как сковывавшие его путы окончательно порвались под

влиянием ментального потока
Первого Оратора, и поднялся во весь
рост.

— Значит, Россем — не Второе
Основание?! — закричал он в
полнейшем изумлении.

Первый Оратор улыбнулся.

— Вот видите, Первый
Гражданин удивлен так же, как и вы.
Разумеется, Россем — не Второе
Основание. Неужели мы настолько
безумны, чтобы привести прямо на
нашу Родину самого
могущественного и опасного врага?

Пусть ваш флот бомбардирует
Россем, Первый Гражданин, от этого
ваше положение не изменится ни на
йоту.

Почему? Потому что экспедиция Второго Основания, пробывшая здесь три года и функционировавшая под видом старшин, выполнила свою задачу и направляется в данный момент на Калган. Разумеется, они не попадут на глаза вашему флоту и прибудут в ваши владения по меньшей мере за день до того, как вы сможете туда домчаться. Поэтому я и говорю об этом спокойно. И если я не отменю своих приказов, то по возвращении вы будете иметь дело с восставшей, революционной империей — всем вашим Союзом Миров.

Мул медленно опустил голову. Его мозг источал злобу и отчаяние.

— Да. Слишком поздно...

Слишком поздно, теперь я понимаю.

— Теперь вы понимаете, — согласился Первый Оратор. — А теперь уже нет. — И в тот момент, когда мозг Мула открылся в своем отчаянии, Первый Оратор, готовый к этому и понимающий природу вещей, быстро проник в него. Ему понадобилась лишь доля секунды, чтобы совершить превращение.

Мул поднял голову и сказал:

— Значит, мне нужно вернуться на Калган?

— Конечно. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. — Он нахмурился. — А вы кто такой?

— Разве это имеет значение?

— Нет, конечно. — Он пожал плечами и тронул за руку генерала.

— Проснитесь, Притчер, мы летим домой.

Прошло два часа, прежде чем Билл Чанис почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы передвигаться самостоятельно.

— И он никогда не вспомнит? — спросил Билл.

— Никогда. У него остались ментальные силы и империя, но помыслы его совершенно изменились. Теперь Мулу безразлично Второе Основание, он стал мирным человеком, а значит, те

несколько лет жизни, которые мутант еще сможет протянуть со своим здоровьем, будут для него гораздо более счастливыми. А после его смерти План Сэлдона будет осуществляться дальше.

— А это правда, — настаивал Чанис, — что Россем — не Второе Основание? Я ведь был уверен в обратном, но я же не сумасшедший!

— Вы не сумасшедший, Чанис. Как я уже говорил, просто измененный. Пойдем. Надо возвращаться домой.

Последний антракт

Билл Чанис находился в большой комнате с белым кафельным полом. Он ни о чем не думал. Его устраивало то, что он живет.

На первых порах Билл пытался собрать обрывки воспоминаний и осмыслить подслушанные разговоры, как, например, этот:

— Сейчас у него абсолютная афазия. Произведена полная очистка, и я думаю, без малейшего вреда. Теперь необходимо восстановить первоначальную запись.

А затем кто-то вошел и что-то долго думал с ним, после чего Билл спал еще дольше.

Пришло время, и кровать стала кроватью, окно — окном, и Чанис

неожиданно понял, что находится в больнице, и слова, которые он воскресил в памяти, уже имели смысл.

Билл сел на постель. Первый Оратор приблизился.

— Вы на Втором Основании, и ваша память, ваша прежняя память вернулась к вам.

— Да, да. Да! — Чанис внезапно ощутил себя самим собой, и это доставляло невыносимую радость и наслаждение.

— А теперь скажите мне, — продолжал Первый Оратор, — вы знаете, где Второе Основание?

Осознание истины переполнило все существо Чаниса, нахлынув на

него огромной волной, и он не мог ответить, как и Эблинг Мис когда-то, — его охватило чувство огромного, ни с чем не сравнимого удивления.

И только когда все улеглось, Чанис ответил:

— Клянусь всеми звездами Галактики, теперь я знаю!

Часть вторая. Поиск Основания

1. Аркадия

Дарелл Аркадия,
писательница, родилась
11.5.362 Э.О. Скончалась
1.7.443 Э.О. В начале своей
карьеры была известна как
романистка, но истинную
популярность приобрела
после написания
биографии своей бабушки,
Бейты Дарелл. Будучи
основанным на личных
воспоминаниях, это
произведение многие века
служило единственным
источником информации о
Муле и его времени... Как

«Вспышки памяти», так и следующий ее роман «Снова и снова» являются описанием блистательного калганского общества, в основу которого положен визит писательницы на Калган в эпоху ее ранней молодости...

*Галактическая
Энциклопедия*

Аркадия Дарелл отчетливо продиктовала в микрофон своего транскрайбера: «„Будущее Плана Сэлдона“. А. Дарелл», а затем угрюмо подумала, что когда-нибудь станет великой писательницей и

начнет подписывать все свои произведения псевдонимом «Аркадия». Просто «Аркадия», без всякой фамилии. Подпись «А. Дарелл» под классными сочинениями по риторике была просто безвкусной. Всем остальным ребятам тоже приходилось так подписываться, кроме, пожалуй, Олунтуса Дама, да и то лишь потому, что весь класс просто смеялся над ним. «Аркадия» — это имя, которое маленькой девочке подарили лишь потому, что так звали ее прабабку. Нет, у родителей определенно не хватало воображения.

Вот уже два дня, как ей исполнилось четырнадцать лет, и

сейчас можно вполне признать ее взрослой и называть хотя бы Аркади. Губы девочки сжались, когда она представила отца, который отрывает глаза от книги на экране и, глядя на нее, произносит следующее:

— Но если ты собираешься играть роль девятнадцатилетней, то что будет, когда тебе исполнится двадцать пять? Все мальчики решат, что тебе уже тридцать.

С того места, где Аркадия развалилась в своем специальном кресле, раскинув руки, было видно зеркало на туалетном столике. Но посмотреться в него ей мешала собственная нога, на большом пальце которой качался домашний тапок,

поэтому она выпрямилась и уселась в неестественной позе, стараясь вытянуться вверх, чтобы прибавить своей маленькой фигурке еще хотя бы два дюйма.

Некоторое время девочка изучала свое лицо — слишком полное. Не разжимая губ, она на полдюйма опустила челюсть и поняла, что так тоже не годится. Затем быстро облизнула и секунду пожевала свои влажные, мягкие губы, опустила ресницы, как это сделала бы уставшая от всего похитительница сердец. О Боже, если бы ее щеки были такими же розовыми!

Аркадия попыталась приподнять

пальцами уголки глаз, чтобы придать им загадочное экзотическое выражение, как у женщин внутренних звездных систем, но ей мешали руки, и она не могла рассмотреть себя как следует.

Затем Дарелл слегка приподняла подбородок и повернула голову в профиль, немного скосив глаза и напрягая мускулы шеи. Голосом на октаву ниже обычного она сказала:

— Но, отец, если ты считаешь, что мне хоть чуть-чуть небезразлично, что обо мне будут думать всякие там мальчишки...

Вдруг Аркади вспомнила, что микрофон все еще был в ее руке, и, добавив своим обычным голосом «О

Боже!», поспешно выключила его.

На слегка фиолетовой бумаге с толстой чертой поля красовались слова:

«„БУДУЩЕЕ ПЛАНА
СЭЛДОНА“. А. ДАРЕЛЛ.

Но, отец, если ты считаешь, что мне хоть чуть-чуть небезразлично; что обо мне будут думать всякие там мальчишки...

О БОЖЕ!»

Дарелл с раздражением вытащила лист из машинки, и на его место тут же скользнул другой. Тем не менее ее нахмуренное личико разгладилось, а широкий рот растянулся в удовлетворенной улыбке. Девочка осторожно

понюхала бумагу. Здорово! Ей как раз не хватало элегантности и шарма, и она-таки добилась своего.

Вообще-то отец собирался купить обычную пишущую машинку, по клавишам которой нужно было лупить, будто она какая-то глупая учительница. Но все же Аркадии доставили от «Транскрайбера» именно модель, которую она хотела и которая вызывала со стороны отца гораздо больше неудовольствия, чем могла ожидать взрослая девушка четырнадцати лет: напечатанные буквы показались ей приятными и наделенными особым смыслом.

Даже фраза «О БОЖЕ!» звучала, если ее печатали на транскрайбере.

Но как ни крути, а дело надо было делать, и Дарелл отложила неудавшийся лист своей первой работы и начала все сначала, ясно и отчетливо, выправив позвоночник, втянув живот и подняв грудь. Внимательно контролируя дыхание, она произнесла трагическим голосом:

— Будущее Плана Сэлдона.

История Основания хорошо известна всем, кому повезло обучаться на нашей планете с ее прекрасной системой образования и хорошо подобранными преподавательскими кадрами.

(Так-то! Понравится даже мисс Эрллинг, глупой старой деве.)

Это в основном история Великого Плана Сэлдона, и вопрос, стоящий сегодня перед большинством из нас, заключается в том, будет ли осуществление этого плана продолжаться с прежней мудростью или нарушится (либо уже нарушено). Для более полного понимания информации следует, вероятно, повторить некоторые аспекты плана, которые не были засекречены.

(Как раз это сделать легко, поскольку Современную историю они проходили в прошлом семестре.)

Примерно четыре столетия назад, когда Первая Галактическая Империя загнивала, находясь на

границ окончательного краха, один человек, великий Хари Сэлдон, предсказал приближающийся конец на основе полученных с помощью психоистории данных. В математические дебри этой науки давно уже никто не может вникнуть.

(Тут Дарелл остановилась в сомнении. Она ведь была уверена, что слово «математические» пишется через букву «и», а не «е». Что-то не нравилось ей правописание. Ну, да ладно, машина не может слишком сильно ошибаться.)

Сэлдон и работавшие с ним люди смогли предсказать последствия великих социально-

экономических событий тех дней. Они четко понимали, что предоставленная самой себе Галактическая Империя рухнет, и после этого наступит хаос, который продлится тридцать тысяч лет, пока не создадут новую Империю.

Было слишком поздно предотвращать это великое падение, но оставалась надежда значительно сократить период хаоса. Так появился План, по которому предполагалось создание новой Империи всего лишь через тысячу лет после падения старой.

Мы живем в четвертом столетии этого Плана. Миллионы людей рождаются и умирают, а

осуществление Плана неуклонно движется к своему завершению.

Хари Сэлдон создал на противоположных концах Галактики два Основания таким образом, чтобы получить оптимальное математическое решение психоисторической задачи. На одном из них, расположенном на Терминусе, то есть нашем Основании, была сконцентрирована вся физическая наука Галактики. Обладая такими знаниями, Основание могло выдержать нападения варварских королевств, находившихся на периферии Галактики и не зависимых от Империи.

Основание действительно смогло победить эти варварские королевства под предводительством мудрых и героических людей, — таких как Сальвор Хардин и Хобер Мэллоу, — которые дали разумное толкование Плана и помогли нашему Основанию справиться со всеми

(Аркадия с удовольствием написала бы здесь «со всеми премудростями», но решила не рисковать, потому что не очень ясно представляла, как пишется это слово.)

сложностями. И хотя прошло уже два столетия, все наши планеты свято чтут память этих героев.

Основание организовало

торговую систему, контролирующую большую часть секторов Сивенны и Анакреона, и даже разгромило под предводительством последнего из великих генералов — Бель Риоза — остатки старой Империи. Казалось, ничто не может остановить развитие Плана Сэлдона. Кризисы проходили в предсказанное Сэлдоном время и заканчивались благополучно — с завершением каждого из них. Основание делало гигантский шаг вперед, ко Второй Империи и к миру.

А затем

(В этом месте у Дарелл не хватило дыхания, и она процедила слова сквозь зубы, но транскрайбер все равно элегантно записал их на

бумаге),

когда ушли в небытие остатки мертвой Империи и жадные наместники стали править этим гниющим колоссом

(Эту фразу Аркадия почерпнула из детектива, который шел на прошлой неделе по видео, но старая мисс Эрлинг никогда ничего не слушала и не смотрела, кроме симфоний и лекций, так что не должна была обвинить ее в плагиате),

появился Мул.

Этот странный человек не был предусмотрен Планом, ибо он родился мутантом. Мул обладал странной и загадочной властью над

человеческими эмоциями, вследствие чего смог подчинить своей воле всех людей. С головокружительной быстротой он образовал собственную империю, а затем победил Основание.

И все же Мул не добился галактического господства, потому что при первой же попытке был остановлен мудрой и смелой женщиной.

(Тут перед Аркадией встала все та же старая проблема. Отец будет настаивать, чтобы она никогда не упоминала, что является внучкой Бейты Дарелл. Все знали, что Бейта была действительно величайшей женщиной Галактики. Именно она

остановила Мула, одна, без посторонней помощи.)

Но сделано это было таким образом, что истинная история была известна очень немногим.

(Так-то! Если она будет читать свое сочинение перед классом, то последнюю фразу скажет угрюмым и загадочным голосом, и кто-нибудь да обязательно спросит ее, что же это за истинная история, и тогда... Не может же она скрывать правду, если ее спрашивают. Мысленно она уже составила обиженное и красноречивое объяснение своему родителю.)

После пяти лет неограниченного правления по неизвестной причине

Мул прекратил политику завоевания и оставшиеся пять лет провел как обычный образованный деспот.

Некоторые утверждают, что такая перемена в поведении Мула вызвана вмешательством Второго Основания, однако еще ни один человек не открыл местонахождения этого Второго Основания, так что подобная версия остается неподтвержденной.

Со дня смерти мутанта прошло уже почти столетие. Он приостановил осуществление Плана Сэлдона и чуть не сорвал его полностью. Тем не менее сразу же после смерти Мула Основание быстро поднялось, подобно

сверхновой звезде, возникшей из пепла умирающего светила.

(Эту фразу Дарелл придумала сама.)

И опять планета Терминус стала центром торговой федерации, почти такой же великой и богатой, как и перед поражением, только еще более демократичной.

Запланировано ли это? Жива ли еще великая мечта Сэлдона и будет ли Вторая Галактическая Империя создана через шестьсот лет? Я лично верю, что так оно и будет.

(Это очень важно. Мисс Эрллинг взяла себе в привычку корябать красным карандашом замечания вроде: «Но это лишь

описательно», «Каково твое собственное мнение?», «Думай», «Выражайся яснее», «Излей свою душу», как будто она знала что-то о душе, эта старая рухлядь с лимонно-желтым лицом, ни разу не улыбнувшись за всю свою жизнь...)

Никогда еще политическая ситуация не была так благоприятна. Старая Империя бесследно исчезала, а правление Мула положило конец эре наместников. Большая часть окружающих нас районов Галактики цивилизована и миролюбива. Кроме того, внутренняя атмосфера Основания стабильна, как никогда. Времена до завоевания, когда правили мэры, ушли в прошлое, а на

смену им пришла демократическая система выборов. Не существует больше и диссидентских миров независимых торговцев, потому что исчезла несправедливость, дарившая власть и богатство лишь немногим.

Из всего этого следует, что нет причин опасаться неудач, если, конечно, не верить слухам, будто Второе Основание представляет для нас опасность. Те, кто так думает, не имеют никаких доказательств и опираются лишь на неясные страхи и суеверия. Я считаю, что всеобщая вера в самих себя, в нашу нацию и Великий План Сэлдона должна изгнать из наших умов всякую неуверенность и

(Гм. Все это получилось довольно скучно, но концовка должна быть именно такой.)
таким образом...

На этом «Будущее Плана Сэлдона» закончилось, во всяком случае, на данный момент, потому что в окно раздался очень осторожный стук, и Аркадия подпрыгнула в кресле. За стеклом она увидела улыбающееся лицо.

Выждав положенные несколько минут и придав своей физиономии удивленно-горделивое выражение, Дарелл подошла к дивану под широким окном и, забравшись на него коленями, задумчиво уставилась

на образ за стеклом.

Улыбка на лице человека мгновенно исчезла. Одной рукой он сделал быстрый знак, а пальцы на другой, оставшейся на подоконнике, побелели.

Следуя знаку, Аркадия спокойно нажала кнопку возле окна, и нижняя треть его исчезла внутри стены.

— Вы не сможете войти, — сказала Дарелл, располагаясь на диванчике поуютнее. — Все окна оснащены полем, пропускающим только тех, кто здесь живет. Если вы войдете, все наши сигнальные системы сойдут с ума.

Немного помолчав, она добавила:

— Вы довольно-таки глупо выглядите, балансируя на этом карнизе. Одно неосторожное движение — и вы упадете, сломав себе шею, а в придачу и кучу очень ценных цветов.

— В таком случае, — человек в окне думал примерно так же, но с несколько иной точки зрения, — может быть, вы отключите это поле и разрешите мне войти?

— Не вижу в этом никакого смысла, — ответила Аркадия. — Вы, вероятно, попали не по адресу, поскольку я не из тех девушек, которые пускают незнакомых людей к себе... в свою спальню в такой поздний час.

С лица молодого человека исчезли остатки юмора, и он торопливо пробормотал:

— Это ведь дом доктора Дарелла?

— С какой стати я должна вам отвечать?

— Ох, Великая Галактика!.. До свидания.

— Если вы спрыгнете, молодой человек, я лично нажму на сигнал тревоги.

Это было сказано нарочито серьезным и резким тоном, потому что мужчине было лет тридцать, и в глазах Дарелл он выглядел почти стариком.

Последовало молчание, затем он

напряженно произнес:

— Ну хорошо, девочка, если ты не хочешь меня впустить и не желаешь, чтобы я ушел, то чего же ты добиваешься?

— Я думаю, тебе можно войти. Доктор Дарелл живет здесь. Я убираю поле.

Глядя на нее, молодой человек осторожно просунул в окно руку, подтянулся на подоконнике и пролез внутрь.

— Ты достаточно уверена, что твоя репутация не пострадает, если меня найдут здесь?

— Не в большей мере, чем твоя, потому что как только я услышу чьи-нибудь шаги, я стану плакать,

кричать и скажу, что ты ворвался сюда силой.

— Да? — спросил он с угрюмой иронией. — А как ты намерена объяснить то, что силовое поле отключено?

— А-а, это объяснить как раз легче всего. Никакого поля и в помине нет.

Глаза молодого человека расширились от изумления.

— Так, значит, ты соврала? Сколько же тебе лет, девочка?

— Я считаю, что это очень бестактный вопрос. И я не привыкла, чтобы ко мне обращались «девочка».

— Неудивительно. Ты, наверное, просто переодетая бабушка Мула. Ты

не возражаешь, если я уйду до того, как ты устроишь надо мной суд Линча?

— Тебе лучше остаться, так как отец ждет тебя.

Молодой человек снова насторожился:

— Вот как? А у твоего отца кто-нибудь есть сейчас?

— Нет.

— Кто-нибудь посещал его в последнее время?

— Только торговцы... и ты.

— Случалось что-нибудь необычное?

— Только ты.

— Ладно, забудь обо мне. Впрочем, нет, лучше не забывай.

Послушай, а откуда ты знаешь, что отец ждет меня?

— Ну, это совсем просто. На прошлой неделе он получил персональную капсулу с самоуничтожающейся после прочтения бумагой, выбросил футляр капсулы в дезинтегратор, вчера предоставил Поли — это наша служанка — месяц отпуска, а сегодня расстелил постель в свободной комнате. Поэтому я догадалась, что он ждет кого-то, о ком мне знать не положено. Обычно папа мне все рассказывает.

— Вот как? Удивительно, что ему приходится это делать. Помоему, ты знаешь все раньше, чем он

тебе расскажет.

— Как правило. — Аркадия рассмеялась, чувствуя себя все легче и легче. Посетитель, правда, был староват, но все же неплохо выглядел со своими вьющимися волосами и голубыми глазами. Может быть, она еще встретит такого, когда будет постарше.

— А как ты узнала, что он ждет именно меня?

— Кого же еще? Он так тщательно скрывает, что ждет кого-то, и тут появляешься ты да еще лезешь в окно, вместо того, чтобы, как все нормальные люди, войти в дверь.

Аркадия вспомнила свое

любимое изречение и не преминула
ввернуть его в разговор:

— Мужчины так глупы!

— А ты себя очень любишь,
детка, да? То есть я хотел сказать —
мисс. Но тебе не приходило в голову,
что ты можешь и ошибаться? А что,
если я скажу, будто все это домыслы
и твой отец ждет кого-то другого, а
вовсе не меня?

— О нет, не думаю. Я бы ни за
что не пригласила тебя войти, если
бы не видела, как ты бросил вниз
свой чемодан.

— Что-что?

— Чемодан, молодой человек. Я
не слепая. Ты не уронил его
случайно, так как сначала посмотрел

вниз, чтобы удостовериться: упадет ли он куда надо. И ты понял, что упадет как раз в кусты и его никто не увидит. Поэтому ты и бросил его не глядя. Далее, если ты не вошел в дверь, а полез в окно, не как все, значит, ты побаиваешься этого дома и хочешь убедиться, что здесь все в порядке. А о своем чемодане ты позаботишься после ругни со мной, следовательно, в чемодане находится нечто такое, что поважней твоей безопасности. А это в свою очередь означает, что пока ты здесь, а чемодан там, ты, вероятно, совершенно беспомощен.

Дарелл остановилась, чтобы перевести дыхание, в чем крайне

нуждалась, и молодой человек ответил:

— Если не принимать во внимание то, что я мог бы просто придушить тебя, а потом пойти за своим чемоданом.

— Если не принимать во внимание то, молодой человек, что под моей кроватью случайно завалялась бейсбольная бита, которую я могу достать в два счета, не сходя с этого места. А говорят, что для своего возраста я очень сильна.

После небольшой заминки, смутившись и с вымученной вежливостью, молодой человек предложил:

— Не лучше ли будет мне

представиться, раз уж мы так здорово «подружились»? Я Пеллис Антор. А тебя как зовут?

— А я Арка... Аркади Дарелл. Очень приятно познакомиться.

— А сейчас, Аркади, не будешь ли ты хорошей девочкой и не позовешь ли своего отца?

Аркадия вспыхнула:

— Я не маленькая девочка. Думаю, что ты груб, тем более что просишь об одолжении.

Пеллис Антор вздохнул.

— Ну хорошо, не будешь ли ты хорошей, доброй старушкой, от которой просто разит ладаном, и не позовешь ли отца?

— Тоже не то, что я хотела бы

услышать, но позову. Только не думайте, молодой человек, что я отведу от вас взгляд хоть на секунду, — и она постучала ногой по полу.

В зале послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась настежь.

— Аркадия...

Раздался легкий вздох изумления, и доктор Дарелл произнес:

— Кто вы, сэр?

Пеллис вскочил на ноги с явным облегчением.

— Доктор Торан Дарелл? Я Пеллис Антор. Надеюсь, вы получили извещение о моем

прибытии? Во всяком случае, ваша дочь говорит, что это так.

— Моя дочь говорит? — Дарелл, нахмурившись, посмотрел на девочку, но взгляд его разбился о раскрытые в изумлении от такого обвинения глаза. Помолчав, доктор сказал:

— Я действительно ждал этого визита. Вас не затруднит спуститься со мной?

Но тут его взгляд уловил какое-то движение, и он внезапно остановился. Аркадия тоже что-то заметила и бросилась к своему транскрайберу, но отец успел раньше.

— Ты забыла выключить его,

Аркадия?

— Отец! — взвизгнула она уже в непритворном волнении. — Читать чужие записи — совсем не по-джентльменски, тем более что это записи разговоров.

— Ах, так! — ответил отец. — Но это записи разговоров с незнакомым мужчиной в спальне. Как отец, Аркади, я должен оберегать тебя от неприятностей.

— О Боже, да при чем здесь это? Внезапно Пеллис рассмеялся.

— Да господа, доктор Дарелл. Так и есть — молодая леди собиралась обвинить меня во всех смертных грехах, и я настаиваю, чтобы вы прочитали это хотя бы

потому, что меня беспокоит моя репутация.

— Ох! — Аркади с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Даже отец ей не доверяет. Проклятый транскрайбер...

— Аркадия, — мягко начал отец, — меня поражает, что девушка из хорошей семьи...

— Так я и знала, так и знала!

— ...непочтительно разговаривала с человеком, который намного старше ее.

— А с какой стати он подглядывал в мое окно? Девушка из хорошей семьи имеет право оставаться ночами одна. А теперь мне придется переделывать свое

сочинение.

— Ты еще слишком молода, чтобы задумываться о причинах, по которым стучат в твои окна. Ты просто должна была не впускать его, а позвать меня в ту же секунду...

Девочка кокетливо ответила:

— Хорошо, что ты не видел его глупую физиономию в окне. Он выдаст все ваши тайны, если будет и дальше лазить в окно, а не стучаться, как все нормальные люди, в дверь.

— Аркадия, никого не интересуется твое мнение о предмете, о котором ты и понятия не имеешь.

— Еще как имею! Это все Второе Основание, вот что это такое!

Наступила мертвая тишина. Даже Аркадия почувствовала, как внутри у нее что-то сжалось от нервного напряжения.

Доктор Дарелл осторожно спросил:

— Где ты это слышала?

— Нигде, но какие еще секреты у вас могут быть? Не беспокойтесь, я никому не скажу.

— Мистер Антор, — сказал доктор Дарелл, — я должен извиниться перед вами за все происшедшее здесь.

— Какая ерунда! — последовал слегка ироничный, но довольно угрюмый ответ. — Не ваша вина в том, что она продала душу дьяволу.

Но прежде чем уйти, я хотел бы задать ей один вопрос, если вы не возражаете. Мисс Аркадия...

— Что вам угодно?

— Почему вы сказали, что глупо входить в окно, а не в двери?

— Потому что в таком случае ты выставляешь напоказ все, что хочешь скрыть. Если у меня есть тайна, я не заклеиваю рот пластырем, чтобы всем показать, что не намерена ее выдавать, а веду себя как обычно. Неужели вы никогда не читали книгу поговорок Сальвора Хардина? Он ведь был нашим первым мэром, знаете?

— Да, знаю.

— Так вот, он писал, что только

та ложь, которая себя не стыдится, кажется другим правдой и что не надо никогда говорить правду, но надо стремиться говорить правдиво. Ну вот, когда вы забрались ко мне в окно, это и была та самая ложь, которая себя стыдится да еще и не выглядит правдой.

— И что бы сделали вы?

— Если бы я захотела встретиться с отцом по какому-нибудь сверхсекретному делу, то встретилась бы открыто, да и в дальнейшем встречалась бы по всевозможным и вполне законным делам. А когда бы все привыкли к тому, что нас постоянно видят вместе, я могла бы секретничать с

ним сколько угодно. Никому бы и в голову не пришло, зачем все это делается.

Антор бросил странный взгляд сначала на девушку, затем на ее отца.

— Пойдемте, — сказал он, — мне еще нужно поднять чемодан в вашем саду. Впрочем, подождите! Еще один вопрос, Аркадия. Скажите честно, ведь у вас нет никакой бейсбольной биты под кроватью?

— Конечно, нет.

— Я так и думал.

Доктор Дарелл сделал шаг к двери.

— Аркадия, — сказал он, — когда ты будешь переписывать свое сочинение о Плане Сэлдона, не

обязательно говорить о бабушке в таком ключе. Это место можно вообще опустить.

Мужчины молча спустились по лестнице, и Антор спросил немного сдавленным голосом:

— Извините меня за вопрос, сэр, сколько ей лет?

— Позавчера исполнилось четырнадцать.

— *ЧЕТЫРНАДЦАТЬ*. Великая Галактика!.. Скажите, а она когда-нибудь говорила, что собирается замуж?

— Нет. По крайней мере, мне.

— Ну, так если соберется когда-нибудь, застрелите его. Я имею в виду того, за кого она соберется. —

Антор серьезно посмотрел в глаза пожилого человека. — Я не шучу. Нет в жизни большего ужаса, чем жить с ней, когда ей исполнится двадцать. Извините, я, конечно, не имел целью обидеть вас.

— Вы меня не обидели. Я понимаю, что вы хотели сказать.

Оставшееся наверху любимое чадо, объект их трогательного анализа, воинственно посмотрело на транскрайбер и, вздохнув, присело.

С бесконечным апломбом транскрайбер написал красивыми заглавными буквами: БУДУЩЕЕ ПЛАНА СЭЛДОНА.

2. План Сэлдона

Математика... синтез
вычислительных p -
переменных и p -мерной
геометрии лег в основу
того, что Сэлдон назвал
однажды своей «маленькой
алгеброй человечества».

*Галактическая
Энциклопедия*

Представьте себе комнату.

Нас не интересует в данный
момент ее местоположение, но
достаточно будет сказать, что в этой
комнате более чем где-либо
находилось Второе Основание. На

протяжении многих столетий она являлась храмом чистой науки, однако в ней не существовало ни одного аппарата, с которыми человечество в течение миллионов лет отождествляло науку. Это была другая наука, имевшая дело только с математическими концепциями и в определенной степени напоминавшая философии древних рас тех примитивных доисторических времен, когда отсутствовало понятие о технологиях, а человек еще не покинул свою родную планету, ныне уже позабытую.

Итак, в этой комнате, находившейся под защитой

ментальной науки, которой не могла противостоять вся физическая мощь остальной Галактики, не было ничего, кроме одной вещи, которая называлась Главной Радиантой и каким-то загадочным образом заключала в себе весь План Сэлдона.

В этой же комнате находился человек — Первый Оратор. Он был двенадцатым в линии Главных Хранителей Плана, и титул этот давал право на собрания лидеров Второго Основание всегда говорить первым.

Его предшественник победил Мула, но последствия той ужасной борьбы все еще сказывались на ходе Плана. Вот уже двадцать пять лет он

и его соратники пытались вернуть целую Галактику упрямых и глупых человеческих существ на путь истинный...

Это было бесконечно трудно.

Услышав, как открылась дверь, Первый Оратор поднял голову.

Молодой человек в нерешительности остановился у двери, и Первому Оратору пришлось подойти к нему, чтобы, дружески положив руку на плечо, провести в комнату. Ученик смущенно улыбнулся, и Первый Оратор сказал, заметив это:

— Первым делом я должен объяснить, почему ты сейчас здесь. Почти всю свою жизнь ты прилежно

и трудолюбиво изучал ментальную науку и впитал почти все, что могли дать учителя. Теперь настало время тебе и нескольким твоим товарищам приступить к другому обучению — подготовке к ораторской деятельности.

С другой стороны стола почувствовалось возбуждение.

— Нет, ты должен воспринять это спокойно. Ты надеялся, что тебя выберут, и боялся, что этого не произойдет. Но ведь надежда и страх — это слабости. Ты знал, что тебя выберут, и колебался, признавать этот факт или нет, потому что знание могло сделать тебя слишком самоуверенным, а следовательно,

непригодным. Чушь! Безнадёжно глуп тот, кто не знает, что он умен! Определенная часть твоего образования заключалась в том, чтобы ты знал, что подойдешь.

Молодой человек почувствовал облегчение.

— Видишь, теперь ты чувствуешь себя лучше, ты перестал бояться. Сейчас тебе легче сконцентрироваться и все понять. Помни: чтобы по-настоящему реализовать собственные возможности, не обязательно все время держать свой мозг под жестким контролем, потому что стоящему выше разобраться в нем еще легче, чем в открытом. Нужно

культивировать уверенность в своих силах, невинность и доброту, и тогда нечего будет скрывать.

Быть Оратором нелегко. Оратор должен не только знать математические тонкости Плана Сэлдона, но и относиться к нему и его цели с любовью, для него План должен стать жизнью, он должен дышать им. Более того, для Оратора План должен стать единственным другом.

Знаешь ли ты, что это? — рука Первого Оратора мягко скользнула по поверхности черного блестящего куба, расположенного посередине стола.

— Нет, Оратор, не знаю.

— Ты не слышал о Главной Радианте?

— Это?! — изумился юноша.

— Ты ожидал увидеть нечто более впечатляющее и вдохновляющее?

Оратор улыбнулся.

— Люди Первого Основания могли бы даже воспроизвести его, но им, конечно, нельзя ничего знать о нем.

Он нажал на клавишу на поверхности стола — и комната погрузилась в темноту, но лишь на мгновение, так как две стены комнаты ожили, наполняясь светом. Сначала они были абсолютно белыми и чистыми, затем стали

появляться тонкие линии, и наконец между ними проступили напечатанные аккуратным черным шрифтом уравнения. Сквозь этот черный лес местами выделялись тонкие красные линии.

— Подойди сюда, мой мальчик, и встань перед стеной.

Они стояли рядом. Стены куба были тридцать футов в длину и десять в высоту, мелкий шрифт покрывал каждый дюйм плоскости.

— Это не весь План, — сказал Первый Оратор. — Чтобы разместить его на стене полностью, уравнения пришлось бы уменьшить до микроскопических размеров. Но это необязательно. То, что ты

видишь, представляет собой отдельные фрагменты Плана от начала и до настоящего момента. Ты ведь проходил это, не так ли?

— Да, Оратор.

— Узнаешь ли ты какой-нибудь раздел? Покажи мне тот, который считаешь наиболее важным.

Последовало недолгое молчание, и Ученик указал пальцем на линию уравнений. Вряд ли движение его пальца было достаточно точным, но ряд функций, о которых он подумал, спустился по стене и оказался на уровне глаз. Первый Оратор рассмеялся.

— Главная Радианта настроена на твой мозг, и это не последний

сюрприз, который можно ожидать от нее. Что ты хотел сказать о выбранных тобой уравнениях?

— Это, — после некоторого колебания ответил Ученик, — Ригелийский интеграл, использующий влияние планетарного распределения, указывающий на наличие двух экономических классов на планете или в секторе, плюс нестабильная эмоциональная модель.

— И что здесь важно?

— Уравнения представляют собой предел напряжения, так как здесь, — молодой человек показал рукой, и вновь уравнения поменялись местами, — обратные ряды.

— Ну, — сказал Первый Оратор, — и что ты обо всем этом думаешь? Совершенное произведение искусства, не правда ли?

— Безусловно!

— Отнюдь не так. Это первое, что ты должен выбросить из головы. План Сэлдона не является абсолютно верным и законченным, это просто лучшее, что могло быть создано в то время. Около двадцати поколений билось над этими уравнениями. Наши предшественники работали над ними, разбивали их на мельчайшие части и складывали снова. Более того, почти четыре столетия прошло с тех пор, и у них

была возможность сверять все предсказания и догадки с реальностью. Они учились. Они изучили больше, чем когда-либо знал Сэлдон, и эти четыреста лет дали им возможность не только продублировать его работу, но и улучшить ее.

Казалось, Ученик был несколько ошеломлен.

— Прежде чем ты станешь Оратором, — продолжал Первый Оратор, — тебе самому придется внести дополнения в План. Это не слишком большое кощунство. Все уравнения, написанные красным, это дополнения живших после Сэлдона. Вот... И вот...

Он взглянул вверх.

— Посмотри!

Казалось, стена полностью перевернулась в воздухе.

— Это — мое.

Тонкая красная линия окружала шесть квадратных футов вычислений.

— Это, кажется, пока еще не слишком важно, — сказал Первый Оратор. — Потому что случится не раньше, чем через столько времени, сколько уже прошло, то есть в период объединения, когда Вторая Империя может развалиться в результате борьбы с соперничающими сторонами. Но здесь рассчитаны вероятности и метод, с помощью которого можно избежать некоторых

ситуаций.

Тем не менее это лишь вероятности, и всегда можно найти третий путь. Его вероятность довольно низка — всего 12,64 процента, если быть точным, но факторы с еще меньшей степенью вероятности уже играли немаловажную роль, а План выполнен всего на сорок процентов. Третий, вероятный путь состоит в компромиссе между тремя и более сторонами, вовлеченными в конфликт. Это, как я показал, сначала застопорит развитие Империи, затем гражданская война принесет больше вреда, чем было бы в том случае, если бы компромисса вообще не

достигли. Но, к счастью, многое можно предотвратить. Это и есть мой вклад в План.

— Извините, что я перебил вас, Первый Оратор, но как вносятся изменения в План?

— Через Радианту. Придет время, и ты увидишь все сам. Твои выкладки будут проверены пятью различными блоками, и тебе придется защищать их. Если через два года второе, не менее тщательное, чем первое, исследование не выявит ошибок или, еще лучше, молодой ученый дополнит свою работу новыми доказательствами, его данные будут включены в План. Это станет кульминацией как моей, так и

твоей карьеры.

Главная Радианта настроится на твой мозг, а все исправления и дополнения делаются умственно. Исчезнут все пометки о том, что они принадлежат тебе. За время существования Плана ни один из нас себя не выделял — это, скорее, наше общее дитя. Ты понимаешь?

— Да, Оратор.

— Тогда на сегодня достаточно.

Оратор сделал шаг по направлению к Главной Радианте — и стены вновь стали стенами, а в комнате зажегся обычный свет.

— Теперь присядь на мой стул и давай поговорим. Для психоисторика достаточно знать биостатику и

нейрохимическую математику. Некоторые не знают больше ничего и остаются простыми техниками-статистами. Но Оратор должен уметь трактовать План без помощи математики.

Прежде всего в чем заключается цель Плана?

Впервые за всю жизнь Ученику предоставили возможность высказаться, если не считать тех нескольких фраз, которые он ранее мог вставить в речь Первого Оратора. Он заговорил с некоторой неуверенностью:

— Из всего, чему меня учили, я понял, что целью Плана является создание человеческой цивилизации

на основе ценностей ориентации, которая, согласно исследованиям психоистории, никогда не могла бы возникнуть самостоятельно.

— Стоп! — голос Первого Оратора был настойчив. — Ты не должен говорить «никогда». Это слово означает уже установленный факт, а психоистория предсказывает только вероятности. Степень вероятности определенного события может быть бесконечно малой, но она всегда больше нуля.

— Да, Оратор, я поправляюсь. Такая ориентация практически не могла бы возникнуть спонтанно.

— Уже лучше. И что это за ориентация?

— Цивилизация, основанная на ментальной науке. На протяжении всей истории человечества открытия делались в основном в физической области с целью приспособления человека к природе. Контроль над индивидуумами и обществом был предоставлен воле случая и неопределенным, в большинстве своем интуитивным этическим системам, основанным на вдохновении и эмоциях. В результате ни одна из существовавших человеческих культур не достигла большей стабильности, чем пятьдесят пять процентов, и все это вследствие духовной нищеты.

— А почему эта ориентация не

может быть спонтанной?

— Потому что большинство людей может применять свои умственные способности лишь в сфере развития физических наук, получая от них грубые, но ощутимые результаты, и лишь ничтожное меньшинство способно вести человечество через все сложности ментальной науки, выгоды от которой хотя и влияют на всю жизнь человека, но более тонки и незаметны. Кроме того, такая ориентация предполагает появление диктата «ментально лучших», то есть людей, стоящих над остальными слоями общества. Поэтому ей будут сопротивляться и она не сможет

стабилизироваться без применения силы, а последнее может отбросить человечество далеко назад, до звериного уровня. Такой путь развития неприемлем для нас, и мы должны всячески избегать его.

— В чем же заключается решение проблемы?

— Решением ее является План Сэлдона, разработанный таким образом, что через тысячу лет после начала его реализации — через шестьсот с сегодняшнего дня — возникает Вторая Галактическая Империя, люди которой будут готовы признать главенствующую роль ментальной науки. За этот же промежуток времени Второе

Основание в своем развитии выделит группу психологов, готовых взять на себя руководство Империей.

— Понятно. Ну, что ж, почти неплохо. Как ты думаешь, нам подойдет любая Империя, созданная в полном соответствии с Планом Сэлдона?

— Нет, Оратор, ни в коем случае. Существует вероятность образования нескольких Вторых Империй в период времени от девятисотого до тысяча семисотого года с начала реализации Плана, но среди них будет только *одна* нужная нам Империя.

— Итак, необходимо скрывать существование Второго Основания, и

прежде всего от Первого Основания, но по каким причинам?

Ученик на мгновение задумался, пытаясь найти подвох в этом вопросе, но, так и не найдя, ответил с некоторым волнением:

— По тем же причинам, по которым детали Плана должны скрываться от всего человечества: законы психоистории статичны по своей природе и перестают быть таковыми, если поведение индивидуумов обуславливается их знанием будущего. Если бы значительная группа людей узнала о ключевых моментах Плана, их действиями руководило бы это знание и, следовательно, они

перестали бы подчиняться законам психоистории. Извините, Оратор, но я чувствую, что мой ответ вас не удовлетворяет.

— Хорошо, что ты это чувствуешь. Твой ответ совершенно не полон. Скрытым должен оставаться не План, а Второе Основание. Вторая Империя еще не создана, и современное общество будет изо всех сил препятствовать появлению психологов и бороться с ними. Это понятно?

— Да, Оратор, понятно. Просто этому никогда не придавали специального значения.

— Не преуменьшай. Просто об этом вам никогда не говорили в

классе, но вы вполне могли сделать такой вывод самостоятельно. Это и многое другое мы с тобой обсудим в ближайшее время, в ходе твоего обучения. В следующий раз мы встретимся через неделю, и я хотел бы, чтобы к тому времени ты обдумал одну редкую проблему, которую я сейчас перед тобой поставлю.

Вот в этом месте Плана, примерно пятьдесят лет назад, есть одно расхождение. Необходимые подробности я представлю. Ты заметишь, что предполагаемое сильно расходится с реальным, и степень вероятности произведенных расчетов менее одного процента. Ты

должен объяснить мне, как долго такое отклонение будет продолжаться до того момента, когда его невозможно будет исправить. Рассчитай возможный ход событий в этом случае и также приемлемый метод исправления.

Ученик покрутил ручку вьюера, глядя на формулы, появляющиеся на небольшом экране.

— Почему именно эта проблема, Оратор? Она ведь имеет значение более чем академическое.

— Спасибо, мой мальчик. Ты очень сообразителен, как я и ожидал. Проблема действительно очень существенна. Примерно полвека назад в галактическую историю

ворвался Мул и на протяжении десяти лет был единственным решающим фактором во Вселенной. Его появление не было предусмотрено. Мул сильно навредил Плану, но не фатально. Чтобы остановить его, пока План окончательно не развалился, нам пришлось активно действовать. Мы раскрыли свое существование и — более того — наши силы и возможности. Первое Основание знает теперь о нас и в своих действиях руководствуется этим знанием. А твоя проблема вот здесь, перед тобой. Разумеется, ты не должен никому об этом говорить.

Наступила пауза, и к

недоумевающему Ученику начало
приходить понимание
происходящего.

— Хотите сказать, что План
Сэлдона все же погиб? —
проговорил он наконец.

— Еще нет. Просто он *может*
погибнуть. Вероятность успеха все
еще высока — двадцать один и
четыре десятых процента, согласно
нашим последним расчетам.

3. Конспираторы

Доктор Дарелл и Пеллис Антор вечера проводили за дружеской беседой, а дни — в приятном бездействии. Это могли быть самые обычные встречи. Доктор представлял молодого человека как дальнего родственника с одной из планет, и интерес к нему быстро остыл.

А в это время Аркадия занималась собственными делами, продвигавшимися довольно успешно. По правде говоря, действия ее вряд ли можно было назвать честными. Например, она уговорила Олинтуса Дама, своего школьного приятеля,

одолжить ей портативный звукоуловитель, причем использовала для этой цели методы, свидетельствующие о том, что в будущем она обещает стать грозой мужчин.

Когда наступил седьмой вечер и в гостиной Дарелла собралось пять человек, поужинавших и уже закуривших, на столе Аркадии, появился тот самый, но измененный до неузнаваемости гениальный прибор Олинтуса.

Итак, пять человек. Среди них, конечно, доктор Дарелл, сидящий, со вкусом одетый и выглядевший несколько старше своих пятидесяти двух лет, Пеллис Антор, серьезный, с

быстрым взглядом, молодой и неуверенный, а также три новых человека: Джоль Турбор, телеинженер, тучный и с тонкими губами, доктор Эльветт Семмик, профессор, консультант по вопросам физики в университете, и ужасно стеснительный Хомир Мунн, долговязый, в обвисшем костюме.

Доктор Дарелл говорил обычным спокойным тоном:

— Думаю, вы уже догадались, что мы собрались здесь не просто провести вечер за приятной беседой, а по вполне определенному делу. Поскольку здесь присутствуют люди весьма значимые, можно сделать предположение, что причиной тому

явилась некая опасность. Я не хочу ничего преуменьшать и должен подчеркнуть, что все мы, по меньшей мере, обреченные. Прошу заметить — встреча проходит без всяких претензий на секретность: ни один из вас не пришел сюда незаметно, окна не завешены шторами, комната не защищена никаким силовым полем. Стоит лишь нам привлечь внимание — а проще всего это сделать излишней секретностью, — и нас тут же уничтожат.

«Ха!» — подумала Аркадия, низко наклонясь над небольшой коробкой и напряженно прислушиваясь к доносящимся из нее голосам.

— Вы понимаете?

Эльветт Семмик вытянул нижнюю губу, и лицо его сморщилось.

— О, хватит предисловий. Расскажите лучше о молодом человеке.

Доктор Дарелл продолжал:

— Его зовут Пеллис Антор. Он ученик моего старого коллеги Кляйзе, который умер в прошлом году. Перед смертью Кляйзе послал мне модель своего мозга до пятого субуровня, и эта запись была сверена с мозгом человека, которого вы видите перед собой. Вы, вероятно, знаете, что даже ученые-психологи не могут продублировать модель

мозга до такого уровня. А если не знаете, то придется поверить мне на слово.

Почти не разжимая губ, Турбор произнес:

— Может быть, мы все-таки начнем? Мы поверим вам на слово, тем более что после смерти Кляйзе вы являетесь величайшим в Галактике электронейрологом. Во всяком случае, так я говорил о вас в своем телесообщении и даже сам в это верю. Сколько вам лет, Антор?

— Двадцать Девять, мистер Турбор.

— Гм-м-м. И вы тоже электронейролог? Тоже великий?

— Я просто студент. Но я много

работаю, и, кроме того, мне повезло изучать эту науку под руководством самого Кляйзе.

В разговор вмешался Мунн, который в сильном волнении начинал заикаться.

— Я... я хотел бы, чтобы вы н... начали. Думаю, что мы г-го-ворим слишком много.

Доктор Дарелл посмотрел на Мунна и поднял бровь.

— Вы правы, Хомир. Говорите, Пеллис.

— Подождите, — медленно ответил молодой человек. — Понимаю нетерпение мистера Мунна, но прежде чем начать, я должен получить данные волновой

деятельности вашего мозга.

Дарелл нахмурил брови.

— В чем дело, Антор? О каких данных вы говорите?

— О моделях мозга каждого из вас. У вас есть моя, мистер Дарелл, и я хочу иметь вашу и всех остальных. Я сам проведу измерения.

— Молодой человек по-своему прав, мистер Дарелл, — вмешался Турбор. — У него нет причин доверять нам.

— Благодарю вас, — ответил Антор. — Тогда мы продолжим, если вы проведете нас в свою лабораторию, доктор Дарелл. Сегодня утром я взял на себя смелость проверить ваш аппарат.

Доктор Дарелл сидел в кресле, чувствуя едва слышные прикосновения легких электродов к черепу. Иглы самописца двигались взад и вперед. Регистрационный аппарат находился за спиной обследуемого, так как было установлено, что вид двигающихся линий вызывал у человека желание регулировать их, и это подсознательное желание приводило к довольно значительному эффекту. Но Дарелл знал, что центральный диск выдает сильную ритмическую и слегка варьирующуюся сигма-кривую, чего и следовало ожидать от его мощного дисциплинированного мозга. Эта линия будет очищена и

усилена на вспомогательном диске, регистрирующем импульсы мозжечка.

Доктор знал волновую функцию своего мозга, как художник знает цвет своих глаз.

Пеллис Антор не сказал ни слова, когда Дарелл поднялся с кресла и вынул из регистрационного аппарата семь лент, быстро просмотрев их натренированным взглядом человека, который знает, что ищет.

— Если не возражаете, теперь вы, доктор Семмик.

Пожелтевшее от возраста лицо Семмика стало мрачным. Он был стар и знал, что запись волновой

функции его мозга покажет это. Семмика вообще смущало нежелательное вторжение в его мозг.

Затем пришла очередь Турбора, спокойно и неподвижно просидевшего в кресле все время, пока шла запись.

Сменивший его Мунн вздрогнул при первом прикосновении электродов и все оставшиеся пятнадцать минут просидел, закатив глаза, словно хотел повернуть их назад и посмотреть сквозь затылок, что с ним делают.

— А теперь... — извиняющимся тоном сказал Антор, когда все было окончено. — В этом доме находится еще одна персона.

Нахмурившись, Дарелл спросил:
— Моя дочь?

— Если вы помните, я предлагал, чтобы сегодня вечером она осталась дома.

— Для энцефалографического анализа? Великая Галактика, с какой стати?

— Я не могу ничего сказать, пока не сделаю этого.

Дарелл пожал плечами и пошел наверх. Аркадия, зная обо всем до его прихода, выключила звукоприемник и покорно последовала за ним вниз. Впервые с того времени, когда ей в детстве делали энцефалограмму, она сидела с электродами на голове.

— Можно посмотреть? — спросила девочка, когда все было окончено, и протянула руку.

— Ты все равно ничего не поймешь, Аркадия, — сказал доктор Дарелл. — И Вообще, не пора ли тебе спать?

— Да, конечно, отец, — послушно ответила она. — Спокойной ночи всем.

Аркадия взбежала наверх и бросилась в постель, почти не раздеваясь. Благодаря звукоприемнику Олинтуса, стоящему у подушки, она чувствовала себя героиней детективного фильма и всюду наслаждалась этим.

Первые слова, которые

услышала Аркадия, принадлежали Антору.

— Ваши анализы удовлетворительны, джентльмены. И девочки тоже.

«Девочки» — с отвращением подумала она и в темноте скорчила Антору гримасу.

Антор открыл свой чемодан и достал из него несколько дюжин пленок с записями моделей мозга. Это были не оригиналы, и чемодан был заперт не на обычный замок.

Если бы ключ держала чужая рука, то содержимое чемодана быстро и бесшумно превратилось бы в груды пепла. Вынутые из чемодана

пленки в любом случае становились пеплом через полчаса. Но пока этого еще не произошло, Антор заговорил:

— Здесь у меня записи моделей мозга некоторых незначительных чиновников с Анакреона. Вот эта — психолога из университета на Локрисе, эта — промышленника с Сивенны. Остальное вы сами увидите.

Все пододвинулись ближе, но для них, за исключением доктора Дарелла, это были лишь тонкие линии на желтой бумаге. Доктору они кричали тысячами различных голосов.

— Я хочу обратить ваше внимание на это плато в зоне

вторичных волн во фронтальной доле, — Антор показал рукой, — которое присуще всем этим записям. Не воспользуетесь ли вы Аналитическим Правилom, чтобы проверить мои данные?

Дарелл провел анализ. Быстрым и уверенным движением руки он вычертил результат, и в том месте, где следовало ожидать сильных всплесков, было ровное плато, как и говорил Антор.

— Как вы это объясните, доктор? — спросил Антор.

— Не знаю. Может быть, какая-нибудь страшная нейрохирургическая операция на мозге?

— О да, что-то было удалено! —

нетерпеливо вскричал Антор. — Да! Но не физическим методом. Вы ведь знаете, Мул умел делать именно это. Он полностью подавлял возможные эмоции и тенденции мышления, не оставляя ничего, кроме ровных прямых.

— Это могло сделать Второе Основание, так вы хотите сказать?! — медленно и с улыбкой проговорил Турбор.

Отвечать на этот чисто риторический вопрос не было никакой необходимости.

— Что-то натолкнуло вас на эту мысль, мистер Антор? — спросил Мунн.

— Заподозрил не я — Кляйзе.

Он собирал волновые модели мозга, как это делает межпланетная полиция, но по другим соображениям. Его интересовали люди интеллигентные, члены правительства, бизнесмены. Видите ли, Второе Основание, вполне очевидно, управляет ходом развития всей Галактики, и они должны делать это по возможности очень тонко, незаметно. Поскольку они имеют дело с мозгом, то их внимание должны приковывать умы влиятельных людей — интеллигентов, промышленников, политических деятелей. Именно такими людьми и хотел заниматься доктор Кляйзе.

— Да, — запротестовал Мунн, — но у вас есть какие-нибудь доказательства? Как эти люди себя ведут? Я имею в виду это ваше плато. Может быть, это самое обычное явление?

Он беспомощно посмотрел на остальных своими голубыми глазами, но не получил никакой поддержки.

— Это я предоставляю доктору Дареллу, — сказал Антор. — Спросите его, много ли раз он сталкивался с этим явлением во время своих обширных исследований или читал о таких случаях в литературе за последние пятьдесят лет.

— Я думаю, что двух мнений

быть не может, — задумчиво проговорил Дарелл. — Это искусственные явления. Произошло вмешательство в мозг. В определенной мере я это подозревал.

— Я знаю, что вы хотите сказать, доктор Дарелл. — Я также знаю, что вы когда-то работали с доктором Кляйзе. Мне бы хотелось знать, почему вы с ним расстались.

В этом вопросе не чувствовалось враждебности. Возможно, он был задан несколько осторожным тоном. Во всяком случае, последовавшая за ним пауза показалась всем слишком длинной.

— Потому, что борьба Кляйзе была бессмысленной. Он

соревновался с противником, который был ему явно не по зубам, и вплотную подошел к выводу, как, впрочем, и я, что сами себе не хозяева. *А я не желал этого знать!* Я решил, что лучше просто взять и уйти, пока еще не до конца разуверился в этом. Я не нуждался в деньгах, так как семье моей матери была присуждена правительственная пенсия. Домашняя лаборатория не давала мне скучать, а жизнь все равно должна была когда-нибудь кончиться... Потом Кляйзе умер.

— Этот Кляйзе... — перебил Дарелла Семмик. — Я его никогда не видел. Как он умер?

— Он умер, — вмешался

Антор. — Он думал о том, что умрет, и за полгода до этого сказал мне, что он уже совсем близко...

— А теперь мы слишком близко, — перебил Мунн, сглотнув пересохшим ртом слюну.

— Да, — холодно ответил Антор, — в любом случае все мы были более чем близко, и именно поэтому сюда были приглашены вы. Я — студент Кляйзе. Доктор Дарелл был его коллегой. Джоль Турбор слишком часто объявлял по видео о нашей слепой вере во Второе Основание, пока его не остановило правительство через одного могущественного магната, прошу заметить, в мозгу которого Кляйзе

обнаружил то, что позже он назвал «Плато вмешательства». У Хомира Мунна самая большая коллекция Мулианы, если позволите так назвать все, касающееся Мула. Кроме того, он опубликовал несколько статей о возможностях Второго Основания. Доктор Семмик внес огромный вклад в математику энцелографического анализа.

Глаза Семмика широко раскрылись, и он с уверенностью заявил:

— Ошибаетесь, молодой человек. Я анализировал внутриядерные превращения — проблему п-тел — и очень даже увлекался энцефалографией.

— Тем паче. Итак, все мы прекрасно представляем себе предмет нашего обсуждения. Расширяя познания, мы станем двигаться в более и более безопасном направлении. Мы только начинаем действовать, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Насколько широко, — спросил Турбор, — распространяется влияние Второго Основания?

— Не знаю. По крайней мере, это самый честный ответ. Все изменения, которые мы до сих пор обнаруживали, затрагивают пока только периферию. До столичных миров они, похоже, еще не

добрались, хотя и это под сомнением, иначе я не стал бы вас проверять. Наибольшее подозрение вызывали вы, доктор Дарелл, так как вы бросили работу с Кляйзе. Знаете, ведь Кляйзе так и не простил вас.

Прежде чем ответить, Дарелл глубоко вздохнул.

— Я пытался сохранить нашу дружбу, но Кляйзе не звонил и не писал мне с тех пор и вплоть до того самого дня, когда прислал мне модель вашего мозга, а это случилось едва ли не за неделю перед его смертью.

— Если вы не возражаете, — прервал его Хомир Мунн, — то я замечу, что никак не могу взять в

толк, чего же вы хотите. Мы жалкая кучка конспираторов и все время болтаем, болтаем, болтаем... Не понимаю, что еще мы можем сделать. Всё это выглядит очень по-детски. М-мозговые волны и прочая белиберда. Скажите, что вы собираетесь *делать*?

Глаза Пеллиса Антора засверкали, и он ответил:

— Да, дело у нас есть. Но прежде нам нужно собрать как можно больше информации о Втором Основании. Это наша изначальная задача. Первые пять лет своего правления Мул провел в поисках именно этой информации, но безуспешно — по крайней мере

нам так говорили. Но потом он перестал интересоваться им вообще. Почему? Потому, что у него ничего не получилось? Или потому, что Мул все узнал?

— Опять болтовня, — с горечью сказал Мунн. — Как мы сможем все это узнать?

— Да нет, вы послушайте. Столица Мула была на Калгане, а он как не входил в коммерческую сферу влияния Основания до Мула, так и не входит туда сейчас. В настоящее время Калганом правит один человек, если в ближайшее время не произойдет еще один дворцовый переворот. Сеттин называет себя Первым Гражданином и преемником

Мула. Если там и существуют какие-либо традиции, то все они являются результатом десятилетнего правления Мула и с тех пор превратились почти в суеверие. В результате старый дворец Мула почитается как храм, как святыня. Ни один человек не может войти туда без специального разрешения.

— Ну?

— А почему? В наше время ничто не происходит без веских причин. Что, если эти причины, по которым дворец нельзя посещать, заключаются не только в суеверии? Что, если это организовано Вторым Основанием?

— Глупости.

— Почему? — настойчиво продолжал Антор. — На протяжении всей истории Второе Основание минимально вмешивалось в дела Галактики и старалось остаться в тени. Я понимаю, что нам кажется более логичным уничтожить если не сам дворец, то по крайней мере хранимую в нем информацию. Но следует принять во внимание тактику этих действительно великих психологов. Они никогда не будут ни разрушать, ни удалять, если того же результата можно добиться, лишь поменяв что-то в человеческом мозгу.

Ответа не последовало, и Антор продолжал:

— И вы, Мунн, как раз тот человек, который может добыть нам эту информацию.

— Я?.. Я?!

То был вопль удивления. Мунн переводил взгляд с одного присутствующего на другого.

— Ничего подобного я не могу сделать! Я не человек действия и не герой телефильмов. Я — библиотекарь.

— Но послушайте, — нетерпеливо сказал Антор, — мы с доктором Дареллом пришли к выводу, что вы — наиболее подходящий для этой цели человек. Только так все будет выглядеть естественно. Вы говорите, что вы

библиотекарь? Прекрасно! У вас уже собрана богатейшая коллекция о Муле. Вполне естественно, что вы хотите собрать еще больше. Для вас это куда более естественно, чем для кого-то другого. Вы можете попросить разрешения посетить дворец Мула, не вызывая ничьего подозрения. Вам могут отказать, но уж никак не заподозрить. Более того, у вас есть маленький космический корабль. Всем известно, что во время отпуска вы летаете на другие планеты. Так неужели вы не понимаете, что просто нужно вести себя, как всегда, и мы добьемся своих целей?

— Но ведь я не могу просто

прийти и сказать: «Не б-будете ли вы так любезны пропустить меня в святая святых, П-Первый Гражданин?»»

— А почему бы и нет?

— Да потому, что, клянусь Галактикой, он никуда меня не пустит.

— Ну и прекрасно. Не пустит, так не пустит. Тогда вы вернетесь домой, и мы постараемся придумать еще что-нибудь.

Мунн обвел присутствующих безнадежным взглядом. Он чувствовал, что его уговорили сделать то, что он явно не хотел и, более того, одна только мысль о чем ему претила.

Итак, в доме доктора Дарелла было принято два решения. Первое, с неохотного согласия доктора Мунна, заключалось в том, что он отправится в космос, как только придет время его отпуска. Второе, неофициальное, было принято закулисной участницей этого собрания, когда она выключила приемник и сладко зевнула.

Но второе решение нас пока не касается.

4. Приближающийся кризис

Прошла неделя, и Первый Оратор вновь смотрел с улыбкой на Ученика.

— Должно быть, ты получил интересный результат, иначе так не сердился бы.

Ученик положил руку на принесенную им пачку бумаг с расчетами и сказал:

— Вы уверены, что проблема носит именно такой характер?

— Исходные данные верны. Я ничего в них не менял.

— Тогда я *вынужден* признать

расчеты правильными, а мне этого не хотелось бы.

— Разумеется. Но при чем здесь твои желания? Ну хорошо, говори, что тебя так волнует.

— Ну что ж, Оратор, в таком случае... Становится очевидным, что в основах психологии Первого Основания произошли фундаментальные изменения. Пока они знали о существовании Плана Сэлдона, исключая его детали, они, не колеблясь, верили, что добьются успеха, лишь не предполагали, когда и как. Таким образом, создалась атмосфера продолжительного ожидания и напряжения, как того и хотел Сэлдон. Другими словами,

дела Первого Основания шли как по маслу.

— Сомнительная метафора, — прокомментировал Первый Оратор. — Но я понимаю, что ты хочешь сказать.

— А сейчас они узнали о Втором Основании некоторые нюансы вопреки желаниям Сэлдона, упоминавшего о нем лишь вскользь. Они представляют себе его функцию как сохранение и проведение в жизнь Плана. Они понимают соответственно, что существует некое агентство, которое следит за каждым их шагом и не позволяет нигде спотыкаться. Поэтому они перестали идти к цели

самостоятельно и ждут, когда им все подадут на блюдечке с золотой каемочкой.

— Продолжай.

— И то, что они перестали напрягаться, означает крах Плана. Они должны, *должны* получить толчок!

— Это все?

— Нет. Еще. Реакция большинства именно такова, какой я ее вам описал. Но существует и значительная вероятность реакции меньшинства. Знание того, что мы наблюдаем и руководим ими, вызывает у них враждебность по отношению к нам. Это следует из теоремы Корнилова.

— Да, да, я знаю математику.

— Простите, Оратор. Очень трудно избежать в разговоре математики. Основание не только стало вести себя пассивно, но и часть его обратилась против нас, причем активно.

— И это все?

— Остается еще один фактор, степень вероятности которого относительно мала.

— Очень хорошо. Какой?

— Пока энергия Первого Основания была направлена только против Империи, они занимались только физическими науками. Теперь, когда их мысли все больше поглощены нами, они вполне могут

изменить свои взгляды и попытаться стать психологами.

— Это изменение уже произошло, — холодно заметил первый Оратор.

Губы Ученика побелели.

— Значит, все кончено. Это основное расхождение с Планом. Оратор, скажите, я узнал бы об этом, если бы меня не приняли в ученичество?

Первый Оратор стал еще серьезнее.

— Думаю, ты чувствуешь себя оскорбленным, мой дорогой юноша, потому что так много понимаешь. Ты внезапно обнаружил, что тебе почти ничего не известно. Считая себя

повелителем Галактики, ты вдруг узнал, что стоишь на грани краха. Вполне понятно, если ты разлюбишь ту башню из слоновой кости, в которой жил, то образование, которое получил, теории, на которые опирался. Однажды и у меня появилось такое чувство, и оно естественно. Тем не менее необходимо, чтобы все предыдущие годы ты не имел никакого контакта с Галактикой, чтобы оставался *здесь*, где отфильтровывались только нужные тебе знания, а ум обострялся. Мы могли бы показать, тебе эту брешь в Плане и раньше, уберечь тебя от шока, который ты испытал сейчас, но тогда ты не понял

бы всей важности этого момента так, как понимаешь сейчас. Значит, ты не нашел никакого решения этой проблемы?

Студент безнадежно покачал головой и ответил:

— Нет!

— Ну что ж, это неудивительно. В действительности линия давно выработана, и мы следуем ей уже более десяти лет. Это не совсем обычная линия, но мы вынуждены придерживаться ее, так как события принудили нас к этому, хотя и против нашей воли. Нельзя закрывать глаза на низкую степень вероятности, опасные предположения. Иногда нам даже приходится рассчитывать

индивидуальные реакции, потому что это единственный оставшийся нам путь. А ты знаешь, что законы психостатистики в силу своей природы не действуют, если применяются к количеству людей меньшему, чем население одной планеты.

— И у вас получается? — изумленно выдохнул Ученик.

— Пока трудно сказать. До сих пор нам удавалось сохранять стабильное положение, но впервые со времени создания Плана возникла вероятность того, что непредсказуемое действие одного индивида способно уничтожить его. Мы изменили направление

мышления минимально возможного количества людей Первого Основания. У нас есть там свои агенты, но их действия запланированы, и они не смеют импровизировать. Надеюсь, это тебе понятно. И я не могу скрыть самого худшего: если нас раскроет Первое Основание, то не только План, но и мы сами будем уничтожены физически. Это доказывает, что наше решение не так уж и правильно.

— Но то немногое, что вы мне сообщили, звучит вообще не как решение, а как отчаянная загадка.

— Лучше сказать, как мудрая догадка.

— Когда наступит кризис,

Оратор? Когда мы узнаем, удалось нам что-нибудь или нет?

— Примерно в течение этого года, вне всяких сомнений.

Ученик подумал и кивнул головой.

— Хорошо, что я теперь знаю.

Пожав Оратору руку, юноша повернулся и вышел из комнаты.

Первый Оратор молча смотрел, как окно постепенно становилось прозрачным.

Год пройдет быстро. Выживет ли наследство Сэлдона? И выживет ли кто-нибудь из них?

5. Заяц

До начала лета оставался месяц. Хомир Мунн написал свой последний финансовый отчет и позвонил, чтобы приготовили к полету его маленький космический скутер «Унимара», названный так в память об одном нежном и загадочном эпизоде двадцатилетней давности.

Мунн вылетел с Терминуса в плохом настроении. Никто не пришел на космодром проводить его. Он хорошо понимал, что этот рейс ничем не должен отличаться от всех предыдущих, но тем не менее чувствовал смутное разочарование.

Все бросили его!

Так он, во всяком случае, думал, и поскольку думал неправильно, то весь последующий день как на «Унимаре», так и в доме доктора Дарелла царило полное недоумение.

Началось все с открытия, сделанного служанкой Поли. Она сбежала вниз по ступенькам, вся покрасневшая и смущенная. Встретив доктора, она сунула в руки Дареллу листок бумаги и какой-то кубической формы предмет. Доктор неохотно принял их и спросил:

— Что случилось, Поли?

— Она *ушла*, доктор.

— Кто ушел, Поли?

— Аркадия!

— Что ты хочешь этим сказать?
Куда ушла?

Поли изо всех сил топнула ногой.

— Я не знаю! Она ушла, и вместе с ней исчез чемодан, платья тоже. А вот письмо, и почему бы вам не прочесть его, а не стоять как истукану! Ох, мужчины!

Доктор пожал плечами и вскрыл конверт. Письмо было коротким.

«Дорогой отец!

Мое сердечко просто не выдержало бы, если бы я попрощалась с тобой лично. Я могла бы расплакаться, как маленькая девочка, и тебе стало бы стыдно за меня. Поэтому пишу, чтобы сказать,

как мне будет не хватать тебя во время этих изумительных летних каникул с дядей Хомиром. Я сумею о себе позаботиться, вскоре жди меня дома. А пока оставляю тебе то, что принадлежит лично мне. Теперь можешь считать что он мне больше не нужен, и оставить себе.

Твоя любящая дочь Аркади».

Он перечитал письмо несколько раз, и с каждым разом выражение его лица становилось все более непроницаемым.

— Ты прочла письмо, Поли?

Поли тут же принялась энергично и агрессивно защищаться:

— Да, и меня невозможно за это упрекать, доктор! На конверте было

написано «Поли», и откуда мне знать, что там письмо для вас?

Дарелл сделал успокаивающий жест рукой.

— Хорошо, хорошо, Поли, это неважно. Я просто хотел убедиться, что вы поняли суть происходящего.

Мысли замелькали в его голове. Бесполезно было просить служанку забыть о том, что произошло. Подобная просьба выставила бы перед ней это происшествие в таком свете, что возымела бы совершенно противоположный эффект.

Поэтому доктор сказал:

— Вы ведь знаете, Аркадия странная малышка, очень романтическая натура. Что и говорить,

с тех пор как мы договорились, что она поедет куда-нибудь на летние каникулы, она не успокаивалась ни на минуту.

— А почему это мне Аркадия ни словом не обмолвилась о каком-то космическом путешествии?

— Оно было организовано, пока ты находилась в отпуске, а потом как-то вылетело из головы.

Теперь эмоции Поли сконцентрировались на ином предмете.

— Как все просто, правда? Бедная девочка улетела всего с одним чемоданом, без приличной смены белья, да к тому же одна. Это надолго?

— Поли, я не хочу, чтобы ты об этом беспокоилась. На звездолете у нее масса всякой одежды, все было приготовлено заранее. Не передашь ли мистеру Антору, что я хочу его видеть? Ах, да, а что это за предмет, который Аркади передала мне?

Он повертел куб в руках. Поли гордо подняла голову.

— А вот этого я уж точно не знаю. На этой штуке лежало письмо, вот и все. Если бы ее мать была жива!..

Дарелл замахал руками.

— Пожалуйста, позовите ко мне мистера Антора.

Взгляд Антора на развернувшиеся события радикально

отличался от взгляда отца Аркади. Первым делом он сжал кулаки и заскрипел зубами, потом заговорил с горечью:

— Великий Космос! Чего же мы ждем? Вызовите космопорт и попросите связать нас с «Унимарой»!

— Спокойно, Пеллис, она моя дочь.

— Но это не ваша Галактика!

— Ну-ну, подождите. Она умная девочка и все тщательно обдумала. Нам лучше сейчас проследить ход ее мыслей, пока все еще свежо в памяти. Вы знаете, что это за предмет?

— Какое это имеет значение?

— Это звукоприемник.

— Вот этот вот?

— Он изготовлен кустарным способом, но работает. Я его испытал. Неужели вы не понимаете, что Аркадия нашла такой способ известить нас о том, что слышала нашу беседу? Она знает, куда и зачем летит Хомир, и решила, что было бы очень здорово поучаствовать во всех этих делах.

— О, великий Космос! — снова простонал молодой человек. — Еще один мозг, в который может вмещаться Второе Основание.

— Если не учитывать того, что Второе Основание не заподозрит четырнадцатилетнюю девочку, если мы не привлечем к ее особе

внимания, отозвав, например, из космоса звездолет только для того, чтобы снять ее оттуда.

— Но мы не можем допустить, чтобы все зависело от одного безумного ребенка.

— Она не безумная, и у нас нет выбора. По идее, ей не следовало писать письмо, но она сделала это, чтобы мы не обратились в полицию с просьбой отыскать потерявшегося ребенка. Письмо предполагает, что мы должны превратить ее путешествие в дружеское предложение Мунна взять с собой на каникулы девочку старого друга. Почему бы и нет?

— Хорошо. А что сделает Мунн,

когда обнаружит ее?

Доктор Дарелл слегка приподнял брови и тут же опустил.

— Не могу сказать, но думаю, что она с ним справится.

Дом казался почему-то очень пустынным, особенно по ночам, и доктор Дарелл неожиданно понял, что судьба Галактики становится ему совсем безразличной, когда его сумасшедшая дочь подвергает свою жизнь такой опасности.

На «Унимаре» возбуждение охватило гораздо меньше народа, но было более впечатляющим.

Сидя в трюме, Аркадия обнаружила, что у нее есть опыт в одном и совсем нет в другом.

Начальное ускорение она встретила хладнокровно, а более неприятное чувство тошноты, сопровождавшее прыжок через гиперпространство, перенесла довольно стойко. Все это девочка уже испытала раньше, и тут ей помог опыт.

Но в результате именно отсутствие опыта и подвело Аркадию. В видеофильмах и книгах зайцы, казалось, обладали неограниченными возможностями скрываться сколько угодно. Конечно, была опасность, что где-то что-то упадет и выдаст неосторожного зайца или же он сам чихнет — по-видимому, они всегда чихали, — и это Аркадия учла. Она уже многое

знала и была осторожна. Например, предвидела, что могут возникнуть голод или жажда, и подготовилась к этому, стянув консервы из домашних запасов. Но обнаружились вещи, которые почему-то никогда не упоминались в фильмах, и шокированная Аркадия не могла оставаться в укрытии долго, несмотря на самые отчаянные попытки. А на спортивном одноместном скутере, как «Унимара», все жилое пространство заключалось в одной-единственной комнате, так что нельзя было даже рискнуть и выбежать из камеры, когда Мунн был занят где-нибудь в другом месте.

Все с большим и большим нетерпением Аркадия ждала каких-нибудь звуков, свидетельствующих о том, что Хомир заснул. Если бы она только знала, храпит он или нет! Во всяком случае, постель уже закрипела. Послышался глубокий вздох и зевок. Девочка ждала в наступившей тишине, стоя в очень неудобной позе со скрещенными ногами.

Дверь камеры легко подалась, и ее вытянутая шея... Послышался звук, определенно изданный человеком, резко прервавшим свое занятие. Аркадия застыла. Тихо. Все еще тихо... Она попыталась скосить глаза, чтобы посмотреть в щель,

стараясь не двигаться, но у нее ничего не получилось — голова повернулась вслед за глазами.

Хомир Мунн, конечно, не спал. Он читал в постели при свете настольной лампы, но сейчас нашаривал что-то под подушкой, уставившись широко раскрытыми глазами в темноту.

Аркадия невольно откинула голову назад. Затем свет погас, и она услышала дрожащий голос Мунна:

— У меня бластер, и, клянусь Галактикой, я стреляю!

Аркадия взвыла:

— Это же я! Не стреляй!

Просто удивительно, какой гнусной может оказаться романтика!

Вновь загорелся свет — теперь уже на всем звездолете, и Мунн уселся на постели. Чудно вьющиеся волосы на его груди и однодневная щетина придавали ему странный и нереспектабельный вид.

Аркадия вышла, запахивая свою метиленовую кофточку, которая считалась немнущейся. В первую секунду Мунн чуть было не вскочил с кровати, но, вовремя вспомнив, что не может этого сделать, натянул повыше простыню и с трудом выдавил из себя:

— Ч-чт... Что?

Ничего более связного он произнести не смог. Аркадия проговорила слабеньким голоском:

— Извини меня, пожалуйста, я только на минуточку. Мне надо вымыть руки.

Она прекрасно знала географию космического скутера и быстро улизнула. Когда Аркадия вернулась, чувствуя себя значительно увереннее, Хомир Мунн стоял перед ней в полинялом халате, бледном снаружи и ярком изнутри.

— Клянусь всеми черными дырами космоса!.. Что ты тут делаешь? Как ты сюда попала? Что вообще происходит?

Он мог бы задавать вопросы бесконечно, но Аркадия перебила его ласковым голосом.

— Я просто хотела участвовать в

этом деле вместе с тобой, дядя Хомир.

— С какой стати? То есть я хочу сказать, что не лечу ни по какому делу.

— Ты летишь на Калган, чтобы получить информацию о Втором Основании.

Мунн издал дикий вопль и рухнул на пол. У Аркадии мелькнула ужасная мысль, что с ним сейчас начнется истерика и он будет биться головой о стену. Мунн все еще держал бластер, и, когда Аркадия заглянула в дуло, у нее все похолодело внутри.

— Эй, эй, не волнуйся... Успокойся... — Это было все, что

пришло ей в голову.

Но Хомир довольно быстро пришел в себя и отшвырнул бластер на постель с такой силой, что мог случайно нажать на спусковой механизм и прожечь дыру в обшивке звездолета.

— Как ты сюда попала? — медленно спросил Мунн, словно пытаясь удержать каждое слово зубами, чтобы не было слышно дрожи в его голосе.

— Проще простого. Я пришла прямо в ангар и сказала: «Багаж мистера Мунна», — и служитель указал дорогу, даже не взглянув на меня.

— Знаешь ли ты, что мне

придется вернуть тебя домой? — сказал Мунн, и глаза его зажглись ярким светом при этой мысли. Великий Космос! Это была не его вина.

— Не придется, — спокойно ответила Аркадия. — Это привлечет внимание.

— Что?

— Ты знаешь. Единственной целью твоего полета на Калган было просто попросить разрешения посмотреть дворец Мула. Если ты вернешься назад, да еще с девушкой, попавшей на звездолет зайцем, то об этом могут даже сообщить в теленовостях. А ты должен не привлекать к себе внимания.

— С чего ты взяла... что я лечу на Калган? Какие... гм...

Его слова звучали слишком наивно, чтобы убедить кого-либо, тем более Аркадию, которая все знала.

— Я слышала!

Она очень гордилась собой,

— Через звукоприемник. Я знаю все, так что тебе *придется* взять меня с собой.

— А как же отец? — он выложил своего козырного туза. — Ведь он может подумать, что тебя похитили.

— Я оставила письмо, — тут же перебила его Аркадия, — и он, я думаю, сообразит, что нельзя

поднимать никакого шума. Наверное, ты скоро получишь от него космограмму.

Происшедшее далее Мунн мог объяснить только колдовством, ибо сигнал телетайпа зазвучал ровно через две секунды.

— Могу спорить, что это отец, — сказала она и оказалась права.

Космограмма была короткой и адресовалась Аркадии. В ней говорилось:

«Благодарю за чудесный подарок, которому ты нашла такое хорошее применение. Приятного отдыха!»

— Вот видишь, —

прокомментировала Аркадия, — это инструкция.

Хомир постепенно привыкал к девочке и спустя некоторое время был даже рад, что она полетела с ним. Еще через некоторое время он подумал с удивлением, что без Аркадии он вообще не справился бы. Девочка знала, что ее враг — Второе Основание, но тем не менее это ее нисколько не тревожило. Понимая, что на Калгане им придется иметь дело с враждебно настроенными официальными лицами, Аркадия с нетерпением ждала, когда же они там окажутся. Видно, давали о себе знать четырнадцать лет.

Как бы там ни было, но долгое недельное путешествие обернулось живыми разговорами, а не угрюмым уединением и самосозерцанием.

Наконец наступил вечер перед последним прыжком.

Скрестив ноги, Аркадия сидела в хорошем кресле. На ней были джинсы и рубашка худощавого Хомира.

— Знаешь, дядя, я собираюсь писать исторические романы, — сказала Аркади, которая была вполне довольна путешествием. Дядя Хомир совсем не возражал против разговора, да и приятно было поговорить с интеллигентным человеком, который серьезно

относится ко всему, о чем бы ни зашла речь.

— Я прочла кучу всяких книг, — продолжала Аркадия, — по истории великих людей Основания. Я прочла почти все, что ты написал о Муле, но мне скучно было читать те части, где Основание проигрывает. Разве тебе самому не интереснее было бы читать эту историю без всяких там трагических случаев?

— Ну, конечно, — бодро заверил ее Мунн. — Только, видишь ли, это была бы не совсем честная история, как ты считаешь? Никогда невозможно добиться уважения, если что-то скрываешь, Аркади.

— Ерунда! Кому нужно это

уважение?

Она была в восторге от дяди: все эти дни он называл ее только Аркади.

— Мои романы будут интересными, будут хорошо распродаваться, и я стану знаменитой. Что толку писать книги, если их невозможно продать и стать знаменитым. Я вовсе не хочу, чтобы меня знали только какие-нибудь старики-профессора. Пусть все знают! — глаза девочки заблестели от удовольствия при этой мысли, и она устроилась поудобнее. — Честно говоря, как только отец мне позволит, я слетаю на Трантор, чтобы собрать материал по истории Первой

Империи.

— Вот как?

— Угу. Моя бабушка... ты ведь знаешь, Бейта Дарелл, ты о ней слышал... Так вот, она была когда-то на Транторе с дедушкой. Если откровенно, то именно там они остановили. Мула, в те времена, когда вся Галактика подчинялась ему. И мои родители тоже отправились туда, как только поженились. Там я и родилась. Я даже жила там, когда моя мать умерла, хотя мне было всего три года и я почти ничего не помню. Ты был когда-нибудь на Транторе, дядя Хомир?

— Нет, вряд ли могу этим похвастаться.

Он сидел, откинувшись на жесткую спинку стула, и слушал. Калган был близко, и ему снова стало не по себе.

— Разве это не самый романтичный мир? Отец говорил, что при Станнеле на нем жило столько народа, сколько сейчас живет на пяти планетах. Честно говоря... Хомир!

— Да?

— Почему бы нам просто не слетать туда, когда мы покончим с делами на Калгане?

Лицо Мунна снова приняло деловое выражение.

— Что? Пожалуйста, не начинай снова. Мы летим по делу, а не ради

удовольствия, прошу это не забывать.

— Но это и есть *дело*! — взвизгнула Аркадия. — На Транторе наверняка огромные запасы всякой информации. Как ты думаешь?

— Не думаю, — Мунн поднялся. — А теперь отойди от компьютера. Нам осталось сделать последний прыжок, а потом можешь сесть обратно.

По крайней мере в одном ему будет лучше, когда они приземлятся, — не придется спать на холодном металлическом полу.

6. Лорд

Из всех населенных планет Галактики у Калгана, несомненно, была самая уникальная история.

Сначала Калган завоевал широкую известность во всей Галактике как планета наслаждений. Это произошло еще за двести лет до рождения Хари Сэлдона, и причиной тому явился тот факт, что на нем торговали удовольствиями, причем с огромным успехом.

Так было до Мула. Затем к ногам захватчика, которого не интересовали иные удовольствия и развлечения, кроме завоевания, пал и Калган. Все планеты были для Мула

одинаковыми.

А с его смертью пришло и окончательное падение. Раньше всех от Великой Империи, или Союза Миров, откололось Первое Основание, а вместе с ним и чуть позже — большинство оставшихся доминионов Мула. Через пятьдесят лет на Калгане остались лишь воспоминания о былой мощи — как мечта, навеянная дымом опиума.

Калганом стали поочередно править люди, которых на Основании называли лордами и которые сами себя величали Первыми Гражданами Галактики, подражая титулу Мула и делая вид, что тоже являются великими завоевателями.

Очередной лорд Калгана занимал этот пост уже пять месяцев. Он добился такой привилегии благодаря тому, что был командующим космическим флотом Калгана, а также благодаря неосторожности бывшего лорда. Однако ни один человек на Калгане не был настолько глуп, чтобы поднимать вопрос о законности подобного назначения — лучше принимать его без комментариев.

С лордом Сеттином оказалось не слишком легко поладить, и выживали только сильнейшие.

Нелегко было его высочеству первому министру, который служил нынешнему лорду так же преданно,

как и предыдущему, да послужит еще и следующему, если доживет.

Нелегко было леди Каллии, которая приходилась Сеттину чуть более, чем друг, и чуть менее чем жена.

В один из вечеров они втроем расположились в личных покоях лорда Сеттина. Первый Гражданин, тучный, в сияющем адмиральском мундире (он сам назначил себя адмиралом), неподвижно сидел в пластиковом кресле и ворчал. Первый министр, Лев Майрус, смотрел на него с подобострастием, поглаживая лицо нервными пальцами. Леди Каллия грациозно восседала на кушетке, покрытой

мехом, и ее полные губы дрожали от едва сдерживаемой зевоты.

— Сэр, — произнес Майрус (это был единственный титул, с которым можно было обращаться к Первому Гражданину), — вы недостаточно хорошо знаете законы истории. Вся наша жизнь, состоящая из грандиозных революций, заставляет вас думать, что цивилизацию изменить так же легко, как и обычную державу. Но это не так.

— Мул доказал обратное.

— Но кто умеет делать то, что умел он?

— Котик, — вдруг прошептала леди Каллия и тут же съежилась под гневным взглядом Первого

Гражданина.

— Не перебивай, Каллия, — резко приказал он. — Майрус, я устал от бездействия. Мой предшественник постоянно совершенствовал космический флот, пока не осталось равных ему во всей Галактике. И он умер, оставив эту великолепную машину в бездействии. Неужели я не должен что-то предпринять? Весь Калган бредит былой славой и величием, вы можете понять это?

— Это только слова, но я понимаю, что вы хотите сказать, сэр. Завоевания, богатство, слава, конечно, приятны, если достижимы, но сам процесс достижения

сопряжен с риском и не всегда может увенчаться успехом. Никогда не считалось мудрым нападать на Первое Основание, и даже Мулу было бы умнее воздержаться...

В пустых голубых глазах леди Каллии стояли слезы. Последнее время она так редко виделась со своим Котиком, а сейчас, когда он обещал провести вечер с ней, ворвался этот ужасный тощий старик и все испортил.

Но сейчас Сеттин говорил жестким и нетерпеливым тоном, который она так ненавидела:

— Вы — раб предрассудков прошлого. Основание обладало атомной энергией и было способно

отразить последние удары умирающей Империи. Но Мул, мой дорогой Майрус, все изменил. Знания, которые Основание держало в строгой тайне, он распространил по всей Галактике, и монополия на науку кончилась. Мы в состоянии бороться с Основанием.

— А Второе Основание? Что вы намерены делать со Вторым Основанием? — прохладно осведомился Майрус.

— Второе Основание? — так же прохладно переспросил Сеттин. — Скажите, лично вы *знаете* о его намерениях? План Сэлдона полностью развалился с появлением Мула. А если Плана нет, то

образовалась пустота, которую я могу заполнить не хуже любого другого.

— Мы знаем обо всем этом не достаточно, чтобы начинать такую игру.

— *Мы* — возможно. Но на Калгане сейчас находится гость с Основания, вы в курсе? Хомир Мунн, который написал массу всевозможных статей о Муле и совершенно четко выразил мнение о том, что Плана Сэлдона больше не существует.

Первый министр кивнул головой.

— Я слышал о нем, по крайней мере, о его работах. Так чего он

хочет?

— Он просит разрешения посетить дворец Мула.

— Вот как? Разумнее будет отказать. Не стоит разрушать суеверный страх, которым охвачена наша планета.

— Я подумаю, и мы поговорим на эту тему позже.

Майрус откланялся и вышел.

— Ты сердишься на меня, мой Котик? — слезливо спросила леди Каллия, и Сеттин повернулся к ней со свирепым выражением на лице.

— Сколько раз я просил тебя не называть меня этим дурацким именем, хотя бы в присутствии посторонних!

— Когда-то оно тебе нравилось.

— А теперь не нравится.

Лорд мрачно уставился на Каллию, не понимая, как это он мог выносить ее все эти дни. Это было мягкотелое, глупое создание, которое приятно пощупать и которое относилось к нему с преданной нежностью, но он начинал уставать даже от этой нежности. Каллия мечтает о замужестве и желает стать первой леди! Смешно! Ему, Сеттину, нужна женщина из какой-нибудь известной и имеющей исторических предков семьи на Основании, чтобы он мог создать законную династию. В голову лорда пришла удивительная мысль: почему бы не избавиться от

Каллии сейчас? Она немного поплачет... «Нет, все же в Каллии что-то есть», — подумал он и выбросил эту мысль из головы.

Каллия уже повеселела. Влияние Серой Бороды исчезло, и сердитое лицо ее Котика подобрело. Она легко и изящно поднялась с кушетки и подплыла к нему.

— Ты ведь не будешь ругать меня, нет?

— Нет, — он рассеянно потрепал ее по пышным формам. — Только посиди немного спокойно. Мне надо подумать.

— Об этом человеке с Основания?

— Да.

— Котик... — она замолчала.

— Что?

— Котик, ты говорил, что этот человек прилетел сюда с девочкой, помнишь? Я могу посмотреть на нее, когда она придет? Я никогда не...

— Послушай, на кой черт мне нужно, чтобы он тащился сюда со своим ублюдком? Мой зал для аудиенций — не грамматическая школа. Хватит с меня твоих глупостей, Каллия.

— Но я позабочусь о ней, Котик. Тебе совсем не надо будет ничего делать. Просто я так редко вижу детей, а ты ведь знаешь, как я их люблю.

— Этой твоей крошке то ли

четырнадцать, то ли пятнадцать лет. Она наверняка твоего роста, если не выше.

Каллия была убита.

— Ну все равно, можно? Она расскажет мне об Основании. Ты ведь знаешь, я всегда мечтала там побывать: мой дед был с Основания. Может быть, ты меня возьмешь туда когда-нибудь, Котик?

Сеттин улыбнулся при этой мысли. Возможно, он возьмет ее, когда будет победителем. Настроение его поднялось, и он объявил:

— Ну возьму, возьму. И можешь встретиться с этой девочкой и говорить с ней об Основании хоть до упада. Но не у меня на глазах,

понятно?

— Конечно, я тебе не помешаю.

Каллия снова была счастлива: не часто ей позволялось делать то, что она хотела.

7. Леди

Леди Каллия не совсем подходила под идеальный образ любовницы, который нарисовала себе Аркадия. Она была слишком полной, немного близорукой, говорила не грудным, а обычным высоким голосом и вовсе не казалась злой или опасной.

— Хочешь еще немного чая, дитя мое? — спросила Каллия.

— Благодарю вас, ваша светлость, я выпью еще чашечку.

С небрежной уверенностью многоопытной девицы Аркадия продолжала:

— Миледи, какое у вас

прекрасное жемчужное ожерелье!

— О, ты так думаешь?

Каллия была явно довольна. Она сняла ожерелье и покачала его на пальце.

— Ты бы хотела иметь такое? Бери, если оно тебе нравится.

— Ух ты!.. Вы действительно!? — Аркадия обнаружила, что ожерелье уже в ее руках, но лишь посмотрела на него и с сожалением спустилась с небес. — Отцу это не понравится.

— Ему не нравится жемчуг?

— Я хочу сказать, что ему не понравится, что я его взяла. Он говорит, что неприлично принимать дорогие подарки от чужих людей.

— Вот как? Но... Я хочу сказать, что его подарил мне Ко... то есть Первый Гражданин. Это тоже неприлично, как ты думаешь?

Аркадия покраснела.

— Я все же имела в виду...

Но Каллия устала обсуждать этот предмет и разжала пальцы. Ожерелье упало на пол.

— Ты собиралась рассказать мне об Основании? Так расскажи, — попросила она.

И тут Аркадия растерялась. Что можно рассказать о мире, скучном до слез? Она неуверенно проговорила:

— Я думаю, там все такое же, как и в фильмокнигах.

— О, у вас тоже есть

фильмокниги? Когда я начинаю их смотреть, у меня болит голова! Но знаешь, я всегда любила видео о ваших торговцах, таких больших и свирепых мужчинах. Это так увлекательно!

Аркадия вымученно улыбнулась.

— Это давно уже стало историей, миледи.

— Неужели? Какая жалость! Но что же тогда делает мистер Мунн, если он не торговец?

— Дядя Хомир — библиотекарь.

Каллия поднесла руку к губам и причмокнула.

— Ты хочешь сказать, что он — хранитель этих фильмокниг? О Боже! Какое глупое занятие для такого

человека!

— Он очень хороший библиотекарь, миледи, и его профессия высоко ценится на Основании. — Аркадия поставила чашку на белую поверхность стола, и хозяйка всполошилась.

— Но я совсем не хотела тебя обидеть, дитя мое. Он, наверное, очень умный человек, я сразу поняла это по его глазам. Они такие... *умные!* И, наверное, очень храбрый, если хочет посмотреть дворец Мула.

— Храбрый? — Аркадия внутренне напряглась.

Так, именно этого она и ждала. Интрига! Рассеянно глядя на свой палец, она безразлично спросила:

— Почему это нужно быть особенно храбрым, чтобы войти во дворец Мула?

— Разве ты не знаешь? — глаза Каллии расширились, и она заговорила тише. — На нем лежит проклятие. Когда Мул умирал, он приказал никого не пускать в его дворец до тех пор, пока не будет создана Вторая Галактическая Империя.

Аркадия задумалась над услышанным.

— Но ведь это суеверия...

— Не говори так, — Каллия, казалось, расстроилась. — Котик тоже так говорит. И говорит еще, что об этом никто не должен знать,

чтобы ему легче было держать народ Калгана в подчинении. Но я заметила, что и он сам никогда не ходит туда.

Тут Каллии пришла в голову какая-то мысль, и она вся засветилась от любопытства.

— Но зачем мистеру Мунну понадобилось идти во дворец?

Именно эти слова позволили Аркадии начать реализацию своего тщательно продуманного плана. Из всех прочитанных ею книг она хорошо знала, что не сами правители обладали реальной властью и богатством, а именно их любовницы.

Аркадия сказала:

— На то есть причина, миледи,

но вы ведь сможете сохранить все в тайне?

— Клянусь, — произнесла Каллия, приложив руку к сердцу.

Мысли Аркадии на предложение опережали ее слова.

— Понимаете, дядя Хомир — общепризнанный знаток Мула. Он считает, что вся галактическая история изменилась после того, как Мул завоевал Основание.

— О Боже!

— Он думает, что План Сэлдона...

Каллия захлопала в ладоши.

— Я знаю о Плане Сэлдона! В видео о торговцах всегда говорят об этом Плане. Сэлдон сделал так,

чтобы Основание никогда не проигрывало.

Аркадия продолжала:

— Ну так вот, теперь вы понимаете, когда Мул победил Основание, стало ясно, что План Сэлдона не сработал и с тех времен не влияет на наше развитие. Кто же тогда создаст Вторую Империю?

— Вторую Империю?

— Ну да, ту, которую придется еще создавать. Но как? И, кроме того, есть Второе Основание.

— *Второе Основание?*

— Да, они управляют историей в соответствии с Планом Сэлдона. Они остановили Мула, потому что он появился раньше времени, а сейчас,

возможно, поддерживают Калган.

— Почему?

— Потому что Калган имеет, скорее всего, больше шансов стать ядром будущей Второй Империи.

Словно в тумане, леди Каллия пыталась переварить услышанное.

— Ты хочешь сказать, что Котик собирается создать Вторую Империю?

— Нельзя быть в этом уверенным, и дядя Хомир полагает, что ему нужно просмотреть записи Мула, прежде чем он сможет дать окончательный ответ.

— Все это очень сложно, — с сомнением в голосе сказала леди Каллия.

Аркадия сдалась. Она сделала все, что могла.

Лорд Сеттин все еще пребывал в ироническом настроении. Свидание с этим мямлей с Основания прошло совершенно безрезультатно.

— Проклятье!

Ему нужно нарушить обычаи и законы Калгана, вот как? Позволить перевернуть все вверх дном во дворце Мула, чтобы этот дурак смог написать еще одну книгу ради чистой науки!

— Чего ты хочешь? — крикнул он раздраженно, и леди Каллия застыла в дверях.

— Ты занят?

— Да, занят.

— Но ведь здесь никого нет, Котик. Разве нельзя поговорить с тобой хоть минутку?

— О, Галактика! Говори, но побыстрее.

И Каллия заговорила, запинаясь на каждом слове:

— Эта девочка сказала, что они собираются посетить дворец Мула. Я думаю, мы могли бы сходить туда вместе. Там, наверное, так красиво!

— Это она тебе так сказала? Ну так вот, она никуда не пойдет, и мы тоже. А сейчас иди и занимайся своими делами.

— Но почему, Котик? Почему ты не разрешишь им это? Девочка

сказала, что ты создашь Вторую Империю.

— Мне совершенно наплевать, что она... Что-что? — Сеттин подскочил к Каллии и схватил ее за руку чуть выше локтя так, что его пальцы глубоко вонзились в нежную кожу. — Что она тебе сказала?

— Ты сделал мне больно. Я не вспомню, если ты будешь так смотреть на меня. — Лорд отпустил ее, и некоторое время Каллия стояла, потирая руку, на которой отпечатались красные следы. Она прошептала:

— Девочка взяла с меня слово, что я никому не скажу...

— Ай-яй-яй! Ну-ка, быстро

говори!

— Ну, так вот, она сказала, что План Сэлдона изменился и что где-то там есть какое-то Второе Основание, которое сделало так, чтобы именно ты создал Вторую Империю. Вот и все. Еще она сказала, что мистер Мунн очень большой ученый и что во дворце есть доказательства всему, что она сказала. Вот и все. Ты сердишься на меня?

Но Сеттин не ответил. Он торопливо вышел из комнаты, провожаемый скорбным взглядом Каллии.

Через час было издано два приказа с личной печатью Первого

Гражданина. В соответствии с одним из них на так называемые «военные маневры» в космос были посланы пятьсот звездолетов. Второй привел одного человека в полное недоумение.

Хомир Мунн уже заканчивал приготовления к отлету, когда ему вручили этот приказ. Это было официальное разрешение на посещение дворца Мула. Хомир читал и перечитывал скупые строчки без всякой радости, а Аркадия была в восторге: она знала, что произошло. Или, по крайней мере, думала, что знает.

8. Волнения

Мысль об Аркадии некоторое время мучила Дарелла, но он быстро прогнал ее прочь. Если бы он был предоставлен самому себе, этого никогда не произошло бы и никто не был бы в опасности, кроме него самого. Если бы!

Дарелл почувствовал, как ярость вскипает в его душе... Черт бы побрал покойного Кляйзе, живого Антора и всех этих глупцов, ищущих добра! Ну да ладно, она сможет о себе позаботиться.

Но сможет ли в самом деле?

В ту минуту, когда доктор

Дарелл ответил сам себе, что сможет, она сидела в холодной приемной Первого Гражданина Галактики уже полчаса, растерянно разглядывая стены. У двери стояли два вооруженных охранника, которые провели ее с Хомиром Мунном в этот кабинет. Раньше их здесь не было.

Сейчас Аркадия была одна, но в комнате царила атмосфера враждебности, и девочка чувствовала это впервые.

«В чем дело? Хомир у Сеттина. Ну и что?» Мысли приводили ее в бешенство. Герои видеофильмов и книг в подобных ситуациях всегда могли предвидеть события и их последствия, а она просто сидела.

Произойти могло все, что угодно!
Все! А она сидела.

Вспомни все, подумай, может, что-то и придет в голову. Уже две недели Хомир практически не жил во дворце Мула. Однажды он взял Аркадию с собой, получив разрешение Сеттина. Это было огромное мрачное помещение давно уже нежилое и хранящее лишь воспоминания ушедших дней. Шаги вторгшихся людей отдавались гулким эхом. Но дворец Аркадии не понравился — куда лучше были веселые людные улицы столицы, театры и другие зрелища мира, значительно уступающего в благосостоянии Основанию, но тем

не менее тратающего все свои богатства на развлечения.

Хомир возвращался по вечерам измученный и уставший.

— Для меня это мир мечты, — шептал он. — Если бы только я мог, я работал бы как лошадь и разобрал дворец Мула до основания по камню. Если бы только я мог перенести его на Терминус! Какой музей появился бы у нас!

Нежелание, с которым Мунн шел во дворец впервые, начисто пропало, и вместо него пришли нетерпение и жажда познания. Аркадия все поняла, хотя сам он практически не затрагивал этой темы.

Однажды Хомир сказал:

— Я случайно нашел выдержки из отчетов генерала Притчера.

— Я слышала о нем. Он был регентом Основания и прочесал всю Галактику в поисках Второго Основания.

— Не совсем регентом. Мул обратил его.

— Ну, это одно и то же.

— Великая Галактика, то прочесывание, о котором ты говоришь, было бесполезным. В оригиналах записей Сэлдона Второе Основание упоминается лишь один раз. В них есть сведения, что Основания расположены на разных концах Галактики, и Второе — там,

где кончаются звезды. Это все, от чего могли оттолкнуться Мул и Притчер. Но если бы они и нашли Второе Основание, то не смогли бы определить, что это именно оно. Какое безумие!

Там есть отчеты, — продолжал Мунн сам себе, но Аркадия внимательно слушала, — в которых упоминается по меньшей мере тысяча планет, но ведь им пришлось бы обследовать как минимум миллион. Да и мы не лучше...

Аркадия торопливо прервала его.

— Ш-ш-ш, — тихо прошептала она.

Хомир замер, потом понемногу

пришел в себя.

— Давай не будем разговаривать, — промямлил он.

А сейчас Хомир был у лорда Сеттина, и Аркадия ждала его в приемной. Сердце ее колотилось, и что страшней всего, — без всякой видимой причины.

По ту сторону двери сидел Хомир, взмокший от напряжения. Он боролся, бешено боролся со своим заиканием, но все-таки не мог произнести и двух слов без остановки. Перед ним во весь рост в шесть футов и шесть дюймов возвышался лорд Сеттин, в парадной форме, широкоскулый, с твердой складкой губ. Его сжатые кулаки

подчеркивали смысл каждого слова.

— В вашем распоряжении было целых две недели, а вы все рассказываете мне сказки, что ничего не обнаружили. Бросьте, сэр, говорите самое худшее. Разобьют ли мою флотилию в пух и прах? Придется ли мне воевать еще и с призраками Второго Основания?

— Я п-повторяю, милорд, я не п-предсказатель. Я н-не понимаю...

— Или вы хотите вернуться домой и предупредить своих соотечественников? Кончайте валять дурака. Я желаю узнать правду, и я ее узнаю, даже если мне придется выпустить из вас все кишки.

— Я г-говорю только п-правду. И

я хочу напомнить вам, милорд, что я гражданин Основания. Вы не можете тронуть меня безнаказанно.

Лорд Калгана громко
рассмеялся:

— Детские страшилки! Бросьте, мистер Мунн, видите, как я терпелив с вами все это время. Уже двадцать минут вы городите страшную ерунду, на сочинение которой у вас ушло, вне всякого сомнения, много бессонных ночей. Но ваши труды пропали даром. Я знаю, что вы находитесь здесь не только с целью найти что-то в пепле минувших дней и поквохтать над своими научными изысканиями. Разве не так?

Теперь Хомир Мунн уже не мог

сдержать дикого страха, загоревшегося в его глазах, и перестал дышать. Заметив это, лорд Сеттин дружески хлопнул его по плечу так, что Мунн покачнулся вместе с креслом.

— Прекрасно. А теперь поговорим откровенно. Вы изучаете План Сэлдона. Вы знаете, что его больше не существует. Возможно, теперь вы знаете и то, что победителем неизбежно буду я и мои наследники. Да и, в конце концов, какая разница, кто создаст Вторую Империю, лишь бы она была создана. У истории не бывает любимчиков, а? Или вы просто боитесь мне сказать? Как видите, я разгадал вашу миссию.

Мунн с трудом произнес:

— Что вы... хотите сказать?

— Я хочу, чтобы вы были со мной. Я не желаю испортить весь План излишней самоуверенностью. Вы понимаете в этих вещах больше меня и можете заметить маленькие погрешности, которые случайно я упущу. Бросьте ломаться, я по-царски награжу вас. Что вы можете сделать для Основания? Попытайтесь спасти их от неизбежного поражения? Или в вас просто горит патриотическое желание умереть за Родину?

— Я... я...

В конце концов Хомир замолчал, так и не выдавив из себя ни единого слова.

— Вы останетесь со мной, — с уверенностью заявил лорд Калгана. — У вас нет выбора. Подождите-ка... — он чуть не забыл, — ко мне поступила информация, что ваша племянница из семьи Бейты Дарелл?

От удивления у Хомира мгновенно вырвалось:

— Да...

В том положении, когда он не мог ничего придумать, ему оставалось говорить только правду.

— Это известная семья на Основании?

Хомир кивнул головой:

— Которой никогда не причинят вреда.

— Вреда! Не будьте дураком! Я думаю как раз наоборот. Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

— Ну вот! Даже Второе Основание с Хари Сэлдоном не смогут помешать девушке стать женщиной.

Через мгновение лорд резко повернулся на каблуках и, подойдя к задрапированной двери, с силой отдернул занавески.

— Какого дьявола ты сюда притащилась? — загремел его голос.

Леди Каллия поморгала глазами и неуверенно проговорила:

— А я и не знала, что ты не один.

— Да, я не один. Поговорим об этом позже, а теперь убирайся отсюда, да побыстрее.

Каллия торопливо засеменила по коридору. Сеттин вернулся в комнату.

— Она — часть слишком затянувшейся интерлюдии, которая скоро закончится. Так вы говорите четырнадцать?

Хомир смотрел на него с ужасом.

Аркадия взглянула на открывшуюся дверь и вздрогнула. Палец, подзывавший ее, некоторое время не производил никакого впечатления, но затем девочка на

цыпочках пересекла комнату, соблюдая осторожность, которой требовал этот жест.

Они бесшумно шли по коридору. Это была, конечно, леди Каллия. Она так крепко держала Аркадию за руку, что причиняла ей боль, но по какой-то непонятной причине девочка безропотно следовала за Каллией.

Они вошли в ее будуар, обстановка которого была выдержана в розовых и желтых тонах. Леди Каллия стояла спиной к двери.

— Это наш потайной ход из его покоев в мои. Котик сам его сделал, — объяснила она и потрясла в воздухе пальцем, словно одна только мысль о нем вызывала у нее

священный ужас.

— Так повезло... Нам так повезло...

Зрачки ее голубых глаз расширились и потемнели.

— Вы не могли бы мне сказать... — напряженно начала Аркадия, но Каллия торопилась.

— Нет, дитя мое, у нас совсем нет времени. Снимай свое платье. Я дам тебе лучшее, и тебя не узнают.

Каллия рылась в шкафу, выбрасывая оттуда груды платьев, и быстро искала то, что могла бы надеть девочка, не вызывая лишних подозрений.

— Вот, бери, это подойдет. Должно быть впору. У тебя есть

деньги? На, держи все, и это тоже тебе, — она снимала с себя кольца и серьги. — И лети на Основание, домой.

— Но Хомир... Мой дядя? — тщетно протестовала Аркадия, путаясь в складках приятно пахнущего роскошного метиленового платья.

— Он не полетит. Котик задержит его навсегда, но тебе нельзя оставаться. Ох, дорогая, неужели ты не понимаешь?

— Нет. — Аркадии удалось освободиться из крепких объятий и встать спокойно. — Нет, не понимаю.

Леди Каллия крепко сжала ее

руки.

— Ты должна вернуться и предупредить своих соотечественников, что скоро будет война. Разве это не ясно?

Казалось, от страха мысли ее прояснились.

— А теперь иди...

Каллия провела девочку по служебному коридору мимо служащих, окинувших взглядом странную пару, но не видевших причин останавливать ту, которую мог остановить лишь сам лорд Калгана. Когда леди Каллия с девочкой вышли во двор, охранники щелкнули каблуками и отдали честь.

Аркадии казалось, что они идут

уже долгие годы, но на самом деле с того момента, когда ее поманил белый палец леди Каллии, до того, как они оказались на улице, у наружных ворот, прошло всего двадцать пять минут.

Аркадия оглянулась и с внезапно нахлынувшей жалостью посмотрела на женщину.

— Я... я не знаю, почему вы делаете все это, миледи, но спасибо... Что будет с дядей Хомиром?

— Не знаю, — ответила та. — Почему ты не уходишь? Не жди, направляйся прямо в космопорт. Он, наверное, уже ищет тебя.

Но Аркадия колебалась: ведь

она оставляет Хомира. И, кроме того, оказавшись на свежем воздухе, она почувствовала, что в душу ее закрадываются сомнения.

— А почему это вас так волнует?

Леди Каллия закусила нижнюю губу и прошептала:

— Я не могу все объяснить такой маленькой девочке. Это будет некрасиво. Ты ведь еще молода, а я... я встретила Котика, когда мне исполнилось шестнадцать. Понимаешь, тебе нельзя здесь оставаться.

Стыдливая враждебность засветилась в ее глазах. Аркадия начала постепенно понимать.

— Что он сделает с вами, когда узнает? — прошептала она и тут же себе ответила: — Даже не знаю.

Леди Каллия подняла руку к голове, повернулась и почти бегом направилась обратно к дому лорда Калгана. Какую-то долю секунды Аркадия не двигалась с места, потому что в самый последний момент, прежде чем леди Каллия отвернулась, она кое-что увидела. Эти коровьи глаза, испуганные и большие, на какое-то почти неуловимое мгновение зажглись холодным изумлением. Холодным, нечеловеческим изумлением.

Все произошло очень быстро, но Аркадия ни секунды не сомневалась

в том, что увидела. И теперь она побежала со всех ног на поиск незанятой кабинки, в которой, нажав кнопку, можно было получить любые услуги.

Дарелл бежала не от лорда Сеттина и тысячи сыщиков, которых он мог пустить по ее следу, и даже не от всех его двадцати семи миров, которые бы вдруг вовлекли в поиски. Она бежала от одной милой женщины, которая сама только что помогла ей в этом, которая завалила ее деньгами и драгоценностями, рискуя собственной жизнью. От существа, которое — она знала определенно и бесспорно — было женщиной Второго Основания.

Повинуясь нажатию кнопки, к кабинке подлетело аэротакси. Поднявшийся от машины ветерок обдул лицо Аркадии, спрятанное под мягким меховым капюшоном, который ей дала леди Каллия.

— Куда вам угодно, леди?

Аркадия изо всех сил старалась говорить как можно более низким голосом, чтобы ее приняли за взрослую:

— Сколько космопортов в городе?

— Два. Вам который?

— Который ближе?

Таксист уставился на нее.

— Калган-Централь, леди.

— Тогда в другой, пожалуйста.
Вот деньги.

В руке Аркадии появилась банкнота в двадцать калганидов. Она понятия не имела о ее номинальной стоимости, но водитель радостно улыбнулся и сказал:

— Как вам будет угодно, леди.
Аэротакси доставит вас, куда только пожелаете.

Аркадия прислонилась своей горячей щекой к обивке кресла. Огни города лениво перемещались вниз. Что делать? *Что делать?* Именно в этот момент Дарелл почувствовала, что она еще маленькая девочка, а отец далеко, и ей стало страшно. Глаза ее жгли слезы, а горло болело

от нестерпимого желания вовсю разреветься. Аркадия не боялась, что лорд Сеттин поймает ее. Леди Каллия обо всем позаботится. Леди Каллия! Старая, толстая, глупая, она каким-то чудом оставалась со своим лордом. О, теперь все было ясно, все. То чаепитие у Каллии, на котором она считала себя такой умненькой! Маленькая умненькая Аркадия! Что-то внутри зашевелилось от ненависти к самой себе. Это чаепитие было подстроено, а затем все организовано так, чтобы лорд Сеттин разрешил Хомиру Мунну посетить дворец Мула. Она, умненькая Аркадия, идя на поводу у глупой Каллии, придумала

сверхуважительную причину, которая не вызовет подозрений в умах ее жертв и почти не заставит их вмешиваться в ее дело. Да, но почему тогда она на свободе? Ведь Хомир, несомненно, пленник. Разве что...

Разве что ее отпустили на Основание, чтобы она привела за собой других прямо в руки врагов. В их руки! Значит, ей нельзя было возвращаться на Основание.

— Космопорт, леди.

Аэротакси остановилось, но Аркадия этого даже не заметила.

— Благодарю, — она сунула деньги водителю, ничего не видя, открыла дверь и побежала по пружинящей мостовой.

Вокруг мелькали огни, куда-то спешили люди. Аркадия увидела огромное сверкающее табло с движущимися фигурками, появлявшимися каждый раз, когда взлетал или садился какой-нибудь звездолет. Куда она идет? Куда ей лететь? Аркадии было все равно. Она знала только, что не летит на Основание, что ее устраивает любое другое место.

Ох, слава небу и Сэлдону за последнюю долю секунды, когда Каллия устала от своей игры с каким-то ребенком и не смогла скрыть изумления.

Затем Аркадии в голову пришла мысль, которая мучила ее все время,

пока она ехала в такси, и не могла обрести словесную форму, — мысль, с приходом которой Дарелл навсегда перестала быть четырнадцатилетней девочкой и стала взрослой: *она должна скрыться.*

Это самое главное. Даже если они выявят всех Конспираторов на Основании, даже если поймают ее отца. Она не могла, не смела предупредить их, не могла рисковать своей жизнью во имя спасения Терминуса. Аркадия Дарелл была самым важным человеком во всей Галактике, единственным важным человеком в Галактике, и поняла это раньше, чем остановилась возле билетной кассы, не зная, куда лететь.

Она — и только она — знала, где находится Второе Основание. Разве что еще сами его члены.

9. Сквозь сеть

Трантор...

Приблизительно через
пятьсот лет после
образования Основания
Трантор ушел в тень. Среди
его колоссальных руин
жило небольшое общество
фермеров...

*Галактическая
Энциклопедия*

Аркадия Дарелл, одетая в чужое
платье, находящаяся не на своей
планете и явно не в своей тарелке, с
ностальгией подумала о том моменте
жизни, когда она была в

безопасности материнского чрева. Она не знала, что ей делать, но знала лишь, что открытое пространство любой планеты представляет для нее опасность. Аркадии хотелось забраться куда-нибудь далеко-далеко, в неисследованную область Вселенной, где никто не догадался бы ее искать.

И вот стоит она, девочка четырнадцати лет, с собранными в хвостик волосами, испуганная настолько, словно ей было пять лет без всякого хвостика. Кто из этих людей, проходящих сотнями мимо Аркадии так близко, что она чувствовала их прикосновение, кто из этих людей со Второго

Основания? Кто из них должен мгновенно уничтожить ее, как только поймет, что она обладает страшной, уникальной информацией о том, где находится Второе Основание?

И голос обратившегося к Аркадии человека пронесся над ней громовыми раскатами. Она испуганно обернулась.

— Послушайте, мисс, — раздраженно сказал он, — вы будете пользоваться автоматической кассой или просто стоите рядом?

Только тогда Дарелл поняла, что стоит перед автоматической билетной кассой. Она сунула в щель купюру, и та сразу же исчезла внутри аппарата. Теперь нужно было, нажав

на кнопку под табличкой со списком мест назначения, получить билет и сдачу, сумму которой устанавливало электронное сканирующее устройство, никогда не допускающее ошибок. Это была самая обычная процедура, и никто не стоял перед автоматом более пяти минут. Итак, сунув в щель двухсоткредитную бумажку, Аркадия внезапно увидела кнопку с надписью «Трантор».

Трантор, мертвая столица мертвой Империи, планета, на которой она родилась. Дарелл нажала на кнопку, словно во сне. Ничего не произошло, лишь красные цифры замелькали в окошечке, то погасая, то вспыхивая снова:

179,18 179,18 179,18

Столько не хватало на билет. Еще одна двухсоткредитная бумажка. Билет появился из другой щели и оторвался, как только она прикоснулась к нему. И сразу же посыпалась сдача.

Аркадия схватила деньги и бросилась бежать: все они — ее враги.

Плохо соображая, она посмотрела на буквы вверху:

АНАКРЕОН ФЕРМУС
СТЕФФАНИ

Появилась даже надпись «ТЕРМИНУС», и девочка бросилась было к ней, но остановилась.

Она могла бы недорого купить

себе нотайфер — прибор, указывающий нужное направление, который помещается в кошелек и который слышала бы только она. Но такие приборы предназначены для людей, чувствующих себя уверенно и способных все спокойно обдумать.

Озираясь по сторонам, Дарелл неожиданно наткнулась на чей-то мягкий живот и почувствовала, как у человека резко перехватило дыхание. Он вскрикнул и схватил ее за плечо. Аркадия отчаянно пыталась освободиться, но ей не хватало воздуха, чтобы произнести хотя бы несколько слов. Она медленно повернула голову и посмотрела в лицо незнакомца. Это был

невысокий полный человек с
зачесанными в стиле помпадур
седыми волосами, что странно
сочеталось с его круглым лицом,
имевшим явное крестьянское
выражение.

— Что случилось? — спросил
он наконец с искренним
любопытством. — Ты чем-то
напугана?

— Извините, — прошептала
Аркадия в отчаянии, — мне нужно
идти. Простите меня.

Но мужчина не обратил на ее
слова ровным счетом никакого
внимания и сказал:

— Осторожнее, девочка, ты
можешь уронить свой билет.

Он вытащил билет из неподвижных пальцев Аркадии, внимательно посмотрел на него, и явное удовлетворение отразилось на лице незнакомца.

— Я так и думал, — произнес он и вдруг заревел, как бык. — Ма-а-а-а-ать!

В тот же момент появилась женщина, еще меньше ростом и такая же краснолицая. Она закрутила свой седой локон вокруг пальца, пытаясь заправить его под старомодную шапочку.

— Отец, — с упреком сказала женщина, — почему это ты кричишь в толпе? На тебя смотрят, как на сумасшедшего. Ты думаешь, что все

еще на своей, ферме?

Женщина солнечно улыбнулась безмолвной Аркадии и добавила:

— У него манеры медведя.

Затем незнакомка резко обратилась к мужу:

— Отец, отпусти девочку. Ты что делаешь?

Но отец помахал перед ее носом рукой, в которой держал билет.

— Смотри, мать, она летит на Трантор.

Лицо мамочки засветилось еще ярче.

— Ты с Трантора? Отец, отпусти ее руку, кому говорю!

Она поставила на пол огромный чемодан и мягким, но настойчивым

движением усадила на него Аркадию.

— Садись, — сказала мамочка. Пусть твои маленькие ножки отдохнут. До звездолета еще целый час, а все скамейки переполнены спящими жуликами. Так ты с Трантора?

Аркадия глубоко вздохнула и сдалась, хриплым голосом ответив:

— Я там родилась.

И мамочка весело захлопала в ладони.

— Мы здесь пробыли целый месяц и не встретили ни одной души из родных мест. Как это приятно! А кто твои родители? — и она принялась оглядываться вокруг.

— Я без родителей, —
осторожно ответила Аркадия.

— Одна? Такая маленькая? —
На лице мамочки немедленно
отразились симпатия и
беспокойство.

— Как это случилось?

— Мать, — отец дернул ее за
руку, — дай мне сказать. Тут что-то
не так. Я думаю, она очень испугана.

Аркадия слышала его отчетливо,
хотя он намеревался сказать это
мамочке по секрету.

— Я видел, что девочка даже не
смотрит, куда бежит, но не успел
отойти в сторону, как она на меня
налетела. И вот что я тебе скажу: по-
моему, она попала в беду.

— Вот помолчи, отец. На такого, как ты, любой может налететь.

Мамочка присела рядом с Аркадией на чемодан, протестующе закрипевший под тяжестью ее тела.

— Ты от кого-нибудь убегала, дитя мое? Не бойся, скажи правду, мы тебе поможем.

Аркадия посмотрела в добрые серые глаза женщины, и губы ее задрожали. Девочке захотелось довериться этим людям и полететь *вместе с ними* на Трантор. Наверняка они помогут ей на этой планете, пока она не решит, что делать дальше и куда направиться. Кроме того, Аркадия подумала, что она даже не помнит свою мать, что

до смерти устала от этой борьбы со Вселенной и желает только одного — свернуться клубочком в этих теплых сильных руках, что, если бы жива была мать, она могла бы... И впервые за всю свою жизнь Аркадия расплакалась, как маленькая девочка, и была этому рада, уцепившись изо всех сил за старомодное платье и промочив кусочек его подола. А в это время мягкие руки крепко прижимали девочку и нежная ладонь перебирала ее кудри.

Папочка стоял, беспомощно глядя на двух женщин и роясь по всем карманам в поисках платка, который выхватили из его рук, как только он был найден. Мамочка

посмотрела на мужа угрожающе-спокойным взглядом. Вокруг сновали сотни людей, безразлично взиравших на эту сцену, что так свойственно толпе.

Наконец рыдания стихли, и Аркадия слабо улыбнулась, вытирая покрасневшие глаза чужим платком.

— Господи, — прошептала она, — я...

— Ш-ш-ш, не говори ничего, — хлопотала мамочка. — Просто посиди немного и отдохни. Дыши спокойно. Потом расскажешь нам, что случилось, и увидишь, как мы тебе поможем и все будет в порядке.

Аркадия собрала остатки своих сил. Она не могла сказать им правду,

она никому не могла ее сказать. Но сейчас абсолютно не было сил придумывать правдоподобную ложь, и девочка только прошептала:

— Сейчас мне будет лучше.

— Вот и хорошо, — ответила мамочка. — А теперь скажи нам, что у тебя за беда. Ты не сделала ничего плохого? Конечно, мы тебе поможем, что бы ни случилось, но Расскажи нам правду.

— Для друга с Трантора я в лепешку расшибусь, — уверенно прибавил папочка. — А мамочка...

— Замолчи, отец, — последовал немедленный ответ.

Аркадия рыдала, уткнувшись в свой кошелек. По крайней мере, хоть

он принадлежал ей после быстрого переодевания в комнате леди Каллии. Девочка нашла то, что искала, и протянула мамочке.

— Это мои документы, — робко произнесла она, извлекая из кошелька сверкающий синтетический пергамент, выданный послом Основания в день ее прибытия и подписанный калганским чиновником. Это была большая и впечатляющая бумага. Мамочка беспомощно посмотрела на нее и протянула папочке, который стал читать, выразительно поджав губы.

— Так ты с Основания? — спросил он.

— Да, но родилась я на Транторе. Видите, вот здесь это сказано.

— Ага! Тут все в порядке. Тебя зовут Аркадия? Хорошее транторийское имя. Но где твой дядя? Тут сказано, что ты прилетела с дядей, Хомиром Мунном.

— Его арестовали, — еле слышно произнесла Аркадия.

— Арестовали!? — воскликнули они в один голос.

— Но за что? — спросила мамочка. — Он что-нибудь сделал?

— Я не знаю. Мы просто нанесли визит. Дядя Хомир имел дело с лордом Сеттином, но...

На папочку это произвело

впечатление.

— С лордом Сеттином! М-м-да, твой дядя, должно быть, большой человек.

— Я не знаю, в чем там было дело, но лорд Сеттин хотел, чтобы я *осталась*.

Дарелл вспомнила последние слова леди Каллии и сценку, которую та разыграла перед ней. Поскольку Каллия, как теперь выяснилось, знала свое дело отлично, эта история могла сойти и во второй раз. Аркадия замолчала, и мамочка с интересом посмотрела на нее.

— А зачем?

— Не знаю. Он... он хотел, чтобы я пообедала с ним наедине, но

я сказала, что дядя Хомир тоже должен присутствовать. Лорд так странно посмотрел на меня и все держал меня за плечо...

Папочка слегка раскрыл рот, а мамочка внезапно покраснела и рассердилась.

— Сколько тебе лет, Аркадия?

— Почти четырнадцать с половиной.

Мамочка с силой выдохнула и сказала:

— Как только таких земля носит! Хуже бродячих собак! Так ты бежишь от него, дорогая?

Аркадия кивнула.

— Папочка, срочно отправляйся в Информбюро и выясни точно, когда

посадка на звездолет,
отправляющийся на Трантор. Да
поторапливайся!

Папочка сделал лишь шаг и
остановился. Металлический голос
из репродуктора загремел сверху, и
пять тысяч пар глаз с недоумением
установились в потолок, превратившись
в слух.

— Мужчины и женщины!
Космопорт обследуется в целях
поимки опасного преступника и в
данный момент окружен.
Запрещается входить и выходить из
него. Поиски будут произведены с
максимальной скоростью, за это
время не приземлится и не улетит ни
один звездолет, и никто не пропустит

нужный рейс. Сейчас появится энергетическая сеть. Никому не разрешается выходить из своего квадрата до тех пор, пока сеть не исчезнет, в противном случае мы будем вынуждены применить нейронные кнуты.

В течение минуты, пока гремел репродуктор, перекрывая все шумы в зале, Аркадия была не в состоянии сдвинуться с места, даже если бы все зло Галактики свернулось в один шар и обрушилось на нее. Речь шла только о ней! Двух мнений быть не могло. Но почему? Каллия устроила побег, а она со Второго Основания. Тогда почему же возникла погоня? Неужели у Каллии ничего не вышло?

Или это было частью ее плана, тонкости которого Аркадия так и не постигла?

На какое-то мгновение ей захотелось вскочить и закричать, что она сдается, что она пойдет куда угодно, что она... что...

Но мамочка ухватила девочку за руку.

— Быстро, быстро пошли в дамскую комнату, пока они не начали.

Аркадия не поняла и слепо последовала за мамочкой. Они проталкивались сквозь толпу, замершую неподвижными группами и слушающую последние слова металлического голоса.

Энергетическая сеть уже снижалась, и папочка следил за ней с открытым ртом. Он слышал об этом приспособлении, но никогда не видел. Неожиданно папочка обнаружил, что остался один в своем квадрате, в то время как соседние были переполнены. Сеть представляла собой пересечение лучей, внутри которых переливался разными цветами воздух. Она всегда опускалась медленно, создавая впечатление падающей сети, способной опутать всех сразу, и вызывала потрясающий психологический эффект. Сеть была уже на уровне талии, и пересекающиеся линии

образовывали квадраты площадью в сто футов. Стоявший в одном из них папочка вдруг почувствовал себя очень одиноким и с удовольствием перешел бы в соседний, где были люди, но тогда пришлось бы пересечь сверкающую линию, что могло вызвать сигнал тревоги и в результате удар нейронного кнута.

Папочка ждал. Сквозь головы молчаливо ждущей толпы был четко виден строй полисменов, проходящих квадрат за квадратом освещенной площади.

Прошло много времени, прежде чем человек в форме вступил в квадрат, где находился папочка, и аккуратно отметил его координаты в

своей служебной записной книжке.

— Документы?

Папочка протянул документы, и человек быстро и со знанием дела проверил их.

— Вы Прим Палвер, уроженец Трантора. На Калгане месяц, возвращаетесь на Трантор? Отвечайте, да или нет.

— Да, да.

— По какому делу на Калгане?

— Я торговый представитель нашего фермерского кооператива. Обсуждал некоторые вопросы с сельскохозяйственным департаментом Калгана.

— Гм-м-м, ваша жена с вами? Где она? Она числится в ваших

бумагах.

— Пожалуйста. Жена в... — он указал рукой.

— Ханто! — взревел полицейский, и к нему подошел еще один человек в форме и сухо бросил: — Клянусь Галактикой, еще одна мадам сидит в туалете. Похоже, у этих что-то не в порядке. Запиши ее имя.

Он указал на место в документах, куда нужно было записать.

— С вами еще кто-нибудь есть?

— Моя племянница.

— Она не отмечена в документах.

— Она прилетела отдельно.

— Где она? Впрочем, я знаю. Запиши между делом и имя племянницы, Хантор. Как ее зовут? Запиши: Аркадия Палвер. А вы, Палвер, оставайтесь на месте, мы еще проверим ваших женщин.

Казалось, папочка ждал целую вечность. Наконец мамочка гордо промаршировала в его направлении, крепко держа за руку Аркадию. За ними шли двое полицейских. Войдя в квадрат, первый из них спросил:

— Эта шальная старуха — ваша жена?

— Да, сэр, — мягко ответил папочка.

— Тогда объясните ей, что она добьется крупных неприятностей,

если будет разговаривать в таком тоне с полицией Первого Гражданина, — полицейский сердито расправил плечи. — Это ваша племянница?

— Да, сэр.

— Мне нужны ее документы.

Глядя прямо в глаза мужу, мамочка едва заметно покачала головой. Последовала короткая пауза, затем папочка сказал с примирительной улыбкой:

— Думаю, тут я вам ничем помочь не могу.

— Что значит ничем помочь не могу?

Полицейский протянул руку:

— Давайте их сюда.

— Дипломатическая неприкосновенность, — вежливо заметил папочка.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже сказал, что я — торговый представитель фермерского кооператива, официально аккредитованный в калганском правительстве в качестве иностранного представителя, и это подтверждается моими документами. Я их вам предъявил, а теперь желаю, чтобы меня больше не беспокоили.

На мгновение полицейский растерялся.

— Я должен видеть эти документы. У меня приказ.

— Убирайтесь отсюда, —

неожиданно вмешалась мамочка. — Мы придем за вами, когда вы нам понадобится, вы... подонок!

Полицейский сжал губы.

— Присмотри за ними, Ханто. Я схожу за лейтенантом.

— Чтоб ты сломал ногу! — крикнула мамочка ему вслед. Послышался чей-то смех, но тут же оборвался.

Обыск подходил к концу, и толпа уже начала беспокоиться. С момента, когда стал опускаться энергетический барьер, прошло сорок пять минут, а это был слишком большой срок. Лейтенант Диридж торопливо пробрался в самый центр недовольной толпы.

— Вот эта девочка? — спросил он, окинув Аркадию взглядом с ног до головы. По-видимому, ее внешность подходила под имевшееся у него описание. И вся эта кутерьма была поднята из-за ребенка!

— Ее документы, будьте любезны, — попросил лейтенант.

— Я уже объяснил, — начал было папочка.

— Я знаю, что вы уже объяснили, — перебил его лейтенант. — Очень жаль, но у меня приказ, и я не в состоянии вам помочь. Если захотите, потом можете заявить протест. А сейчас при необходимости я применю силу.

Наступило молчание, в течение

которого лейтенант терпеливо ждал. Наконец папочка произнес хриплым голосом:

— Дай свои документы, Аркадия.

Аркадия в ужасе затрясла головой, но папочка повторил:

— Дай, не бойся.

Девочка беспомощно протянула свои бумаги. Папочка долго раскрывал их, затем, внимательно просмотрев, протянул лейтенанту. Тот, в свою очередь, просмотрел их еще более внимательно, потом долго изучал Аркадию и наконец с резким хлопком закрыл пергаментную книжечку.

— Все в порядке, — сказал

лейтенант, — пошли отсюда.

Не более чем через две минуты энергетическая сеть исчезла. Голос сверху объявил, что все в порядке, и шум толпы, с которой упало подозрение, усилился в несколько раз.

— Как... как... — заговорила Аркадия.

— Ш-ш-ш, — прервал ее папочка. — Не говори ни слова. Давай лучше скорей пойдем к звездолету. Скоро вылет.

В звездолете их ждали отдельная каюта и столик в столовой. Два световых года отделяли их от Калгана, и Аркадия

осмелилась наконец задать свой вопрос:

— Но ведь им нужна была именно я, мистер Палвер, и у них наверняка было мое описание и все мои данные. Почему же они меня отпустили?

Папочка широко улыбнулся над своим ростбифом.

— Ну, Аркадия, дитя мое, все совершенно просто. Когда имеешь дело с торговыми агентами, покупателями и конкурирующими фирмами, то быстро узнаешь кое-какие приемы. Я работаю так уже двадцать лет. Видишь ли, когда лейтенант раскрыл твои документы, он обнаружил там сложенную в

несколько раз банкноту в пятьсот кредиток. Просто, а?

— Я отдам вам... Честное слово, у меня куча денег.

— Ну-у, — круглое лицо папочки расплылось в смущенной улыбке, и он отмахнулся от нее.

Аркадия не унималась:

— А что, если он взял деньги и все равно выдал меня? Да еще обвинил в попытке подкупа?

— И отдал бы пять сотен? Я знаю этих людей лучше, чем ты, дитя мое.

Но Аркадия понимала, что он *не* знал этих людей. Этих людей! Лежа ночью в постели, она тщательно все обдумала и пришла к выводу, что

никакой подкуп не остановил бы лейтенанта, если бы все не было хорошо запланировано. Они не *хотели* поймать ее, но тем не менее сделали для этого всего-навсего очень много.

Зачем? Чтобы убедиться, что она улетела? И именно на Трантор? Не является ли эта мягкосердечная деревенская пара оружием в руках Второго Основания таким же беспомощным, как и она?

По-видимому, так оно и есть!

А может быть, и нет.

Все эти размышления бесполезны. Как Аркадия могла бороться с ними? Что бы она ни сделала, все могло быть объяснено

контролем этих людей. А может, и нелюдей?

И все-таки она, Аркадия, должна перехитрить их. Должна!

Должна!

Должна!

10. Начало войны

Встреча крейсера «Хобер Мэллоу» с эскадрой калганских звездолетов во главе с «Бесстрашным», когда после отказа пропустить на свой борт людей для проведения обыска последнего разбили на дымящиеся обломки, произошла 185,11.692 Г.Э., то есть в 185-й день 11692 года Галактической Эры, которая ведет свой отсчет от начала правления первого императора династии Кембелл. Эту дату можно представить и как 185,419 Э. О., если вести отсчет с момента появления Основания. По калганскому летоисчислению эта

дата выглядела следующим образом: 185, 56 Э.П.Г., то есть отсчет шел от времени утверждения Первого Гражданина — Мула. В каждом случае для удобства давался один и тот же день, независимо от начала летоисчисления.

Но какую бы дату ни выбрали мы, именно этот день назовут историки, когда речь пойдет о начале Сеттинской войны.

Впрочем, все это было отнюдь не безразлично доктору Дареллу. У него появился вполне определенный способ отсчета времени: тридцать второй день с тех пор, как Аркадия улетела на Калган. Никто никогда не узнает, чего стоило ему внешнее

спокойствие все эти дни.

Но Эльветт Семмик полагал, что может это понять. Он был уже старым человеком, и его первые клетки закальцинировались до такой степени, что он думал обо всем безболезненно. Семмик любил шутить над своим увяданием. И хотя тело его уже начало сдавать, глаза тем не менее оставались такими же зоркими, а ум еще более обострился.

Семмик слегка скривил губы и сказал:

— Почему вы не хотите ничего предпринять?

Звук физически ударил доктора по ушам, и он поморщился.

— На чем мы остановились? —

спросил Дарелл с напряжением.

Семмик внимательно посмотрел на него:

— Вам бы лучше предпринять что-нибудь насчет девочки.

Но Дарелл холодно ответил:

— Весь вопрос в том, сможет ли резонатор Сеймс-Мольфа работать в этих пределах?

— Я уже ответил, что сможет, но вы не слушали...

— Извините меня, Эльветт. К сожалению, то, чем мы сейчас занимаемся, важнее для Галактики, нежели вопрос, куда делась моя дочь. По крайней мере для всех, кроме Аркадии и меня, а я желаю присоединиться к большинству. Так

насколько велик будет резонатор?

Семмик с сомнением покачал головой.

— Не знаю. Вы можете найти его размеры в каком-нибудь каталоге.

— Ну, примерно? Тонна? Фунт?

— О, я думал, вам нужны более точные данные. В общем, примерно с сустав мизинца. — Семмик демонстративно согнул палец. — Примерно вот такой.

— А вы сможете сделать мне подобную штуку?

Дарелл принялся что-то торопливо вычерчивать в блокноте, затем протянул чертеж Семмику, который с сомнением уставился на него, а потом ухмыльнулся.

— Вы же знаете, что у таких стариков, как я, сосуды мозга покрываются кальцием. Что вы хотите сконструировать?

Дарелл колебался. Ему крайне необходимо было воспользоваться знаниями старого физика, не выдав при этом своих мыслей. Но это оказалось невозможно, и доктору пришлось все объяснить. Семмик покачал головой.

— Вам потребуется гиперреле. Это единственное, что сработает достаточно быстро. И причем не одно, а множество.

— А вы в состоянии его сделать?

— Что ж тут сложного?

Конечно.

— А как насчет деталей? Можно будет их достать, не вызывая никаких толков? Ну, по ходу вашей работы?

Семмик выпятил нижнюю губу.

— Достать пятьдесят гиперреле... Мне не требовалось столько за всю мою жизнь.

— Мы сейчас работаем над оборонным проектом. Неужели вы не способны придумать что-нибудь безобидное, для чего их якобы пришлось бы использовать? Деньги у нас есть.

— Гм-м-м. Возможно... я постараюсь что-нибудь предпринять.

— Гиперреле должно получиться миниатюрным. Так,

провода, трубки... Великий Космос, у вас тут несколько сотен контуров!

— Знаю. Размер?

Семмик развел руки.

— Слишком большой, — возразил Дарелл. — Нужно, чтобы он вмещался в маленький карман.

Доктор очень медленно скатал чертеж в маленький шарик и бросил в пепельницу. Короткая вспышка — и шарик исчез.

— Кто к вам пришел? — спросил Дарелл.

Семмик наклонился над маленьким белым экраном на своем столе.

— Это наш молодой человек, Антор. С ним еще кто-то.

Дарелл отодвинул свое кресло на место.

— Ничего об этом не говорите, Семмик. Нам смерть, если *они* узнают. С нас достаточно, мы рискуем собой.

Пеллис Антор так и горел жаждой деятельности. В спокойном и тихом воздухе кабинета Семмика его рукава летали, словно подхваченные ветром.

— Доктор Дарелл, доктор Семмик — Орум Диридж, — представил он своего спутника. Это был высокий худой человек, горбатый нос на его прямом лице придавал ему несколько дьявольское

выражение.

Доктор Дарелл протянул руку.

— Лейтенант полиции

Диридж, — слегка улыбнувшись, уточнил Антор и многозначительно добавил: — С Калгана.

Дарелл повернулся и горящим взглядом уставился на молодого человека.

— Лейтенант полиции Диридж с Калгана, — отчетливо повторил он. — И вы привели его сюда. Зачем?

— Потому что он последним видел на Калгане вашу дочь... Эй, что вы делаете?!

Победный взгляд Антора сменился озабоченным выражением на лице, и он бросился разнимать

двух мужчин. Совладать с Дареллом было довольно трудно, но все же не совсем деликатно Антор заставил пожилого человека сесть обратно в кресло.

— Что вы делаете? — Антор поправил прядь волос, упавшую ему на лоб, присел на край стола и принялся задумчиво качать ногой. — Я думал, что принес вам хорошие вести.

Дарелл обратился прямо к полицейскому:

— Что он имеет в виду, говоря, что вы последний человек, видевший мою дочь? Она погибла? Пожалуйста, скажите мне всю правду!

Лицо Дарелла побелело от едва сдерживаемого волнения. Лейтенант Диридж бесстрастно ответил:

— Было сказано так: последний на Калгане. Сейчас ее на Калгане нет, больше ничего не знаю.

— Послушайте, — вмешался Антор, — давайте я все расскажу, как было. Извините, док, если я немного переиграл, но вы всегда были так бесстрастны, что я даже не учел ваших отцовских чувств. Во-первых, лейтенант Диридж — один из нас. Он родился на Транторе, но отец взял его с собой на Калган, когда последовал за Мулом. Я отвечаю за преданность лейтенанта Основанию. Контакт с Дириджем был установлен

на следующий день после того, как мы перестали получать ежедневные рапорты от Мунна.

— Почему? — свирепо перебил его Дарелл. — Я был уверен, что мы решили окончательно и бесповоротно не вмешиваться в ход событий. Вы рискуете многими жизнями!

— Я занимаюсь этим делом основательнее, нежели вы. У меня есть связи на Калгане, о которых вы ничего не знаете, потому что все мои действия базируются на более глубоких знаниях! Это вам понятно?

— Думаю, вы просто сумасшедший.

— Вы согласны слушать?!

Последовало молчание, затем веки доктора Дарелла опустились. Антор криво улыбнулся.

— Ну хорошо, док, дайте мне всего несколько минут. Говорите, Диридж.

Диридж спокойно продолжал:

— Насколько я знаю, доктор, ваша дочь на Транторе. По крайней мере, в Восточном Космопорте она держала билет до Трантора. Девочка была с торговым представителем этой планеты, который утверждал, что она его племянница. У вашей дочери несколько странная коллекция родственников, доктор. Это уже второй дядя, которого она поменяла всего за две недели.

Транторйец даже пытался подкупить меня и, наверное, решил, что именно благодаря этому им удалось ускользнуть, — лейтенант хмуро улыбнулся.

— Как она?

— Насколько я мог судить, все было в порядке. Правда, девочка выглядела испуганной, но я ее понимаю. Вся полиция была поднята на ноги. Я до сих пор не знаю, почему.

Дарелл сделал глубокий вдох. Впервые за эти несколько минут он почувствовал, что у него сильно дрожат руки, и с трудом заставил себя успокоиться.

— Значит, с ней все в порядке?

А торговый представитель? Кто он такой? Скажите, при чем здесь он?

— Сам не знаю. Вы что-нибудь слышали о Транторе?

— Когда-то я жил там. Сейчас это сельскохозяйственная планета. Экспортирует в основном корм для животных и высококачественное зерно, которое продается по всей Галактике. На планете примерно двадцатка кооперативных ферм, и каждая имеет представителя на других планетах. Умные люди всегда добиваются своей выгоды.

— Я знаю это. Он уже бывал на Калгане раньше, и обычно с женой. Идеально честен и совершенно безвреден.

— Гм, — произнес Антор. — Аркадия ведь родилась на Транторе, не так ли, доктор?

Дарелл кивнул.

— Все сходится. Она хотела улететь как можно быстрее и как можно дальше, и первым ей пришел в голову Трантор. А вы как полагаете?

— Но почему не домой? — удивился Дарелл. — Может быть, она считала, что ее преследуют, и хотела запутать следы? Кто знает.

У доктора не хватало духа спрашивать дальше.

— Надеюсь, она теперь будет в безопасности на Транторе, если в этой ужасной Галактике вообще можно быть сейчас в безопасности.

Он встал и направился к двери. Почувствовав легкое прикосновение руки Ангора к своему плечу, Дарелл остановился, но не обернулся.

— Не возражаете, если я пойду домой вместе с вами, док?

— Да, конечно, — последовал рассеянный ответ.

К вечеру все волнения, вынуждавшие Дарелла контактировать с другими людьми, улеглись, и он снова укрылся в своей непроницаемой броне. Доктор отказался от ужина и весь вечер провел над энцефалографическим анализом, глубоко и лихорадочно проникая в его сложные математические данные. Была почти

полночь, когда он снова появился в гостиной. Пеллис Антор находился все еще там, вертя ручки на стойке видео и пытаясь поймать что-нибудь, кроме бюллетеней. Похоже, крейсер «Хобер Мэллоу» задерживался и ничего не давал о себе знать.

— Какие есть версии, доктор?

— А как вы думаете?

Калганские головорезы. Сообщают, что звездолеты военного флота Калгана находятся как раз в том секторе, из которого последний раз выходил на связь «Хобер Мэллоу».

Дарелл пожал плечами, Антор же с сомнением потер лоб рукой.

— Послушайте, док, — сказал он. — Почему бы вам не отправиться

на Трантор?

— С какой стати?

— Здесь вы все равно не приносите никакой пользы: вы сам не свой. Да это и понятно. А на Транторе вы могли бы выполнить одно важное задание. Старая Имперская Библиотека с полными отчетами о Сэлдоновской Конференции...

— Нет! Библиотеку просматривали уже тысячу раз, но так и не смогли ничего обнаружить.

— Но она помогла когда-то Эблингу Мису.

— Откуда вы знаете?

— Говорят, что он обнаружил Второе Основание и ваша мать убила

его за пять секунд до того, как он хотел объявить о своем открытии Мулу. Но вы понимаете, что, сделав это, она уничтожила всякую возможность выяснить, действительно ли Мис нашел то, что искал. В конце концов, ни один человек не смог больше ничего почерпнуть из этих отчетов.

— Если вы помните, Эблинг Мис работал под сильнейшим нажимом интеллекта Мула.

— Да, но мы не можем знать ничего о свойствах мозга, находящегося под эмоциональным контролем.

— Как бы то ни было, я не лечу на Трантор.

Антор нахмурился.

— Почему вы так раздражаетесь? Я просто предложил... Клянусь Космосом, я вас понимаю! Вы постарели лет на десять. Вам, очевидно, тяжело это переносить. Но здесь вы не делаете ничего, что могло бы стать нам полезным, и если бы я оказался на вашем месте, то не задумываясь полетел бы за девочкой.

— Вот! Именно это мне хочется сделать. Значит, я этого не сделаю. Подумайте, Антор, и попытайтесь понять. Мы связались с силами, о которых не имеем ни малейшего представления и с которыми не можем бороться. Если вы рассудите

трезво, то многое поймете и отбросите в сторону всякое донкихотство. Уже пятьдесят лет, как мы узнали, что Второе Основание — реальные потомки и ученики математика Сэлдона, значит, — и вы это прекрасно понимаете — ничего в Галактике не делается без их предварительного расчета. Для нас вся жизнь — серия случайностей, с которыми нужно справляться, импровизируя. Для них же вся жизнь — это цель, к которой они идут, предварительно все рассчитав.

Но у них есть свои слабости. Они — статисты, и только действия масс поддаются их расчетам. Далее. Какую роль я как индивидуум играю

в предсказанном ходе истории? Не знаю, возможно, у меня и нет определенной роли, ибо План оставляет индивидууму свободу воли. Но я достаточно важен, и они могли по меньшей мере рассчитать мои вероятные реакции. Поэтому я не доверяю своим импульсам, желаниям, и хочу поставить их перед фактом непредсказуемости моих действий. Таким образом, я остаюсь, несмотря на то, что отчаянно хочу лететь. Нет — потому что я хочу лететь!

Молодой человек хмуро улыбнулся.

— Вы не знаете своего собственного мозга настолько,

насколько его знают они. Представьте, что, изучив вас, они могли рассчитать все, что вы думаете, все ваши реакции, просто предвидя, как сработает ваша логика в данной ситуации.

— В таком случае, нельзя ничего сделать. Потому что если я последую вашей логике и полечу на Трантор, то и это может быть в свою очередь предусмотрено. Это бесконечная цепь обманов — обман в обмане и так далее. Независимо от того, как далеко я зайду, распутывая этот клубок, я либо останусь, либо улечу. Все ухищрения, на которые они пошли, чтобы моя дочь оказалась чуть ли не на другом конце

Галактики, вряд ли могут означать, что они хотели бы моего присутствия здесь. Это могло быть сделано только с целью заставить меня улететь — поэтому я остаюсь.

Кроме того, Антор, не на всем лежит печать Второго Основания, не все события являются результатом их расчетов. В деле с Аркадией они могут быть и ни при чем, и она, вероятно, в безопасности на Транторе, в то время как мы все погибнем.

— Нет! — резко сказал Антор. — Тут вы ошибаетесь.

— У вас на этот счет другое мнение?

— Да, если вы хотите меня

выслушать.

— Ну, конечно! Терпения мне не занимать.

— Что ж, тогда... Хорошо ли вы знаете свою дочь?

— Так хорошо, как один человек может знать другого. Разумеется, я не могу знать всего.

— Как и я в данном случае, но с той лишь разницей, что я могу взглянуть на нее свежим, непредубежденным взглядом. Пункт первый: она до безумия романтична. Будучи единственной дочерью ученого, живя дома в изоляции и увлекаясь видеофильмами и приключенческой литературой, она существует в созданном ею самой

мире шпионажа и интриг. Пункт второй: Аркадия умна, по крайней мере, достаточно умна, чтобы обмануть вас. Она тщательно подготовила и успешно осуществила подслушивание нашего первого заседания и тщательно подготовила отлет с Мунном на Калган, также прошло успешно. Пункт третий: Аркадия безумно преклоняется перед своей бабушкой, вашей матерью, которая победила Мула.

Как видите, пока что я прав, возразить на это нечего. Далее. Я получил полный отчет лейтенанта Дириджа, кроме того, на Калгане у меня есть и другие источники информации. Все данные совпадают.

Мы знаем, например, что Хомир Мунн получил отказ со стороны лорда Калгана на просьбу разрешить посещение дворца Мула и что этот отказ был внезапно отменен после беседы Аркадии с леди Каллией, подругой Первого Гражданина.

Дарелл прервал его:

— Откуда вы все это знаете?

— Прежде всего, Мунн был допрошен Дириджем как раз перед началом поисков Аркадии. Разумеется, у нас есть запись всех вопросов и ответов. А теперь возьмите саму леди Каллию. Ходят слухи, что лорд Сеттин потерял к ней всякий интерес, но факты их опровергают. Никто не занимает

место Каллии, более того, она лорд Калгана. Да к тому же открыто помогает Аркадии бежать. Как минимум дюжина солдат утверждает, что их видели вдвоем в тот день, когда Аркадия исчезла. И тем не менее ее даже не называют, хотя на поиски Аркадии подняли всю полицию.

— Но какие выводы из всего этого?

— Побег Аркадии был организован.

— Я говорил то же самое.

— Но следует кое-что добавить.

Аркадия должна была знать, что он организован, а она умная девочка и стала рассуждать, как вы. Кто-то

хотел, чтобы она вернулась на Основание, но вместо этого она улетела на Трантор.

— Ну?

— Потому что именно туда Бейта, идеализированная ею бабушка, улетела, когда ее преследовали. Вольно или невольно, Аркадия ей подражала. Хотел бы я знать: она убегала от того же врага?

— Мула? — спросил Дарелл с сарказмом.

— Конечно, нет. Аркадия убегала от Второго Основания или от его влияния на Калгане — с ментальными силами она бороться не в состоянии.

— О каком влиянии вы

говорите?

— А вы считаете, что Калган не находится под той же угрозой, что и мы? Мы оба пришли к заключению, что побег Аркадии был организован, так? Ее искали и нашли, но намеренно отпустили через Дириджа. Понимаете? Но как все получилось? Он был нашим человеком, однако откуда им стало известно? Может, они решили, что Диридж предатель, как вы думаете, док?

— Теперь из ваших слов следует, что они действительно пытались поймать Аркадию. Честно говоря, я немного устал от вас, Антор. Заканчивайте свою мысль — и

пойдемте спать.

— Я почти закончил.

Антор сунул руку в карман и достал несколько фотозаписей. На бумаге виднелись знакомые линии энцефалограммы.

— Мозговые колебания Дириджа, — небрежно бросил он, — сняты по его возвращении.

Дарелл все понял с первого взгляда, и лицо его стало хмурым.

— Диридж под контролем.

— Вот именно. Он позволил Аркадии скрыться не потому, что был нашим человеком, а потому, что так было приказано ему Вторым Основанием.

— Даже после того, как он

узнал, что Аркадия летит не на Терминус, а на Трантор?

Антор пожал плечами.

— От Дириджа требовалось всего-навсего отпустить девочку. Он был лишь орудием в руках Второго Основания. Аркадия же предпочла самый простой путь и сейчас находится в безопасности до тех пор, пока Второе Основание не просчитает другой вариант.

Антор замолчал. Сигнальная лампочка над видео внезапно замигала — это означало, что сейчас состоится важный выпуск новостей. Начав слушать его с середины предложения, мужчины тотчас узнали, что найдены обломки

«Хобера Мэллоу» и что после пятидесяти лет мира Основание снова вовлечено в войну.

Антор заскрипел зубами.

— Ну вот, док, вы сами слышали. Калган атакует, а он под контролем Второго Основания. Теперь вы поедете за дочерью на Трантор?

— Нет. Я рискну остаться здесь.

— Доктор Дарелл, вы не так умны, как ваша дочь. Хотелось бы знать, насколько вам можно доверять.

Несколько секунд Антор смотрел Дареллу в глаза, затем повернулся и вышел. Доктора охватило отчаяние. По видео

передавали оживленную сводку о первом часе боевых действий между Основанием и Калганом.

11. Война

Мэр Основания ожесточенно почесал затылок и вздохнул.

— Сколько лет мы потеряли, сколько шансов упустили! Я не жалею, доктор Дарелл, но мы заслуживаем поражения.

Дарелл спокойно ответил:

— Не вижу причин для такого отчаяния, сэр.

— Не видите причин!!! Клянусь Галактикой, доктор, что тут можно поделаться?! Подойдите сюда...

Он почти силой потащил Дарелла к небольшому кубу на подставке. Вслед за прикосновением руки мэра куб засверкал изнутри

точной копией двойной спирали Галактики.

— Желтый цвет, — возбужденно заговорил мэр, — это планеты, контролируемые Основанием, красный — Калганом.

То, что увидел Дарелл, представляло собой красную сферу, находившуюся внутри желтого вытянутого кулака, окружавшего ее со всех сторон, кроме одного направления — центра Галактики.

— Галактография, — сказал мэр, — наш величайший враг. Адмиралы Основания не делают секрета из того, что наше стратегическое положение почти безнадежно. Посмотрите. Враг

захватил все внутренние линии сообщения, он сконцентрировался и приготовился встретить нас с любого направления, защищаясь с минимальной затратой сил. Наши же силы разбросаны. Среднее расстояние между населенными мирами Основания примерно в три раза больше, чем между мирами Калгана. Чтобы попасть из Сантани на Локрис, например, нам нужно покрыть двести пятьдесят парсеков, а им только восемьдесят.

— Я все понимаю, — сказал доктор Дарелл.

— Но вы не понимаете, что означает наше поражение.

— В войне выигрывает не

расстояние. Я утверждаю: вы не можете проиграть. Это невозможно.

— А почему вы так думаете?

— Потому что я правильно интерпретировал План Сэлдона.

— О! — мэр скривил рот и сложил руки за спиной. — Значит, вы тоже надеетесь на мистическую помощь Второго Основания?

— Нет. Просто на помощь неизбежного, а также на нашу отвагу и бесстрашие.

И все же, несмотря на то что Дарелл говорил с твердой убежденностью, он думал... А что, если...

Что, если Антор прав, и Калган — прямое оружие ментальных сил

этих волшебников?! Что, если их цель — победить и уничтожить Основание? Но нет, это просто бессмысленно.

И все же...

Дарелл горько улыбнулся. Постоянно одно и то же, постоянно перед ним возникала полупрозрачная стена, сквозь которую все так хорошо было видно врагу.

Значение ситуации, отображенной с помощью галактографии, не ускользнуло и от лорда Сеттина.

Лорд Калгана стоял перед двойником галактической модели, которую рассматривали Дарелл и

мэр, но там, где мэр хмурился, лорд Сеттин улыбнулся.

Адмиральский мундир сверкал на его массивной фигуре, производя солидное впечатление. Алая лента Ордена Мула, которым наградил лорда Первый Гражданин, свергнутый им же через шесть месяцев не без применения силы, по диагонали пересекала грудь Сеттина от плеча до талии. Серебряная Звезда с Кометами и Шпагами весело поблескивала на его левом плече.

Лорд повернулся к шести членам генеральской ставки, чьи мундиры сверкали едва ли меньше, чем его собственный, и первому министру — худому седобородому

старику, который терялся в таком окружении.

— Я думаю, мы приняли верные решения, — произнес лорд. — Мы можем позволить себе роскошь подождать. Для них же каждый день задержки — еще один удар по боевому духу. Если они попытаются защитить свои планеты, им придется значительно рассредоточить силы, и мы сможем ударить по двум направлениям — вот здесь и здесь. — Сеттин показал на модели Галактики две белые стрелы, пронзающие желтый кулак и отрезающие Терминус с двух сторон. — Таким образом, мы блокируем их флот, разбиваем его на

три части, которые можно дробить и дальше. Если же они сконцентрируют силы, то отдадут нам две трети своих планет добровольно и скорее всего рискнут организовать восстание.

Последовали шумные реплики, сквозь которые едва пробился слабый голос первого министра.

— Максимум через шесть месяцев Основание станет в шесть раз сильнее. Ресурсов у них больше, чем у нас, и мы это прекрасно знаем. У них численное превосходство в звездолетах, не говоря о живой силе. Вероятно, безопаснее нанести быстрый удар.

Старик пользовался явно

наименьшим влиянием в этой компании. Лорд Сеттин ухмыльнулся и небрежно махнул рукой.

— Шесть месяцев, пусть даже год. Люди Основания не могут подготовиться, они идеологически не способны на это. Вся их философия зиждется на вере в то, что Второе Основание спасет их. Но не на сей раз, не так ли?

Присутствующие смущенно зашевелились.

— Мне кажется, у вас не хватает уверенности, — напряженно произнес лорд Сеттин. — Значит, еще раз необходимо просмотреть отчеты наших агентов с Основания. Или прочесть материалы

исследований Хомира Мунна, агента Основания, который на данный момент находится, гм-м-м... у нас на службе. Давайте разойдемся, господа.

Сеттин вернулся в свои покои с застывшей улыбкой. Иногда он с удивлением думал об этом Хомире Мунне. Станный, хлипкий человек, естественно, не сдержавший своих обещаний, но тем не менее разыскавший интересные сведения, которые были очень даже убедительны, особенно в присутствии леди Каллии.

Улыбка лорда стала еще шире. Эта толстуха, в конце концов, иногда приносит пользу. По крайней мере,

она без особого труда вытягивает из Мунна интересные сведения. Почему бы не подарить ее Мунну? Сеттин нахмурился. Черт бы побрал ее глупую ревность! Великий Космос! Если бы эта девочка Дарелла была еще у него! Почему, интересно, он не разбил о стену глупую башку своей любовницы, когда она устроила этот побег.

Лорд и в самом деле не мог понять, в чем тут дело. Может, в том, что у Каллии все так хорошо получается с Мунном? Ведь именно Мунн откопал сведения, доказывающие, что сам Мул отрицал существование Второго Основания, а его адмиралам теперь просто

необходима полная уверенность в этом. Сеттин с удовольствием обнародовал бы нужные сведения, но требовалось, чтобы Основание верило в несуществующую помощь. А может, Каллия подсказала ему это?

Ну, конечно, она сказала...

А, ерунда! Что умного могла сказать Каллия! И все же...

Сеттин помотал головой, отгоняя нагромождение мыслей, и пошел дальше.

12. Призрачный мир

Трантор был миром обломков старого и зачатков нового.

Ушли времена, когда невидимые нити управления тянулись от его металлической рубашки ко всем звездам Галактики Столетия назад все было кончено, и величие Трантора кануло в Лету.

Выжившие после всех катастроф и войн люди позабыли бы совсем о величественном и грандиозном прошлом своей планеты, если бы не огромные металлические конструкции, в гордом молчании уносящиеся в небо.

Аркадия смотрела на

металлическую панораму горизонта с болью в сердце. Деревня, в которой жили Палверы, казалась ей скопищем домиков, маленьких и примитивных. Поля, окружавшие селение, колыхались золотым морем пшеницы, но дальше, у горизонта, все еще жило то, что пока еще можно было назвать памятью прошлого, и солнце горело огнем, отражаясь в металлических небоскребах.

Аркадия побывала там однажды, живя на Транторе уже три месяца. Взобравшись на гладкий сплошной тротуар, она проникла в молчаливые, запыленные помещения. Сквозь пробоины и поломанные окна пробивался солнечный свет. От

одного вида подобного разрушения болело сердце. Это было святотатством.

Аркадия побежала, не останавливаясь ни на секунду, и перевела дух, лишь когда ноги ее вновь коснулись земли.

С тех пор она смотрела на здания лишь издалека, не смея вновь нарушить их уединение. Аркадия знала, что где-то на этой планете, рядом с местом ее рождения, располагалась старая Имперская Библиотека. Это был, по сути дела, Трантор в Транторе, святая святых, самое священное место на свете. Только это здание по всей планете пережило ужасы времен великого

Сакса и на протяжении веков являлось неприкосновенным хранилищем знаний всей Галактики.

Там Хари Сэлдон и его группа соткали немыслимую по своей сложности сеть, там Эблинг Мис раскрыл секрет Второго Основания и долго сидел в немом изумлении, а затем был убит, чтобы тайна осталась тайной.

Здесь, в Имперской Библиотеке, бабушка и дедушка Дарелл жили на протяжении десяти лет, затем умер Мул, и они смогли вернуться на освобожденное Основание. Сюда, в Имперскую Библиотеку, вернулся и отец Аркадии в поисках Второго Основания. Но у него ничего не

получилось. Здесь маленькая Дарелл родилась, и здесь же умерла ее мать.

Аркадия хотела побывать в Библиотеке, но Прим Палвер покачал головой:

— Она в тысячах миль отсюда, а у нас много дел. Кроме того, не стоит ничего там тревожить, ты же знаешь — это святыня.

Но девочка понимала, что он не хочет посетить Библиотеку по той же причине, по которой жители Калгана обходили стороной дворец Мула: суеверный страх сковывал пигмеев настоящего перед реликвиями великого прошлого.

Впрочем, не стоило обижаться за это на смешного маленького

человечка. Аркадия была на Транторе уже три месяца, и все это время папочка и мамочка относились к ней просто по-родственному. А что четырнадцатилетняя девочка могла дать взамен? Зачем вообще надо было вовлекать их во всеобщую катастрофу? Или, может быть, следовало предупредить их о том, что она — человек меченый и ее в любой момент могут уничтожить? Нет! Аркадия позволила взять этим людям на себя смертельно опасную роль ее защитников. В душе она ужасно корила себя за это, но, с другой стороны, был ли у нее иной выход?

Дарелл неохотно пошла на

завтрак и слышала голоса.

Заткнув за воротник салфетку, Прим Палвер повертел толстой шеей, устраиваясь поудобнее, и с невообразимым чувством удовлетворения принялся за яйца всмятку.

— Вчера я был в городе, мать, — сказал он, набив рот так, что понять его было довольно трудно.

— И что же в городе? — безразличным тоном спросила мамочка, усаживаясь и опытным хозяйским глазом окидывая стол. Заметив, что не хватает соли, она снова встала.

— А, неважно. С Калгана

прилетел звездолет с газетами. Там война.

— Война? Вот как! Ну и пусть ломают себе черепа, если в них ничего нет. Слушай, ты уже получил свой чек? Ты предупредил старого Кокера, что это единственный кооператив на свете? Смотри, отец. Мне и так стыдно говорить нашим друзьям, сколько тебе заплатили, но хоть чек-то можно выписать вовремя!

— Вовремя, не вовремя, — раздраженно ответил папочка. — Послушай, перестань пилить меня хоть за завтраком, а то кусок в горло не лезет, — и с этими словами он заполнил рот тостами с сыром. Вдруг, что-то вспомнив, папочка

добавил более миролюбивым тоном:

— Война между Калганом и Основанием, и дерутся они уже два месяца, — он сцепил руки, насмешливо изобразив космическую битву.

— Гм-м-м, и каковы результаты?

— Плохи дела у Основания. Ну, ты ж сама видела Калган, там все солдаты. Они подготовились, а Основание нет, и — ба-бах!

Внезапно мамочка положила свою вилку и зашипела:

— Дурак!

— А?

— Тупица! Твой болтливый язык вечно несет, что не надо!

Она быстро мотнула головой, и,

обернувшись, папочка увидел застывшую в дверях Аркадию.

— Основание воюет? — спросила она.

Папочка безнадежно посмотрел на мамочку и кивнул головой.

— И они проигрывают?

Вновь последовал кивок. Аркадия почувствовала, как что-то сдавило ей горло, и подошла к столу.

— Значит, все кончено, — прошептала она.

— Кончено? — переспросил папочка с фальшивым оптимизмом. — Кто сказал, что все кончено? На войне всякое случается и... и...

— Садись, моя дорогая, —

успокаивающим тоном пригласила мамочка. — Не следует говорить перед завтраком. Пока ты голодна, считай, что нездорова.

Но Аркадия не обратила на нее никакого внимания.

— Значит, калгиане уже на Терминусе?

— Нет, — серьезно ответил папочка. — Новости, правда, недельной давности, но Терминус еще сражается. Это честно. И Основание еще сильно. Хочешь, я принесу тебе газеты?

— Да!

Аркадия прочитала их за завтраком, если то, что она съела, можно было таковым назвать, и глаза

ее то и дело застилали слезы. Сатани и Корель завоеваны без боя. Эскадра звездолетов Основания загнана в ловушку возле Инфии и уничтожена почти до последнего корабля. Сейчас Основание вернулось к тому, с чего когда-то начинало, — к Четырем Королевствам, объединенным еще Сальвором Хардином, первым мэром. Но оно все еще сопротивлялось, и еще оставался шанс. Что бы ни случилось, Дарелл должна предупредить своего отца.

Она должна как-то сообщить ему!

Должна!

Но как? К тому же началась война. После завтрака Аркадия

спросила папочку:

— Скоро вам поручат очередную миссию, мистер Палвер?

Папочка сидел в роскошном кресле на лужайке и принимал солнечные ванны. Большая сигара дымилась между его толстыми пальцами, и он походил на довольного жизнью пса.

— Миссию? — лениво переспросил Палвер. — Кто знает. Мой отпуск еще не кончился, и он мне нравится. Зачем говорить о новых миссиях? Тебе не сидится на месте, Аркадия?

— Мне? Что вы, мне здесь нравится. Вы и миссис Палвер очень добры ко мне.

Он отмахнулся.

— Я думаю о войне, — сказала Аркадия.

— Не надо о ней думать. Что ты можешь сделать? Если нельзя ничем помочь, то и не стоит мучиться.

— Но я думаю, что теперь Основание потеряло большую часть своих сельскохозяйственных миров. Наверное, продукты там выдают сейчас строго по карточкам.

Папочке стало как-то неуютно, и он заерзал в кресле.

— Не беспокойся, все будет в порядке.

Аркадия почти не слышала его.

— Я хотела бы передать им продуктов. Вы знаете, после того как

Мул умер и Основание восстало, Терминус был некоторое время полностью изолирован, и Ган Притчер, наследник Мула, вел осаду. Продукты почти кончились, и отец со слов дедушки рассказывал, как люди питались сухими аминокислотными концентратами, просто ужасными на вкус. Одно яйцо стоило тогда двести кредиток. А затем они прорвали осаду, и с Сантани подоспели продуктовые звездолеты. Наверное, все это было страшно. Что и говорить, сейчас там происходит то же самое.

Наступило молчание, затем Аркадия заговорила снова:

— А знаете, могу поспорить,

что Основание платит сейчас колоссальные деньги за продовольствие. Вдвойне, втройне и даже больше. Если бы какой-нибудь кооператив Трантора взялся за такую миссию, то, конечно, мог бы потерять несколько звездолетов, но зато все члены его стали бы миллионерами. В былые дни торговцы Основания постоянно так делали. Когда шла война, они рисковали и продавали воюющим сторонам все необходимое, зарабатывая по два миллиона кредиток за один только рейс. Представляете, два миллиона чистой прибыли! Больше товаров просто не помещалось в трюмах их кораблей.

Папочка зашевелился. Сигара продолжала гореть, но он не обращал на нее внимания.

— Продуктовая сделка, да? Гм. Но ведь Основание так далеко!

— О, я знаю! Думаю, что здесь у вас не получится ничего организовать. Если бы полетели на рейсовом звездолете, то, возможно, добрались бы до Массены или Смишека, а там всегда можно нанять маленький скутер, который проскочит через все осадные линии.

Прикидывая выгоду, папочка задумчиво перебирал пальцами волосы.

Через две недели все приготовления к путешествию были

окончены. Все последнее время мамочка суежилась, крича сперва, что это просто самоубийство, потом настаивая на том, чтобы папочка взял ее с собой. При этом всякие возражения были бесполезны.

— Мать, ты ведешь себя как старая леди, — говорил ей папочка. — Я не могу взять тебя с собой, это не женское дело. Ты думаешь, война — это забава? Детские игры?

— Почему тогда летишь ты? Неужели считаешь себя мужчиной, старый дурошлеп? Да ты одной ногой в могиле! Пусть ним делом занимаются молодые, а не старые, толстые и лысые, как ты.

— Я не лысый, — с достоинством возразил папочка. — У меня еще много волос. И почему это я должен упускать свою выгоду? Почему это должно достаться молодому? Слушай, тут пахнет миллионами!

Мамочка знала это и потому сдалась.

Увидев Палвера перед отлетом, Аркадия спросила:

— Вы летите на Терминус?

— А что в этом такого? Ты сама говорила, что им нужны хлеб, рис и картофель. Вот и я заключу с ними контракт.

— Тогда... У меня к вам просьба. Если вы будете на

Терминусе, не сможете ли вы навестить моего отца?

Лицо папочки покрылось морщинами и засияло от симпатии.

— Ох, старый я дурак, ждал, пока ты сама мне напомнишь. Ну, конечно, я навещу твоего отца и скажу, что ты в безопасности и что у тебя все в порядке. А когда война кончится, я привезу ему его дочь.

— Спасибо. Я скажу вам, где живет папа. Его зовут Торан Дарелл. Наш дом находится в Сентмарке. Это совсем рядом с Терминус-сити, и туда ходит рейсовый самолет. Адрес: пятьдесят пять, Чарнелл Драйв.

— Подожди, я запишу.

— Нет, нет! — Аркадия схватила

его за руку. — Этого нельзя записывать, и вы должны найти наш дом без посторонней помощи.

Похоже было, что папочка удивился, но он только пожал плечами.

— Ну, хорошо. Значит, пятьдесят пять, Чарнелл Драйв в Сентмарке, рядом с Терминус-сити, и попасть туда можно на маленьком самолете, правильно?

— И еще одна деталь...

— Да?

— Вы передадите ему то, что я сейчас скажу?

— Ну, конечно!

— Я хочу сказать это на ухо.

Палвер наклонил к девочке

слегка отвисшую щеку, и Аркадия тихо прошептала ему на ухо. Глаза папочки округлились.

— Ты хочешь, чтобы я передал это? Но это же бессмыслица!

— Он поймет. Просто передайте ему то, что я сказала, и именно этими словами. Не перепутайте и не забудьте.

— Да как я могу забыть всего четыре слова! Вот, слушай...

— Нет, нет! — Аркадия аж подпрыгнула на месте. — Не повторяйте! Никому и никогда не повторяйте этих слов. Забудьте о них, пока не встретите моего отца. Обещаете?

Папочка снова пожал плечами.

— Ладно, обещаю. Пока!

— Пока, — повторила Аркадия, глядя ему вслед.

Палвер шел к аэротакси, которое должно было отвезти его в космопорт, а девочка думала, не подписала ли своими словами ему смертный приговор. Увидит ли она его снова?

Аркадия едва осмелилась войти в дом и посмотреть в глаза доброй, хорошей мамочке.

Наверное, когда все кончится, ей лучше убить себя за то, что она сделала с этими людьми.

13. Конец войны

Квирстон... битва между силами Основания и лорда Сетгина при К. имела место 9.17.377 Э. О. Это была последняя битва Основания в период запланированного тысячелетия.

*Галактическая
Энциклопедия*

Джолю Турбору нравилось, как он выглядит в новом военном мундире, который он надел, став военным корреспондентом. Ему доставляло огромное удовольствие

быть снова в космосе и видеть настоящую битву, а не ту призрачную, что велась со Вторым Основанием.

Правда, эта война не отмечалась пока победами Основания, но смотреть на все еще можно было философски. По истечении шести месяцев сражений само Основание и его Четыре Королевства не были побеждены, и в их распоряжении пока находились основные силы космического флота. Благодаря новым пополнениям флот стал более сильным в численном отношении и еще сильнее в техническом.

В это время третий флот, в котором служил Турбор, находился

на границе с Анакреоном. В комнату Турбора вошел младший офицер Типпелиум. Предложив корреспонденту сигарету, он лихо заломил на затылок фуражку.

— Вы слышали, мы захватили пленного, — сообщил он.

— Ну?

— Какой-то сумасшедший коротышка. Кричит, что он с нейтральной стороны и дипломатически неприкосновенен. По-моему, наши не знают, что с ним делать. Его зовут Палвор или Палвер, что-то в этом роде. Он с Трантора. Понятия не имею, чего он торчит в военной зоне.

Но Турбор уже принял сидячее

положение на своей койке, и сладкий сон, в который он собирался было погрузиться, мгновенно улетучился. Турбору хорошо запомнился последний разговор с Дареллом во второй день войны, когда он собирался лететь в зону военных действий.

— Прим Палвер, — повторил он скорее утвердительно, чем вопросительно.

Типпелиум задумался и с наслаждением выпустил носом дым.

— Да, — сказал он. — А вы откуда знаете?

— Неважно. Я могу его видеть?

— Великий Космос, откуда мне это знать? Шеф взял его к себе в

рубку для допроса. Все считают, что он шпион.

— Вы лучше скажите шефу, что я его знаю и беру на себя всю ответственность, если он не тот, за кого себя выдает.

Капитан Даксайд, офицер третьего флота, не мигая смотрел на Главный Детектор. Каждый звездолет излучал субатомную субстанцию, и это излучение отражалось на Главном Экране маленькой искоркой.

На Детекторе сейчас просматривались все звездолеты Основания, но не осталось ни единой лишней искорки после того,

как маленький шпион, твердивший о своем нейтралитете, был арестован. Этот звездолет со стороны вызвал на некоторое время оживление в рубке. Может быть, следовало немедленно изменить тактику, но теперь...

— Вы уверены в правильности расчетов? — переспросил капитан.

Командор Кенн кивнул.

— Я проведу всю эскадру через гиперкосмос: радиус 10000 парсеков, тета — 269 градусов, фи — 34,15 градуса. Возвращение обратно в 13.30. Время отсутствия — 11,83 часа.

— Хорошо, только учтите — нам нужна абсолютная точность, как в пространстве, так и во времени.

Понятно?

— Есть, капитан, — Кенн посмотрел на часы. — Мои звездолеты будут готовы в 01.40.

— Хорошо, — ответил капитан Даксайд.

Калганская эскадра еще не вошла в пределы Детектора, но скоро должна была войти. Полученная со стороны информация оказалась точной. Без эскадры Кенна силы Основания будут уступать силам Калгана, но капитан был уверен в успехе. Он был твердо уверен.

Прим Палвер тоскливо осмотрелся вокруг. Сначала он взглянул на высокого худого

адмирала, затем на других людей в мундирах и наконец на большого плотного человека с расстегнутым воротничком и без галстука, непохожего на остальных. Именно он хотел поговорить с Палвером.

Джоль Турбор в это время настаивал:

— Я отдаю себе полный отчет в серьезности положения, адмирал, но если бы вы разрешили мне поговорить с ним несколько минут, то я, возможно, смог бы прояснить создавшуюся ситуацию.

— Но почему вы не хотите сделать это в моем присутствии? Какая у вас на это причина?

Турбор упрямо поджал губы.

— Адмирал, — сказал он, — пока я с вашими звездолетами, о третьем флоте по видео говорят только хорошее. Вы можете поставить у двери охрану и, если хотите, вернуться, через пять минут. А пока пойдите мне навстречу, и, я уверяю, ваш авторитет от этого не пострадает. Вы меня понимаете?

Адмирал понял.

Оставшись наедине с Палвером, Турбор повернулся к нему и быстро заговорил:

— Как зовут девочку, которую вы похитили?

Палвер смог только потрясти головой, и глаза его округлились от удивления.

— Я не шучу, — сказал Турбор. — Если вы не ответите, то будете квалифицированы как шпион, а шпионов в военное время расстреливают без суда и следствия;

— Аркадия Дарелл, — выдохнул Палвер.

— *Прекрасно!* Она в безопасности?

Палвер кивнул.

— Лучше бы вам знать это точно, если не хотите больших неприятностей.

— Но девочка совершенно здорова и в полной безопасности, — проговорил пленник дрожащим голосом.

Адмирал вернулся.

— Ну?

— Этот человек не шпион, сэр.

Вы можете верить всему, что он говорит. Я за него ручаюсь.

— Вот как? — адмирал

нахмурился. — Значит, он представитель

сельскохозяйственного кооператива на Транторе, желающего заключить торговый договор о поставках зерна и картофеля на Терминус? Что ж, прекрасно, но сейчас он не сможет никуда улететь.

— Почему? — взволнованно

спросил Палвер.

— Потому что сейчас будет

самый разгар сражения. Когда оно кончится, мы, если останемся в

живых, конечно, отвезем вашу драгоценнейшую особу на Терминус.

Калганская флотилия обнаружила звездолеты Основания с невообразимого расстояния, и так же была обнаружена сама. На Больших Детекторах с обеих сторон были видны маленькие огненные мошки.

Адмирал Основания нахмурился и сказал:

— Должно быть, они решили дать нам генеральное сражение. Посмотрите, сколько звездолетов. Они никогда не решились бы на это, если бы знали об эскадре Кенна.

Но командор Кенн улетел уже много часов назад, перед самым

появлением вражеского флота, и теперь невозможно было изменить первоначальный план, если бы даже возникла такая необходимость. Либо он сработает, либо нет. Но адмирал был абсолютно спокоен, равно как офицеры и матросы.

Они смотрели на огненных мошек, которые сверкали, словно в балете смерти, ровными рядами. Шли часы. Флот Основания медленно отступал, сбивая звездолеты противника в сторону от правильного курса и стараясь завести их в определенный заранее сектор пространства. Пролетавшие мимо корабли подвергались молниеносной и жестокой атаке, но находящиеся

внутри люди оставались невредимыми. Все объяснялось нежеланием флота лорда Сеттина брать инициативу в свои руки. Он предпочитал оставаться на месте до тех пор, пока его не атакуют.

Капитан Диксайд посмотрел на часы.

— Тринадцать десять. У нас еще двадцать минут, — сказал он.

Стоявший рядом лейтенант кивнул головой.

— Пока все идет по плану, капитан. Уже более девяноста процентов их кораблей в нужном нам секторе. Если они там останутся...

— Да. Если.

Корабли Основания опять

медленно двинулись назад, затем вперед, не слишком быстро и не слишком медленно, чтобы калгиане не отступили, но и не ринулись в атаку. Те предпочли ожидание.

А время шло.

В тринадцать двадцать пять на семидесяти пяти звездолетах Основания прозвучал адмиральский звонок, и они ринулись с максимальным ускорением к переднему краю калганского флота, состоящего из трехсот кораблей. Мгновенно включились калганские защитные поля, и в космосе засверкали энергетические лучи. Все триста звездолетов ринулись в одном направлении — к этим

сумасшедшим, которые бросились в атаку, не подумав...

В тринадцать тридцать из ниоткуда единым компактным строем появились в точно рассчитанном месте пятьдесят звездолетов под предводительством командора Кенна и яростно набросились на ошарашенных врагов с тыла.

Ловушка сработала безотказно.

Калгиане все еще имели численное превосходство, но теперь у них исчезло желание считать свои корабли. Первой их реакцией была попытка отступить, и ровный строй врага сломался. От этого калгиане стали еще более уязвимыми, так как

мешали друг другу, и через некоторое время битва стала похожа скорей на охоту за крысами.

Из трехсот калганских звездолетов, опоры и гордости сеттинского флота, Калгана достигло не более шестидесяти, причем многие уже не подлежали ремонту. Основание же потеряло лишь восемь звездолетов из ста двадцати семи.

Прим Палвер приземлился на Терминусе в разгар праздника. Он нашел атмосферу несколько суетливой, но прежде чем покинуть планету, выполнил два поручения и получил еще одно.

Первым делом явилось

заключение договора, в соответствии с которым кооператив Палвера обязался поставлять двадцать звездолетов продовольствия в месяц в течение всего последующего года по ценам военного времени, к тому же без особого риска — благодаря результатам последнего сражения.

Потом Палвер передал доктору Дареллу четыре коротких слова Аркадии.

Несколько секунд изумленный Дарелл смотрел на него широко раскрытыми глазами, затем поручил незнакомцу ответить на слова Аркадии следующим образом: «Возвращайся, опасности больше нет». Палверу ответ понравился,

поскольку был прост и имел смысл.

Лорда Сеттина охватила бешеная ярость. Вид того, как оружие ломается в руке и военная мощь трещит, подобно гнилым ниткам, привел бы в бешенство даже флегматика. Лорд стал бессильным и понял это.

Уже много недель Сеттин не мог выбрать время, чтобы по-настоящему выспаться. Он не брился три дня, отменил все аудиенции. Генералы Калгана были предоставлены сами себе, и никто лучше Сеттина не знал, что после поражения в войне он скоро предстанет перед фактом внутреннего восстания.

Первый министр Лев Майрус ничем не мог помочь. Стоя перед лордом, старый и спокойный, он по привычке поглаживал лицо нервными тонкими пальцами по линии от носа до подбородка.

— Придумайте же что-нибудь! — кричал Сеттин. — Разве вы не понимаете, что мы потерпели поражение? *Поражение!* А почему? Лично я не знаю! А вы знаете?

— Думаю, что да, — спокойно ответил Майрус. — Предательство!

— Вы знали о предательстве и молчали! Вы служили тому дураку, которого я лишил места Первого Гражданина, и думаете, что, если свергнут меня, будете служить кому-

нибуть другому. Если это действительно так, я оторву вам кое-что и испепелю на ваших же глазах.

Майрус сохранял спокойствие.

— Я не однажды пытался выразить вам свои сомнения. Я прожужжал вам все уши, но вы предпочли следовать советам других, советам, которые вам больше нравились. Дело обернулось не так, как я предполагал, а еще хуже. Если вы не желаете слушать меня и на сей раз, то скажите об этом прямо, и я уйду. Через некоторое время, конечно, я заключу договор с вашим преемником, первым шагом которого будет заключение мирного договора.

Сеттин уставился на Майруса

красными от бессонницы глазами, то сжимая, то разжимая кулаки.

— Говори же, старое отродье!

— Я часто напоминал вам, сэр, что вы не Мул. Вы можете командовать звездолетами, но не можете управлять умами ваших подчиненных. Вы хоть отдаете себе отчет, с кем воюете, сэр? Вы воюете с Основанием, которое никто и никогда не побеждал, с Основанием, которое находится под покровительством Плана Сэлдона и которому предназначено создать Вторую Империю.

— Плана больше не существует. Так говорил Мунн.

— Значит, Мунн ошибался. А

если и был прав, что из этого? И вы, и я не те люди, сэр. Калган и подданные миры глубоко и непреклонно верят в План Сэлдона, как и все обитатели Галактики. Почти четыреста лёт истории подтверждают, что Основание победить невозможно. Этого не смогли сделать ни правители королевства, ни генералы старой Империи.

— Но Мул сделал?

— Совершенно верно. Но он был Мулом и не входил ни в какие расчеты, в отличие от вас. Еще хуже то, что люди знают: вы не Мул, поэтому ваши звездолеты вступают в бой, боясь поражения с неизвестной

стороны. Этот План засел в головах солдат, и они атакуют с осторожностью, с оглядкой. А с другой стороны, этот же План наполняет наших противников уверенностью в себе и дает им поддержку даже перед лицом поражения. Основание всегда проигрывало в начале войны, но затем выходило победителем.

Остановитесь — или вас поставят на колени. Остановитесь сами, и тогда вы спасете то, что еще можно спасти. Примите мой единственно верный совет: у вас есть человек с Основания — Мунн. Освободите его и пошлите обратно на Терминус с предложением о

заклучении мира.

Зубы Сеттина заскрипели, губы побелели от ярости. Но куда ему было деваться?

В первые дни нового года Мунн покинул Калган. Более шести месяцев прошло с тех пор, как он улетел с Терминуса, и за это время началась и закончилась война. Прилетел скромно, а улетел с эскортом, и уже не простым человеком, а хотя и не официальным, но действительным послом мира.

И если в Мунне что-то переменялось, то прежде всего — отношение ко Второму Основанию. Он рассмеялся, подумав об этом, и

нарисовал в мыслях беседу с доктором Дареллом, энергичным молодым Антором и всеми остальными. Теперь он знал. Он, Хомир Мунн, наконец-то знал правду!

14. Я знаю

Последние два месяца Сеттинской войны не были для Мунна тяжелым временем. Он оказался в самой гуще межзвездных событий в необычной роли примирителя, которую не мог не найти приятной.

Больше не происходило никаких решительных сражений, имели место лишь несколько стычек, носивших случайный характер и не привлекавших к себе особого внимания, так что условия договора вырабатывались правительством воскресшего Основания без длительных совещаний. Сеттин

оставался у власти, но потерял все, что имел. Его флот был распределен между доминионами, которые получили автономию либо возможность вернуть свой прежний статус — полную независимость внутри федерации Основания, — по выбору.

Формально война закончилась на астероиде в звездной системе самого Терминуса, старейшей базе Основания. Со стороны Калгана в подписании мирного договора участвовал Лев Майрус, а Хомир Мунн был привлечен в качестве заинтересованного наблюдателя. За все это время он ни разу не встречался ни с доктором Дареллом,

ни с остальными конспираторами. Но это вряд ли беспокоило Хомира — его новость подождет. Такая мысль вызывала у него улыбку.

Доктор Дарелл вернулся на Терминус через несколько недель после подписания договора, и в тот же вечер дом его стал местом встречи пятерых людей, которые десятью месяцами раньше начали строить свои первые планы.

Пообедав, они сидели, медленно потягивая вино и словно боясь начинать старый разговор. Наконец Джоль Турбор, глядя одним глазом в глубины красного напитка, скорее пробормотал, чем внятно произнес:

— Ну, Хомир, я вижу, вы стали теперь человеком дела. У вас все отлично получилось.

— У меня? — Мунн громко и радостно рассмеялся. Уже много месяцев он почему-то совсем не заикался. — Я тут совершенно ни при чем. Это все Аркадия. Кстати, Дарелл, как она? Я слышал, она возвращается с Трантора.

— Верно, — спокойно ответил Дарелл. — Ее звездолет прибудет в конце недели.

— Значит, все действительно окончено, — сказал Турбор. — Кто бы мог предсказать такое десять месяцев назад? Мунн слетал на Калган и благополучно вернулся,

Аркадия побывала на Калгане и Транторе и тоже возвращается. Мы ввязались в войну и выиграли ее, клянусь Космосом! Говорят, что всю историю можно предсказать, но в такой сумятице как-то трудно в это поверить.

— Чушь, — сказал Антор ледяным тоном. — Что вы так радуетесь, собственно говоря? Словно действительно выиграли войну, хотя на самом деле мы ничего не выиграли, лишь отвлекались от нашего настоящего врага.

Наступило неловкое молчание, и только слабая улыбка Мунна не вписывалась в общее настроение. Вдруг Антор яростно ударил по

подлокотнику кресла.

— Да, я говорю о Втором Основании! Мы о нем даже не упоминаем и, мне кажется, пытаемся вообще забыть о его существовании. Неужели вам так нравится эта атмосфера победы, которой наслаждаются тупицы, что вы даже считаете нужным участвовать в празднествах? Тогда включайте музыку, хлопайте друг друга по спинам, открывайте окна и бросайте туда конфетти. Делайте что угодно, только перебеситесь наконец. А когда перебеситесь, возвращайтесь, и мы обсудим проблему, стоявшую перед нами десять месяцев назад, когда вы сидели и тряслись от страха

непонятно перед чем. Та же проблема перед нами и сейчас. Вы считаете, что теперь, когда победили несколько жалких звездолетов, Второго Основания можно не бояться?

Молодой человек замолчал. Все заметили, как покраснелось его лицо и участилось дыхание.

— А теперь не слушаете ли вы меня, Антор? Или вам и дальше хочется играть роль злобного конспиратора?

— Говори, Хомир, — сказал Дарелл. — Но только избавь нас от витиеватости твоего языка. Вообще-то речь у тебя, конечно, литературная, но в данную минуту

может показаться довольно
утомительной.

Хомир Мунн откинулся в кресле и осторожно наполнил свой стакан из стоящего рядом графина.

— Меня послали на Калган, — начал он, — выяснить все, что можно, из записей, хранящихся во дворце Мула. Я провел за этой работой несколько месяцев. Не жду похвал за свой труд. Как я уже сказал, только благодаря изобретательности Аркадии мне удалось попасть во дворец. Тем не менее факт остается фактом: именно мое знание жизни Мула и его эпохи позволило собрать доказательства, чего не смог бы сделать на моем месте никто другой.

Следовательно, я нахожусь в особом положении и в состоянии оценить опасность со стороны Второго Основания лучше, чем наш молодой и вспыльчивый друг.

— И как вы оцениваете эту опасность? — вызывающе спросил Антор.

— Ноль.

Последовало

непродолжительное молчание, затем Эльветт Семмик спросил недоверчиво и изумленно:

— Вы хотите сказать, что опасности никакой нет?

— Конечно! Друзья мои, Второго Основания вообще не существует!

Антор опустил веки и откинулся в кресло. На его лице не отразилось ничего. Мунн, находясь в центре внимания и получая от этого удовольствие, продолжал:

— Более того, его никогда и не было.

— С какой стати ты делаешь такие выводы? — спросил Дарелл.

— Я отрицаю существование этого сверхъестественного Второго Основания. Вы все знаете историю поисков Мула. Но что можно сказать об интенсивности этих поисков? В его распоряжении были грандиозные возможности, но он их не использовал. Мул был целеустремленным человеком, но

тем не менее ничего не добился — Второе Основание так и не обнаружено.

— Было бы смешно, если бы его нашли, — нервно прокомментировал Турбор. — У него достаточно возможностей для того, чтобы оградить себя от любопытных умов.

— Даже если такой любопытный ум находится в черепе Мула-мутанта? Не думаю. Но подождите, не могу же я пересказать вам пятьдесят томов отчетов за пять минут! Все эти материалы по условиям мирного договора станут частью Исторического Музея имени Сэлдона, и у вас будет время провести на досуге такой же анализ,

какой я сделал за эти месяцы. Выводы Мула там ясно изложены, и я уже сказал, в чем они заключаются: нет и никогда не было никакого Второго Основания.

— Но что же тогда остановило Мула? — вмешался Семмик.

— Великая Галактика, а как вы думаете? Да смерть — так же, как она остановит всех нас. Самое великое суеверие века заключается в том, что Мула якобы остановили загадочные личности, более могущественные, чем он сам. Это результат того, что на одни вещи смотрят под разными углами.

— По-моему, нет такого человека в Галактике, который не

знает, что Мул был мутантом как в физическом отношении, так и в ментальном. Он умер в сорок лет, потому что состояние его организма не позволило ему прожить больше. За несколько лет до своей смерти Мул был уже инвалидом. Находясь даже в полном здравии, он чувствовал себя так, как чувствует нормальный человек, испытывающий недомогание. Вот так. Мул победил всю Галактику, но пришло его время — и он умер. Удивительно еще, что он вообще так долго прожил и добился таких успехов. Друзья мои, все это написано черным по белому самым разборчивым шрифтом. Наберитесь

терпения, и вы сами взглянете на вещи под совершенно другим углом.

Дарелл задумчиво произнес:

— Ну что ж, давайте попробуем сделать так, как ты хочешь, Мунн. Это будет интересно, даже если окажется безрезультатным. А как насчет тех людей, в чей мозг осуществлялось вмешательство и записи моделей мозга которых привез Антор в прошлом году? Помоги нам взглянуть и на это под другим углом.

— Пожалуйста. Сколько лет науке энцефалографического анализа? Или, говоря другими словами, насколько глубоко изучен мозг?

— Мы в самом начале пути, — согласился Дарелл.

— Вот именно! Тогда как мы можем быть уверенными в правильности интерпретации того, что вы называете Плато Вмешательства? У вас есть свои теории, но можете ли вы не сомневаться в их правильности? Достаточно ли вы убеждены, чтобы утверждать, что существует некая могущественная сила, реальность которой отрицают все другие источники? Всегда и все наиболее просто было объяснять вмешательством неких сверхъестественных сил. Что ж, это в высшей степени присуще человеку. В

истории Галактики были случаи, когда жители изолированной планетной системы возвращались к дикому образу жизни. И что мы тогда видели? В каждом случае люди отождествляли природные явления — штормы, ураганы, эпидемии чумы — с существами божественными, более могущественными, чем человек. Насколько я понимаю, это называется антропоморфизмом, и в нашем случае мы так же невежественны, как и те дикари. Плохо разбираясь в ментальной науке, мы сваливаем все свои несчастья на сверхсилы, в данном случае — на Второе Основание, о существовании которого Сэлдон

лишь намекал.

— О, значит, вы все же вспомнили Сэлдона, — прервал это Антор. — А Сэлдон говорил, что Второе Основание существует. Взгляните-ка на это с другой точки зрения.

— А вы знаете, какую цель преследовал при этом Сэлдон? Какую необходимость диктовали его вычисления? Второе Основание могло быть выдуманно для достижения определенных целей. Например, как нам удалось победить Калган? Что вы писали о последней неделе военных действий, Турбор?

Турбор поерзал в кресле.

— Понимаю, к чему вы клоните.

Я находился на Калгане до последнего дня войны, и было очевидно, что настроения на планете — хуже некуда. Я просмотрел все их газеты... Калгиане практически с самого начала были уверены, что проиграют. Действительно, их совершенно выбивала из колеи мысль о том, что рано или поздно Второе Основание протянет руку помощи Первому.

— Вот именно, — подтвердил Мунн. — Я был там на протяжении всей войны и когда сказал Сеттину, что Второго Основания не существует, он мне поверил и почувствовал себя в безопасности. Но невозможно заставить весь народ

вдруг поверить в это, когда всю жизнь он верил в обратное. Так что в результате этот миф сослужил нам службу в шахматной партии Хари Сэлдона.

Вдруг Антор широко раскрыл глаза и уставился на разглагольствующего Мунна.

— *А я говорю, что вы лжете!*

Хомир побелел, как полотно.

— Не считаю нужным отвечать на подобные заявления.

— Я нисколько не желаю оскорбить вас. Просто вы можете лгать и не понимать, что лжете. Но в любом случае это так!

Семмик положил свою сухую руку на плечо молодого человека.

— Переведи-ка дух, парень.

Антор не слишком деликатно
стряхнул его руку и продолжил:

— Я уже потерял с вами всякое
терпение. Я видел этого человека
лишь несколько раз, но тем не менее
нахожу, что он невероятно
изменился. Вы все знаете его уже
многие годы, однако не обращаете
никакого внимания на происшедшие
в нем перемены. С ума можно сойти!
Вы считаете, что человек, которого
вы так внимательно слушаете, —
Хомир Мунн?

Наступило шоковое молчание,
затем Мунн возмущенно завопил:

— Вы хотите сказать, что я
самозванец?

— Возможно, не в привычном смысле слова, — Антор предельно повысил голос, перекрывая поднявшийся шум, — но все-таки самозванец. Да замолчите наконец! Я требую, чтобы меня выслушали!

Молодой человек свирепо нахмурился, и шум постепенно затих.

— Помнит ли кто-нибудь из вас Хомира Мунна таким, каким помню его я, — неуклюжим библиотекарем, который не мог говорить без смущения, человеком нервным и заикающимся в минуты сомнений? Скажите, этот человек хоть чем-то похож на того? Он говорит свободно, уверен в себе, напичкан всякими теориями и, клянусь Космосом, не

заикается! Разве перед нами тот самый человек?

Мунн выглядел смущенным. Антор продолжал:

— В общем, давайте проверим его.

— Как? — спросил Дарелл.

— И вы еще спрашиваете, как? Есть только один метод. У вас ведь сохранилась его энцефалограмма десятимесячной давности? Сделаем еще одну и сравним.

Антор показал пальцем на нахмурившегося библиотекаря и многозначительно произнес:

— Пусть только он осмелится отказаться от анализа.

— Я не возражаю, —

защищаясь, ответил Мунн. — Но я такой же, как и раньше.

— Откуда *вам* это знать! — презрительно бросил Антор. — Я предлагаю пойти дальше. Пусть каждый подвергнется новому анализу. Была война. Мунн был на Калгане. Турбор путешествовал по всему театру военных действий, Дарелл и Семмик тоже отсутствовали... Только я был в уединении и безопасности, поэтому не доверяю ни одному из вас. Но чтобы все было честно, я согласен тоже подвергнуться анализу. Ну, так как, согласны? Или мне уйти прямо сейчас и продолжить это дело одному?

Турбор пожал плечами:

— Не возражаю.

— Я уже сказал, что согласен, —
откликнулся Мунн.

Семмик махнул рукой, мол, согласен, и Антор стал ждать ответа Дарелла.

Наконец Дарелл кивнул головой в знак согласия.

— Обследуйте первым меня, —
предложил Антор.

В то время как молодой нейролог сидел с закрытыми глазами в кресле, иглы вычерчивали свои кривые. Дарелл достал из картотеки старые энцефалограммы Антора и показал их ему.

— Это ваша подпись, не так ли?

— Да, это моя энцефалограмма.

Сравните.

Сканнер совместил на экране старую и новую записи. Все шесть кривых наложились одна на другую, и в полной темноте прозвучал голос Мунна:

— Ну-ка, посмотрите, вот здесь не совпадает.

— Первичные волны фронтальной части полушарий? Это ничего не значит, Хомир. Дополнительные пики, которые ты показываешь, означают всего лишь злобу. Важны же другие кривые.

Он нажал кнопку, и кривые полностью совместились. Только

пульсация указывала на то, что кривая на экране — двойная.

— Удовлетворены? — спросил Антор.

Дарелл кивнул и занял место в кресле. За ним последовали Семмик и Турбор. В полном молчании были произведены сравнения их записей со старыми.

Последним в кресле оказался Мунн. На мгновение он заколебался, затем с отчаянием произнес:

— Но только учтите, что я последний и очень волнуюсь. Надеюсь, мне будет сделана скидка.

— Будет, будет, — заверил его Дарелл. — Ни одна из твоих эмоций не отразится нигде, кроме первичных

волн, а это самое главное.

Воцарилось молчание. Казалось, что время замедлило свой ход. Затем, сделав в темноте сравнение, Антор хрипло произнес:

— Ну, конечно, все это только от недостатка знаний. Не так ли он говорил? Нет никакого вмешательства в мозг, все это глупый антропоморфизм... Нет, вы только посмотрите! Не иначе как совпадение.

— Что случилось?! — взвизгнул Мунн.

Рука Дарелла крепко держала библиотекаря за плечо.

— Спокойно, Мунн. В твой мозг произошло вмешательство. *Они* тебя

поднастроили.

Зажегся свет, и Мунн посмотрел вокруг невидящими жалкими глазами.

— Но ведь это несерьезно, а? Вы что, нарочно? Вы меня разыгрываете?

Но Дарелл только покачал головой в ответ.

— Нет, Хомир, это правда.

Глаза библиотекаря вдруг наполнились слезами.

— Но ведь я не чувствую никакой разницы. Не может быть! — и он уверенно добавил: — Вы все сговорились! Это заговор!

Дарелл попытался было положить ему на плечо руку, но Мунн

свирепо отбросил ее в сторону и закричал:

— Вы хотите убить меня! Клянусь Космосом, вы сговорились, чтобы убить меня!

Одним прыжком Антор подлетел к библиотекарю, раздался глухой удар — и Мунн обмяк в своем кресле.

Весь дрожа, Антор заявил:

— Нам лучше связать его и сунуть кляп в рот, а позже можно будет подумать, что с ним делать, — он отбросил назад свои длинные волосы.

— Как вы догадались, что с ним что-то не в порядке? — спросил Турбор.

Антор повернулся и с иронией посмотрел на него.

— А это было нетрудно. Видите ли, я знаю, где находится Второе Основание.

Если поразительные заявления следуют одно за другим, они теряют свою остроту. Семмик очень осторожно спросил:

— Вы в этом уверены? Я хочу сказать, что мы только что выслушали доклад Мунна на эту тему.

— Это не совсем одно и то же, — ответил Антор. — В тот день, когда началась война, Дарелл, я говорил с вами вполне серьезно, пытаясь заставить вас покинуть

Терминус. Еще тогда я сообщил бы вам то, что собираюсь сказать сейчас, если бы мог доверять полностью.

— Вы намекаете на то, что знали ответ еще полгода назад? — Дарелл улыбнулся.

— Я знал его с того самого момента, как Аркадия улетела на Трантор.

Дарелл сосредоточенно уставился на свои ботинки.

— При чем здесь Аркадия? К чему вы клоните?

— Абсолютно ни к чему. Аркадия направляется на Калган и убегает в самый центр Галактики, вместо того чтобы вернуться домой.

Лейтенант Диридж, наш лучший агент на Калгане, оказывается под влиянием Второго Основания. Хомир Мунн отправляется на Калган и тоже попадает там под контроль. Мул завоевывает Галактику, но, как ни странно, делает своей столицей Калган, что заставляет задуматься, а был ли он действительно завоевателем или просто оружием в чужих руках? Куда ни посмотри, всюду натыкаешься на Калган. Этот мир каким-то чудом пережил все войны генералов и наместников за последние сто лет и остался нетронутым.

— Какие же вы делаете выводы?

— Да они налицо, — глаза

Антора горели. — Второе Основание находится на Калгане.

Турбор прервал его:

— Я был на Калгане, Антор. На прошлой неделе. Если там и есть какое-то Основание, то я ненормальный. Хотя я все же думаю, что ненормальный в данном случае вы.

Молодой человек с яростью набросился на собеседника.

— Тогда вы просто толстый дурак! Что такое, по-вашему, Второе Основание? Грамматическая школа? Вы что, хотели, чтобы слова «Второе Основание» были написаны огромными зелеными и пурпурными буквами на космических маршрутах?

Послушайте, Турбор, кем бы они ни были, они образуют тесную олигархию, и на своей планете спрятаны лучше, чем сама эта планета в Галактике.

Лицо Турбора стало напряженным.

— Мне не нравится ваш тон, Антор.

— О, как это меня удручает! — прозвучал саркастический ответ. — Оглянитесь вокруг! Терминус в самом центре Основания, так усердно занимающегося физическими науками, а, скажите, как много на нем ученых? Вы можете быть оператором на Передающей Энергостанции? Что вы знаете о

Гиператомном Двигателе, а? Настоящие ученые на Терминусе — даже на Терминусе — составляют не более одного процента от всего населения планеты! А что тогда говорить о Втором Основании, где все держится в тайне? У них должно быть еще меньше ученых, и они должны быть еще лучше спрятаны от чужого глаза.

— Скажите, — осторожно начал Семмик. — Мы только что победили Калган...

— Конечно, мы победили, победили! — с той же иронией подтвердил Антор.

— Да, и мы празднуем эту победу. В городах все еще сверкает

иллюминация, горят фейерверки, дикторы телевидения громогласно славят героев. Но сейчас, когда вновь встает вопрос о Втором Основании, где мы будем искать его в последнюю очередь? Правильно, на Калгане! Мы ведь, в принципе, не причинили никакого вреда, не нанесли никакого урона. Так, уничтожили несколько звездолетов, убили несколько человек, раскололи их империю, захватили кое-какие коммерческие и экономические объекты, но все это ничего не значит. Держу пари, ни один человек из правящего на Калгане класса не ощущает каких-либо неудобств. Наоборот, теперь они ограждены от ненужного

любопытства. Что вы на это скажете, доктор Дарелл?

Дарелл пожал плечами.

— Я пытаюсь сопоставить ваши слова с сообщением, которое несколько месяцев назад получил от Аркадии.

— О, с сообщением? И каким же?

— Я не совсем уверен... Четыре коротеньких слова, но очень интересных.

— Послушайте, — вмешался явно обеспокоенный Семмик. — Я чего-то не понимаю.

— А именно?

Семмик осторожно подбирал каждое слово, приподнимая верхнюю

губу, словно пробуя его вначале:

— Хомир Мунн только что сказал, будто Хари Сэлдон блефовал, упоминая о существовании Второго Основания. Вы же сейчас утверждаете, что это не так и Сэлдон говорил правду, верно?

— Да. Он не блефовал. Сэлдон сказал, что создал Второе Основание, и это соответствует истине.

— Прекрасно, но ведь он говорил еще, что оба Основания расположены на противоположных концах Галактики. Так что, молодой человек, может быть, это действительно блеф, ибо, как мы все прекрасно знаем, Калган находится

отнюдь не на противоположном конце Галактики.

Антор выглядел раздраженным.

— Это все мелочи. Как раз это он мог и выдумать, чтобы получше замаскировать их. Да и в конце концов, подумайте сами, какой смысл повелителям умов обитать на другом конце Галактики? Ведь в чем заключается их задача? Реализовать План! Кто основные исполнители этого Плана? Мы — Первое Основание. Тогда откуда им легче всего наблюдать за нами и добиваться своих целей? С противоположного конца Галактики? Смешно! Они в пятидесяти парсеках отсюда, что представляется более

ЛОГИЧНЫМ.

— Мне нравится этот аргумент, — сказал Дарелл. — В нем есть свой смысл. Послушайте, Мунн давно пришел в себя, и я предлагаю освободить его. Он не причинит нам никакого вреда.

Антор был недоволен, но Хомир отчаянно кивал головой. Через пять минут освобожденный уже растирал кисти рук.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дарелл.

— Ужасно, — хрипло ответил Мунн. — Но это неважно. Я только хочу задать один вопрос этому ослепительному молодому человеку. Я слышал, что он сказал, и мне

интересно, как он собирается действовать дальше?

Наступило молчание. Мунн горько улыбнулся.

— Ну, допустим, Второе Основание действительно на Калгане. Как вы собираетесь искать его людей? Как их обезвредить?

— Ах, — вмешался Дарелл, — как ни странно, но на этот вопрос могу ответить я. Рассказать вам, чем мы с Семмиком занимались последние полгода? Это отчасти объяснит вам, Антор, почему я все это время не покидал Основания.

Во-первых, я работал над проблемой энцефалографического анализа, и куда более настойчиво,

чем вы можете предположить. Засечь мозг человека Второго Основания потруднее, чем просто обнаружить Плато Вмешательства. Я не могу утверждать, что добился полного успеха, но все-таки.

Знает ли хоть кто-нибудь из вас природу эмоционального контроля? Эта тема приобрела популярность среди писателей научной фантастики еще во времена Мула, и об этом с тех пор было написано много всякой чепухи. В основном о подобных способностях говорили как о мистических и оккультных, что, безусловно, не соответствует истине. Мозг является источником миллиардов электромагнитных

колебаний — это знает каждый. Малейшая эмоция изменяет сложнейший рисунок полей, и это тоже общеизвестно.

Сейчас же возможным оказалось создать мозг, который чувствует эти изменения и даже резонирует с ними. Точнее, эту задачу выполняет особый орган мозжечка, реагирующий на колебания поля, которые только может обнаружить. Как это происходит, я не имею понятия, но это и не главное. Если бы я был, например, слепым, то мог бы объяснить, какое значение имеет для зрения энергия фотонов и квантов. Мне было бы вполне понятно, что

поглощение этой энергии способно вызвать химические изменения в каком-либо органе тела, и таким образом поток света удалось бы зарегистрировать. Но это совсем не значит, что я смог бы различать цвета. Вы следите за ходом моей мысли?

Последовал уверенный кивок головой Антора и не совсем уверенные остальных.

— Такой гипотетический резонирующий орган мозга, настраиваясь на поля другого мозга, может выполнять функцию, известную как чтение эмоций или даже чтение мыслей. Из всего сказанного мной нетрудно понять,

что существует иной, подобный орган, который способен изменять другой мозг, настраивая его так, как ему нужно. Своим сильным полем он может ориентировать более слабое — как сильный магнит ориентирует диполи в куске стали — и оставлять его «намагниченным» навсегда.

Я решил математические уравнения Второго Основания и вывел функцию, которая поможет в расчете необходимой комбинации нейронных связей, комбинации, допускающей образование только что описанного мною органа. Но, к сожалению, функция эта слишком сложна, чтобы ее можно было решить известными мне

математическими средствами. Это очень плохо, ибо означает, что мне никогда не удастся выявить такой мозг посредством одного лишь энцефалографического анализа.

Но я сумел сделать еще кое-что. С помощью Семмика я изобрел то, что назвал бы Ментальным Статическим Устройством. Современная наука вполне может создать источник энергии, который в состоянии воспроизводить энцефалографическую модель электромагнитного поля. Более того, можно сделать так, чтобы он создавал определенный шум, влияющий на деятельность органа, о котором идет речь, или статическое

поле, защищающее другой мозг, с которым этот орган будет контактировать. Вы еще улавливаете мою мысль?

Семмик ухмыльнулся. Он помогал Дареллу вслепую, но догадывался, о чем идет речь, и его догадка оказалась верной. У старика еще были в запасе один-два трюка...

— По-моему, я понимаю, — сказал Антор.

— Устройство это, — продолжал Дарелл, — очень просто в изготовлении, а в моем распоряжении были все ресурсы Основания, так как я возглавлял оборонный научно-исследовательский институт. Так что

сейчас дом мэра и служебные помещения окружены Ментальным Статическим Полем. Это же касается и большинства наших заводов. И нашего дома тоже. В результате любое место, какое мы только пожелаем, можно защитить от влияния Второго Основания или от будущего Мула. Это все, что я хотел вам сказать, — доктор развел руками.

Турбор, казалось, был поражен.

— Значит, все в порядке?

Великий Сэлдон, все в порядке?

— Ну, не совсем, — ответил Дарелл.

— То есть как это не совсем?

Что же еще?

— Да ведь мы так и не обнаружили, где находится Второе Основание!

— Что?! — заревел Антор. — Вы хотите сказать...

— Да, Калган — это не Второе Основание.

— Откуда вы знаете?

— Ну, все совсем просто, — спокойно ответил Дарелл. — Видите ли, я точно знаю, где находится Второе Основание.

15. Ответ, который устроил всех

Турбор внезапно расхохотался, сотрясая стены комнаты, и закончил бурным всхлипыванием.

— Великая Галактика, — заговорил он наконец, покачив головой, — кажется, это будет продолжаться всю ночь. Наши соломенные человечки падают один за другим, что, конечно, весело, но мы так ни к чему и не придем. Великий Космос! Может быть, они вообще не живут в одном месте, а представляют собой группу людей, рассредоточенных по разным

планетам. Да и какое это имеет значение, если, как говорит Дарелл, у нас в руках теперь непробиваемая защита.

Дарелл улыбнулся, но довольно грустно.

— Непробиваемой защиты недостаточно, Турбор, и даже, мое Ментальное Статическое Устройство охраняет нас до тех пор, пока мы находимся в этом месте. Но невозможно все время жить, сжав кулаки и испуганно оглядываясь в поисках реального или нереального врага. Мы должны знать не только как, но и кого победить. И есть одна особая фраза, которая определяет существование нашего врага.

— Ближе к делу, — уставшим голосом сказал Антор. — Что вы хотите сказать?

— Аркадия, — продолжал Дарелл, — передала мне сообщение, до получения которого я не видел очевидного — наверное, я вообще никогда не видел очевидного. И тем не менее все оказалось очень просто. А это простое сообщение состояло всего из четырех слов: «У кольца нет конца». Вы понимаете?

— Нет, — упрямо ответил Антор, и было ясно, что он выразил мнение остальных.

— У кольца нет конца, — задумчиво повторил Мунн и нахмурился.

— Мне, — продолжал Дарелл неторопливо, — это было понятно. Какой неоспоримый факт известен о Втором Основании? Мы знаем, что Хари Сэлдон создал его на противоположном конце Галактики. Хомир Мунн утверждал, что Хари Сэлдон лгал о существовании Второго Основания, Пеллис Антор доказывал, что Сэлдон сказал правду, но неправильно назвал его местонахождение. А я считаю, что Хари Сэлдон вообще не лгал — он говорил чистую правду. Но что такое другой конец? Галактика имеет плоскую, в виде линзы форму, поперечное сечение ее плоскости представляет собой круг, или кольцо,

а у кольца нет ни начала, ни конца — вот что сообщила Аркадия. Мы, то есть Первое Основание, расположены на Терминусе, на краю этого круга, или кольца. А теперь проведите пальцем по этому кольцу и попробуйте найти его конец. Вы просто вернетесь к исходной точке. Тут вы и найдете Второе Основание.

— Тут? — переспросил Антор. — Вы имеете в виду здесь...

— Да, я имею в виду здесь! — вскричал Дарелл. — Да где же ему еще быть? Вы сами сказали, что если люди со Второго Основания являются хранителями Плана, то вряд ли они слишком изолированы от остальной жизни. Вы полагали, что

расстояние в пятьдесят парсеков — это достаточно удобно. Я же говорю вам, что это тоже далеко. А где они будут в наибольшей безопасности? Кто будет их здесь искать? Это старое правило, что самое открытое наименее подозрительно. Почему несчастный Эблинг Мис был так удивлен, открыв место расположения Второго Основания? Он не спал дни и ночи, чтобы разыскать его и предупредить о грозящей опасности со стороны Мула, и вдруг узнал, что Мул завоевал оба Основания одним ударом. А почему поиски Миса были безуспешны? Почему? Он не стал искать противника на уже завоеванных планетах, что позволило

повелителям умов со временем разработать план укрощения Мула, и они добились успеха.

— Все это так просто, что с ума можно сойти! — прокомментировал Антор. — Мы строим гипотезы, выдумываем тайны и не подозреваем, что находимся в самом лагере противника. Смешно!

— Да, но мы не совсем беспомощны, Антор. У этих людей есть особые чувства, которых нет у вас и которые — их сила, но одновременно и слабость. Например, оружие, эффективное только против зрячего, не окажет никакого воздействия на слепца.

— Ну, конечно, — отозвался

Мунн. — Свет в глаза.

— Вот именно, — подтвердил Дарелл. — Сильный ослепляющий свет.

— При чем здесь это? — спросил Турбор.

— Мне кажется, аналогия вполне понятна. У меня есть Ментальное Статическое Устройство. Оно создает сильное статическое поле, которое для человека Второго Основания все равно что луч света в глаза. Устройство меняет поле быстро и непрерывно, быстрее, чем принимающий мозг может следить за ним.

Итак, представьте себе мигающий свет, от которого у вас

может разболеться голова, если он будет светить достаточно долго. А теперь усильте этот свет — или это электромагнитное поле — до такой степени, чтобы он ослеплял, и тогда вам станет больно. Если вы, конечно, имеете соответствующее чувство.

— Вот как? — спросил Антор с растущим энтузиазмом. — И вы его опробовали?

— На ком? Разумеется, я его не испытывал, но оно будет работать.

— Скажите, а откуда вы контролируете поле, окружающее дом? Я хотел бы взглянуть на этот прибор.

— Вот он, — Дарелл полез в карман своего пиджака.

Это был маленький прибор, который даже не оттопыривал карман, — черный, с несколькими рычажками цилиндр. Антор принял его у Дарелла, внимательно осмотрел и пожал плечами.

— Я не стал умнее, посмотрев на него. Послушайте, Дарелл, чего я тут не должен трогать, чтобы не отключить случайно защиту дома?

— Этого не произойдет, — безразличным тоном ответил доктор. — Переключатель закреплен намертво.

Он щелкнул пальцем по рычажку.

— А это что за регулятор?

— Он изменяет скорость

чередования полей, а вот этот интенсивность. — Как раз то, о чем я говорил.

— Можно, я?.. — спросил Антор, держа палец на регуляторе интенсивности. Все остальные подошли поближе.

— А почему бы и нет? На нас это не подействует.

Медленно, наморщив лоб от напряжения, Антор повернул ручку сначала в одну сторону, затем в другую.

Турбор скрипел зубами, а Мунн быстро моргал глазами словно они изо всех сил пытались уловить тот импульс, который не может повредить им.

Наконец Пеллис Антор пожал плечами и бросил цилиндр на колени Дареллу.

— Ну что ж, раз невозможно испробовать, то придется поверить вам на слово. Но, честно говоря, мне трудно вообразить, будто там что-то происходит, когда я поворачиваю ручку.

— Это вполне естественно, Пеллис Антор, — сказал Дарелл, сухо улыбнувшись. — Ведь я дал вам самый что ни на есть обычный макет. Видите ли, существует еще и настоящий прибор.

Он широко распахнул свой пиджак и вынул копию прибора, который только что рассматривал

Антор.

— Вот, смотрите, — и с этими словами Дарелл одним движением повернул регулятор интенсивности до максимума.

Издав нечеловеческий вопль, Пеллис Антор рухнул на пол. Он бился в агонии с белым, как бумага, лицом и хватал воздух скрюченными пальцами. Мунн торопливо поднялся на ноги, чтобы избежать столкновения с этим изгибающимся, кричащим, катающимся по полу телом, и глаза его были полны ужаса.

Семмик и Турбор застыли, как мраморные изваяния, с побелевшими от напряжения лицами. Дарелл, спокойный и рассудительный,

повернул рукоятку на место. Антор слабо дернулся раз-другой и застыл. Он был жив, но тяжелое дыхание сотрясало все его тело.

— Положите его на диван, — сказал Дарелл, беря молодого человека за плечи. — Помогите мне.

Турбор взялся за ноги. Появилось ощущение, будто они несут мешок с мукой.

Спустя долгое время дыхание Антора пришло в норму и веки его приподнялись. Лицо было страшного желтого цвета, все тело и волосы намокли от пота. Наконец Антор заговорил
ломающимся,
неузнаваемым голосом:

— Не надо... Не надо так

больше делать. Вы не знаете, вы не знаете... о-о-ох! — он тяжело и протяжно застонал.

— Мы не будем, — ответил Дарелл, — если вы скажете нам правду. Вы ведь член Второго Основания?

— Дайте мне воды, — умоляюще прохрипел Антор.

— Воды, Турбор, — попросил Дарелл. — И захвати бутылку виски.

Влив в Антора полбутылки виски и два стакана воды, он повторил свой вопрос. Молодой человек расслабился.

— Да, — слабым голосом произнес он. — Я член Второго Основания.

— Которое расположено здесь, на Терминусе?

— Да, да, вы были правы во всем, доктор.

— Хорошо. А теперь расскажите нам, что здесь происходило последние полгода. Говорите!

— Я хочу спать, — прошептал Антор.

— Позже. Говорите!

Последовал тихий вздох, и Антор начал торопливым шепотом:

— Положение наше ухудшалось. Мы знали, что ученые-физики Терминуса заинтересовались волновой моделью мозга и настало время для изобретения прибора наподобие вашего Статического

Устройства. А ко Второму Основанию росла неприязнь, и мы должны были остановить это, причем не навредив Плану Сэлдона.

Мы... Мы пытались контролировать этот процесс, мы пытались внедриться в него. Это отвело бы от нас подозрение. Мы сделали так, что Калган начал войну, чтобы еще больше отвести подозрение. Вот почему я послал Мунна на Калган. Женщина, являющаяся якобы любовницей Сеттина, — одна из нас. Она позаботилась о том, чтобы Мунн делал и говорил то, что было нужно.

— Каллия!.. — вскричал Мунн, но Дарелл нетерпеливо отмахнулся

от него.

Антор продолжал, даже не заметив того, что его прервали.

— Аркадия втайне улетела вместе с ним, но на это мы не рассчитывали.

Невозможно предвидеть все. Поэтому Каллия ловко устроила так, чтобы девочка отправилась на Трантор, и в ее мозг не пришлось вмешиваться. Но мы... мы все-таки проиграли.

— Вы пытались заставить меня улететь на Трантор? — спросил Дарелл.

Антор кивнул:

— Мне нужно было убрать вас с дороги. А триумф, который вы тогда испытывали, был вполне понятен —

вы ведь решали проблему
Ментального Статического
Устройства.

— Почему вы не взяли меня под контроль?

— Не мог... Не мог... У меня был приказ. Мы работали по плану. Импровизация могла все испортить. План основан на предсказании вероятностей... Вы ведь знаете, как План Сэлдона...

Теперь Антор говорил отрывисто, тяжело дыша и зачастую почти неразборчиво. Голова его моталась из стороны в сторону, как в лихорадке.

— Мы работали не с группами, а с индивидуумами... Очень низкая

степень вероятности... проиграли...
К тому же, если брать вас под
контроль... кто-нибудь другой
изобрел бы устройство...
бессмысленно... должен
контролировать время... более
тонкое воздействие... Личный план
Первого Оратора... Не просчитал все
вероятности... план не сработал... а-
ах...

Антор замолчал. Дарелл резко
потряс его.

— Еще нельзя спать. Сколько
вас?

— А? Что вы сказали? А!
Немного... Вы сами удивитесь...
Пятьдесят, больше и не нужно...

— И все на Терминусе?

— Пять... пять или шесть в космосе... как Каллия... Должен поспать...

Вдруг молодой человек зашевелился, предпринимая последнее отчаянное усилие, и выражение его лица стало более осмысленным. Это была последняя вспышка самолюбия перед признанием полного поражения.

— Почти достиг цели... Убрал бы все защитные поля и взял бы вас под контроль. Тогда посмотрел бы, кто из нас господин... Дали мне макет! Подозревали с самого начала.

Наконец он уснул.

Турбор недоуменно спросил:

— И давно вы подозревали его,

Дарелл?

— С тех самых пор, как Антор здесь появился. Он сказал, что пришел от Кляйзе. Но я знал Кляйзе и помнил, как мы с ним расстались. Он был фанатиком в отношении Второго Основания, и я бросил его, так как считал, что лучше и безопаснее продолжать исследование в одиночку. Но я не мог сказать этого Кляйзе, да он и не стал бы слушать. Для него я был трусом и предателем, возможно, даже агентом Второго Основания. Этот человек никогда и ничего не прощал, с тех пор и до самой смерти он не вступал ни в какие отношения со мной. И тут внезапно, за несколько недель до

смерти, он пишет мне, как старому другу, и просит принять его самого лучшего и многообещающего ученика для продолжения с ним старых исследований. Это не лезло ни в какие ворота. Как мог Кляйзе сделать такое без постороннего влияния? Тут я задумался, не хотел ли он подсунуть мне настоящего агента Второго Основания? Что ж, так на самом деле и оказалось, — доктор вздохнул и на мгновение закрыл глаза.

— И что мы с ними всеми будем делать? — вмешался Семмик.

— Не знаю, — печально ответил Дарелл. — Думаю, их можно будет выслать на какую-нибудь отдаленную

планету. Например, на Хоранель. Ее можно полностью окружить статическим полем, мужчин и женщин отделить друг от друга, а еще надежнее стерилизовать, и через пятьдесят лет Второе Основание станет прошедшим этапом. А может быть, спокойная смерть была бы для них лучшей участью.

— Как вы думаете, — спросил Турбор, — можем ли мы приобрести такое чувство? Или с ним рождаются, подобно Мулу?

— Не знаю. Думаю, они его развивают, так как энцефалографический анализ позволяет предположить, что такие возможности недавно появились у

человека. Но зачем это чувство? Оно и им не помогло, — Дарелл нахмурился. Все было просто, слишком просто. Они пали, как гангстеры в старых романах. И доктору это не нравилось. Великая Галактика! Когда человек может быть уверен, что он не марионетка? Как человек может быть уверен, что он не марионетка?

Аркадия возвращалась домой, и внутри у Дарелла все затрепетало при мысли о том, что ему предстоит вынести в самом конце.

Путешественница находилась дома уже неделю, и вот уже две, а доктор все никак не мог собраться с

духом и выяснить необходимое. Как ему это сделать? За время своего отсутствия Аркадия с помощью какой-то странной алхимии превратилась из ребенка в молодую женщину. Она была звеном, связывающим его с супружеством, продолжавшимся так недолго, и с самой жизнью.

Но однажды вечером Дарелл спросил дочь:

— Аркадия, почему ты решила, что оба Основания находятся на Терминусе?

Она с минуту смотрела отцу в глаза, потом отмахнулась.

— Ах, откуда я знаю, папочка. Просто пришло в голову.

Они только что вернулись из театра, где сидели на лучших местах, по этому же случаю Аркадия надела свое самое лучшее платье и вообще была счастлива.

Слой льда на сердце доктора Дарелла стал толще.

— Подумай, — весь напрягшись, сказал он. — Это очень важно. Почему ты решила, что оба Основания расположены на Терминусе?

Аркадия немного нахмурилась.

— Н-ну, я видела леди Каллию. Я знала, что она со Второго Основания. Антор ведь подтвердил это.

— Но она была на Калгане, —

настаивал Дарелл. — Почему ты решила, что оба Основания на Терминусе?

На этот раз Аркадия молчала несколько минут. Почему она решила именно так? Что заставило ее так подумать? У нее возникло ужасное чувство, словно что-то ускользает из памяти. Она сказала:

— Леди Каллия много знала и, наверное, получала информацию с Терминуса. Ну, я так подумала... Может, так и есть, папа?

Но Дарелл покачал головой.

— Отец! — закричала она. — Я знала! Чем больше я думала, тем больше смысла в этом для меня было.

В глазах отца затаилось какое-то потерянное выражение.

— Так не годится, Аркадия. Не годится. Интуиция — опасная вещь, когда речь идет о Втором Основании. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю? Это могла быть интуиция, но могло быть и следствие контроля.

— Контроля? Ты хочешь сказать, что они меня изменили? О, нет! Нет, они не могли!

Аркадия попятилась от него.

— Но разве Антор не сказал, что я была права? Он ведь признал это! Они все признали! И мы нашли их на Терминусе, разве не так? — она дышала тяжело и часто.

— Я не знаю, но... Аркадия, ты

позволишь мне сделать
энцефалографический анализ твоего
мозга?

Аркадия с силой затрясла
головой.

— Нет, нет, я слишком боюсь!

— Меня, Аркадия? Тебе нечего
бояться. Это очень важно, и мы
должны это знать. Ты ведь сама
понимаешь, правда?

После таких слов она перебила
отца лишь один раз, схватив его за
руку, когда он производил последнее
соединение.

— А что, если я другая, отец?
Что ты тогда будешь делать?

— Мне ничего не придется
делать, Аркадия. Если ты другая, мы

улетим. Мы вернемся на Трантор — ты и я, мы забудем о том, что в Галактике существует еще кто-то.

Никогда анализ не тянулся так долго и не стоил доктору так дорого. Когда он кончился, Аркадия вскочила с места и осмелилась посмотреть на результаты. Услышав, как отец смеется, она все поняла, подпрыгнула и бросилась в его объятия.

Дарелл говорил не умолкая, пока они кружились, обняв друг друга:

— Мой дом под охраной Ментального Статического Поля максимальной интенсивности, а твои линии совершенно нормальны! Мы

действительно загнали их в ловушку, Аркади, и теперь можно жить ничего не боясь.

— Отец, — выдохнула Аркадия. — А теперь ты разрешишь наградить нас медалями?

— Откуда ты узнала, что я просил не включать нас в список? — Он отстранил дочку на расстояние вытянутой руки, но затем рассмеялся. — Неважно! Ты у меня все знаешь. Ну ладно, пусть тебе вручат медаль на сцене и под громкие речи.

— И еще, папа...

— Да?

— Ты можешь отныне называть меня Аркади?

— Но... Очень хорошо —
Аркади.

Величие победы медленно
пронизывало и пропитывало все его
существо. Основание — Первое
Основание — было абсолютным
повелителем Галактики. Никаких
барьеров не стояло больше между
ним и Второй Империей —
последним штрихом Плана Сэлдона.
Стоило только протянуть руку.

Благодаря ему...

16. Ответ, который был правдой

Неизвестная комната на неизвестной планете. И человек, план которого удался!

Первый Оратор посмотрел на Ученика.

— Пятьдесят мужчин и женщин, — сказал он. — Пятьдесят мучеников! Они знали, что их ждет либо смерть, либо вечное заключение, и их нельзя было даже сориентировать для поддержки, потому что это могло привлечь внимание. И тем не менее они осуществили этот план, потому что

любили План более великий.

— Их могло быть меньше? — с сомнением спросил Ученик.

Первый Оратор медленно покачал головой.

— Это был наш предел. Меньшее количество было бы просто неубедительно. Честно говоря, если подходить к проблеме объективно, то требовалось семьдесят пять человек, чтобы исключить малейшую ошибку. Но это уже неважно. Вы изучали курс событий, разработанный Советом Ораторов пятнадцать лет назад?

— Да, Оратор.

Последовало непродолжительное молчание.

— Я очень удивлен, Оратор...

— Знаю. Такое всегда вызывает удивление. Но если бы ты знал, сколько человек работало не покладая рук месяцами, годами, чтобы довести этот план до совершенства, то не был бы так поражен. А сейчас объясни мне, что случилось, своими словами. Я хочу посмотреть, как ты интерпретируешь математику.

— Да, Оратор.

Молодой человек собрался с мыслями.

— Необходимо было, чтобы люди Первого Основания полностью поверили в то, что они обнаружили и уничтожили Второе Основание.

Таким образом мы должны были добиться возврата к прежнему положению вещей. Отныне Терминус перестанет брать нас в расчет и ничего не будет знать о существовании Второго Основания. Ценой пятидесяти человек мы снова в безопасности.

— А какова была цель Калганской войны?

— Показать Основанию, что оно может победить и физического врага, чтобы искоренить неуверенность в себе и в своей непобедимости, неуверенность, в которой повинен Мул.

— В этом месте твой анализ грешит неточностями. Вспомни, ведь

население Терминуса на нас где-то надеялось. Они ненавидели нас и завидовали нашему предполагаемому превосходству, и тем не менее полагались на нас и были почти уверены, что мы их защитим. Если бы нас «уничтожили» перед Калганской войной, на Основании началась бы паника, и у них никогда бы не хватило мужества выстоять против Сеттина, который в этом случае атаковал бы без малейших колебаний. И только в полном блеске их победы «уничтожение» Второго Основания могло пройти с максимальным эффектом — даже год перерыва между победами мог значительно охладить их дух и

снизить результаты нашей работы.

Ученик кивнул.

— Я понимаю. Теперь история будет развиваться без отклонений по Плану Сэлдона?

— Если не возникнет каких-либо неожиданностей, особенно индивидуального характера.

— А для них, — размышлял Ученик, — пока мы еще существуем... Меня волнует одна мысль, Оратор. У Первого Основания появилось теперь Ментальное Статическое Устройство — могущественное оружие против нас. Во всяком случае это отклонение от Плана.

— Хорошо подмечено. Но

против кого использовать это Устройство? Оно стало бесполезным, как только угроза с нашей стороны исчезла. Энцефалографический анализ стал стерильной наукой. Теперь они обратят свое внимание на более насущные проблемы, поэтому первое поколение ментальных ученых Первого Основания будет и последним, а через столетие о Ментальном Статическом Поле забудут, и секрет его будет утерян навсегда.

— Так... — Ученик, рассчитывал в уме, шевеля губами. — Да, вы правы.

— Но на что я хочу обратить твое внимание, ради твоего будущего

в Совете, так это на то, что нужно всегда помнить о крохотных переменных, которые мы вынуждены были внести в План, рассчитывая действия индивидуумов. Например, то, каким образом Антор вызвал к себе подозрение в нужный момент. Впрочем, это было несложно. Или вспомни, к примеру, как развивались действия на Терминусе: ни одному человеку не пришло в голову преждевременно, что именно Терминус является объектом их поисков. Эта мысль должна была возникнуть у той девушки, Аркадии, и поделиться ею она должна была только со своим отцом. Затем ее следовало послать на Трантор, чтобы

никогда не заподозрит, что Аркадия — наше орудие. Согласно моим расчетам существовала примерно тридцатипроцентная вероятность того, что он это заподозрит. Что бы произошло тогда?

— Этот вариант тоже был просчитан. Что вам известно о Плато Вмешательства? Что оно собой представляет? Разумеется, не результат влияния на эмоциональной основе. Вмешательство можно осуществить таким образом, что самый изощренный энцефалографический анализ ничего не покажет. Следствие теоремы Лафферта ты ведь уже знаешь. Только полное удаление предыдущей

эмоциональной основы можно зарегистрировать, и, конечно, Антор постарался сделать так, чтобы Дарелл знал все о Плато Вмешательства.

Однако... Когда индивидуум может находиться под незаметным контролем? Когда не было предыдущей эмоциональной основы, которую необходимо удалять. Иными словами, когда индивидуум — новорожденный ребенок с совершенно чистым мозгом. Аркадия Дарелл и была таким младенцем здесь, на Транторе, когда еще просчитывались самые первые уравнения нашего плана. Она никогда не узнает, что находилась

под контролем, и так будет лучше. Кстати, контроль способствовал формированию более развитой личности.

— Самое удивительное во всем этом — ирония судьбы. Уже четыреста лет стольких людей ослепляют слова Сэлдона «на противоположном конце Галактики»! Они бросили на разрешение этой проблемы всю свою странную физическую науку, искали другой конец с линейкой, калькулятором — и приходили либо на периферию, на сто восемьдесят градусов от Основания, либо к исходной точке.

И, тем не менее, самая большая

опасность заключалась в том, что существовало решение, основанное на физическом образе мысли. Галактика, как ты знаешь, не просто плоский овал, а периферия — не замкнутая кривая. Это двойная спираль, в главной ветви которой находятся восемьдесят процентов населенных планет. Терминус на самом отдаленном внешнем конце этой ветви, а мы — на другом, потому что это противоположный конец спирали. А что есть противоположный конец спирали? Ну, конечно же, ее центр!

Но это слишком простое решение. Действительное же решение можно было получить, если

бы интересующиеся вспомнили, что Хари Сэлдон был не физиком, а занимался социальными науками и мыслил соответствующим образом.

Что может означать «противоположный конец» для такого ученого? Противоположные стороны на карте? Это лишь механическая интерпретация. Первое Основание было расположено на периферии, где менее всего чувствовалось влияние цивилизации, где почти не было богатства и культуры. А где социально противоположный конец Галактики? Да конечно же, там, где цивилизация была на высшем уровне, где богатство лилось через край!

Значит, в центре — на Транторе, столице Первой Империи! Иначе и быть не могло.

Хари Сэлдон оставил после себя Второе Основание, чтобы оно продолжало и совершенствовало начатое им дело. Но где для этого самое удобное место? На Транторе, где и работала группа Сэлдона и где было собрано колоссальное количество информации. А целью Второго Основания являлась защита Плана Сэлдона от внешних врагов. Это тоже было известно. И где существовал самый крупный источник опасности для Терминуса? Здесь! Хотя Империя умирала, за три века она при желании могла бы

уничтожить Основание без труда.

А затем, когда Трантор пал, был разграблен и разрушен, каких-то столет назад, мы, естественно, смогли защитить свое убежище, и на всей планете нетронутой осталась только Библиотека. Это было хорошо известно всей Галактике, но даже такой намек прошел мимо сознания людей.

Именно здесь Эблинг Мис обнаружил нас, и здесь же мы позаботились о том, чтобы он не пережил своего открытия. Для этого следовало сделать так, чтобы простая девушка с Основания победила Мула. Разумеется, такое событие могло привлечь внимание к планете, на

которой оно произошло, но именно здесь мы изучали Мула и составили план его уничтожения. Именно здесь родилась Аркадия, и с того момента начались события, возродившие План Сэлдона. И все просчеты, которые могли выдать нашу тайну, оставались незамеченными, потому что Сэлдон вложил свой смысл в слова «противоположный конец», а они интерпретировали их по-своему.

Первый Оратор давно уже перестал рассказывать это Ученику. Он говорил сам себе, словно переживая все заново, стоя у окна и глядя на слепящий свет огромной Галактики, которая была теперь в безопасности.

— Хари Сэлдон сказал о Транторе: «Там, где кончаются звезды», — прошептал Оратор. — Каким поэтическим воображением нужно обладать, чтобы сказать так! Целой Вселенной когда-то управляли с этой скалы, все нити вели сюда. «Все дороги ведут на Трантор», — гласит старая пословица.

«Там, где кончаются звезды».

Всего десять месяцев назад Первый Оратор с беспокойством смотрел на те же звезды, которые нигде так ярко не сияют, как в центре Галактики. Но сейчас торжественное выражение застыло на круглом красном лице Прима Палвера — Первого Оратора!